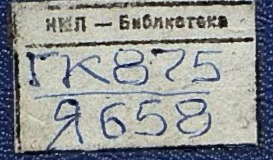
Ярославский
Третья сила
М., 1932.
1-й экз.



Ем. Ярославский

ТРЕТЬЯ СИЛА

партиздат
1932

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ем. ЯРОСЛАВСКИЙ

ТРЕТЬЯ СИЛА

1-й экз.

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1932.

Обложка художника *Б. Титова.*

Редактор *Л. Паперный.* Технич. редактор *М. Пиотрович.*
Сдано в набор 19/XI-31 г. Подписано к печати 25/X-32 г.
Партиздат № 2096/м. Тираж 10 000 экз. Ленгорлит № 59847. Заказ № 334.
Формат 82×110 см. $^1/_{32}$. 17 печ. л. (154112 тип. зн. в 1 бум. лист.) Бум. листов. $4^1/_4$.

Типография „Печатный Двор". Ленинград. Гатчинская, 26.

О роли „чистой демократии" в период пролетарской революции

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В непрестанной классовой борьбе пролетариат вырабатывает свою революционную идеологию, свою программу и тактику, — на основе огромного опыта классовой борьбы всех стран, на основе истории рабочего движения, истории социализма.

К выработке правильной революционной идеологии партии рабочего класса в отдельных странах приходят, преодолевая влияние мелкобуржуазных теорий, которые просачиваются в ряды рабочего класса, мешая ему найти верный путь победоносной борьбы за социализм. Против этих оппортунистических теорий справа и таких же оппортунистических теорий, прикрытых «лево-революционной» фразеологией, наша партия вела борьбу с самого начала ее возникновения в 1902-1903 гг. Она окрепла в этой борьбе, закалилась, выросла. Еще накануне первой революции наша партия разоблачала истинную роль меньшевистской и эсеровской партий, которые явились проводниками буржуазных влияний на пролетариат и трудящиеся массы крестьянства. Она, эта предательская роль, еще более наглядна стала в период между двумя революциями, когда меньшевики стали певцами «Столыпинской рабочей партии», а господа Каутские, и до этого периода проявлявшие меньшевистские симпатии, выступали защитниками меньшевиков на международной арене. Еще больше эта роль — агента буржуазии — обнаружилась перед массами в период империалистической войны, когда большинство вождей социал-демократических партий II Интернационала открыто поддержало хищническую, грабительскую империалистическую войну, не за страх, а за совесть служа буржуазии.

Послевоенный период показал в еще более широких размерах образцы этого «сотрудничества».

Социал-демократия помогла раздавить революцию в Германии, в Венгрии и в ряде других стран. Она помогла и помогает буржуазии душить революционное рабочее движение. Ставши еще до войны на путь социал-фашизма, партии II Интернационала беззастенчиво ведут борьбу против социалистического движения, прикрывая еще эту борьбу лживой социалистической фразеологией.

Не отстают в этом отношении от мирового меньшевизма и русские эсеры и меньшевики.

В тезисах доклада о тактике нашей партии на III конгрессе Коммунистического интернационала Ленин подчеркивал: «Имея теперь свои главные штабы и газеты за границей, эти партии фактически идут в блоке со всей буржуазной контрреволюцией и служат ей верную службу» [1]. Ленин писал в этих тезисах: «Умные вожди русской крупной буржуазии и во главе их Милюков, вождь партии «кадетов» («конституционных демократов»), вполне ясно, точно и прямо оценили эту роль мелкобуржуазной демократии, т. е. эсеров и меньшевиков. По поводу кронштадтского восстания, в котором оказались соединившими свои силы меньшевики, эсеры и белогвардейцы, Милюков высказался за лозунг: «Советы без большевиков». Развивая эту мысль, он писал: «честь и место» эсерам и меньшевикам [2], ибо на них ложится задача первой передвижки власти от большевиков. Милюков, вождь крупной буржуазии, правильно учитывает уроки революций, показавших, что мелкобуржуазная демократия неспособна удержать власти, служа всегда лишь прикрытием диктатуры буржуазии, лишь ступенькой к всевластию буржуазии [3].

При этом Ленин, ссылаясь на мнение Фр. Энгельса, высказанное им в письме к Бебелю от 11 декабря 1884 г., писал, что «пролетарская революция в России еще и еще раз подтверждает этот опыт 1789 — 1794 и 1848 — 1849 гг.». В этом письме, приведенном в статье В. Адоратского «Маркс и Энгельс о демократии», Энгельс высказал пророческую мысль, что «чистая демократия» может в момент революции на короткий срок приобрести временное значение в качестве самой крайней буржуазной партии, какой она выступала уже во Франции *в роли последнего якоря спасения всего буржуазного и даже феодального хозяйства.* В такой момент вся реакционная масса группируется вокруг нее и усиливает ее. Все, что было реакционно, выступает тогда в качестве демократов» [4].

[1] *Ленин*, соч., т. XXVI, стр. 435.
[2] „Правда" № 64, 1921 г., цит. из парижских „Последних Новостей".
[3] *Ленин*, соч., т. XXVI, стр. 435.
[4] *Там же*, стр. 674 — 675.

Приводя пример Франции, Энгельс делает вывод: «Так было и во всех революциях: к власти приходит партия самая ручная, сохраняющая еще способность управлять. Именно потому, что *побежденные (господствующие классы) только в ней видят последнюю возможность спасения»*... «...Во всяком случае, *во время кризиса и на другой день после него нашим единственным противником явится вся реакционная масса, объединяющаяся вокруг шестой партии*, и этого, как я полагаю, ни в коем случае упускать из виду нельзя».

Опыт пролетарской революции полностью подтвердил эту характеристику, данную Энгельсом партиям «чистой демократии». Меньшевики и эсеры оказались в период пролетарской революции полностью на стороне буржуазии. Однако ведь и до сих пор в странах Западной Европы коммунистическим партиям приходится вести большую работу *по разоблачению* этой роли партий II Интернационала. Ведь и сейчас еще за социал-демократией в Германии, во Франции есть массы, за завоевание которых должна бороться и борется коммунистическая партия. Меньшевизм в мировом масштабе представляет еще большую опасность для рабочего класса. Эту опасность надо преодолеть во что бы то ни стало для того, чтобы одержать победу.

Автор считал полезным собрать тематический сборник своих статей, направленных против эсеровской и меньшевистской партий, написанных в период 1917 — 1931 гг. Они все проникнуты борьбой против «третьей силы», все служат одной цели: сорвать «революционные покровы» с меньшевистской и эсеровской партий. При этом конечно читатель должен учесть обстановку, в которой писались эти статьи, на протяжении 14 лет.

Ем. Ярославский.

О третьей силе в период пролетарской революции и пролетарской диктатуры[1]

Товарищи, я взял тему о третьей силе в период пролетарской революции и пролетарской диктатуры потому, что этот вопрос тесно связан со всей нашей борьбой за социализм, с нашей борьбой против уклонов от генеральной линии партии, составляющей одну из важнейших частей борьбы за социализм.

Процесс меньшевиков проливает особенно яркий свет на вопрос о третьей силе и заставляет нас внимательно присмотреться к тому, как, какими путями, через какие слои, через какие классовые прослойки эта третья сила пытается подкопаться под фундамент пролетарской диктатуры, чтобы расчистить почву для реставрации капитализма.

Вопрос о третьей силе поставлен, по сути дела, не только после свержения буржуазии, он был поставлен еще до свержения власти буржуазии. Величайшая задача, поставленная социалистической революцией — построение социалистического общества, — связана прежде всего с ликвидацией классов. Если в уничтожении этого деления общества на классы заинтересован пролетариат, то именно «третья сила» непримиримо враждебна этому лозунгу партии, хотя в то же время буржуазия заинтересована в том, чтобы всячески *замазать* классовые противоречия, *притупить* классовый антагонизм.

Новые представления мелкобуржуазных социалистов о реформистских путях к уничтожению этого классового деления в значительной степени были навеяны буржуазией, которая больше всего боялась, а в капиталистических странах боится и сейчас, момента, когда пролетарские массы окончательно перестанут верить в реформистский путь борьбы, надеяться на мирное

[1] **Доклад, читанный в Коммунистической академии 8 марта 1931 г.**

решение вопроса, возьмутся за революционные методы борьбы, за плебейские способы расправы с классовыми врагами.

Поэтому буржуазия с нескрываемой ненавистью относится к революционной партии пролетариата и, наоборот, очень благосклонно к мелкобуржуазным партиям даже тогда, когда они носят название «социалистических» партий. Она расхваливает их мудрость, умеренность, благоразумие, вступает с ними в союз. Она иногда даже *сама создает* мелкобуржуазные реформистские партии, которые называются «социалистическими» партиями. Достаточно напомнить, что еще в «Коммунистическом манифесте» Маркс и Энгельс дают характеристику таким мелкобуржуазным реформистским партиям, выступающим под флагом социализма, как например социализм Сисмонди и его школы, как консервативный буржуазный социализм Прудона. Больше того, против господства буржуазии выступала даже низвергнутая ею аристократия под флагом феодального социализма. В наши дни достаточно указать на ряд таких организаций, чисто буржуазных, которые выступают под флагом социалистических, вернее сказать, пользуются социалистической фразеологией, как «радикал-социалисты» во Франции, как «национал-социалисты», т. е. попросту фашисты, в Германии, как организующаяся сейчас в Англии партия Мосли — партия национал-фашистская, выходящая одновременно из недр правых консерваторов и из недр лейбористской «рабочей» партии — партии Макдональда. Эта партия является одним из отпочкований лейбористской партии, которая по составу своему в значительной степени является рабочей партией, но по сути своей — мелкобуржуазной, приспособленной целиком к тому, чтобы бороться с революционным движением пролетариата и подчинять рабочий класс влиянию буржуазии.

В эпоху пролетарской революции, когда размежевание классов становится более резким, буржуазия прямо заинтересована в том, чтобы бороться с распадом своего класса, чтобы удержать в своих рядах тех выходцев своего класса, которые начинают понимать историческую роль пролетариата и пролетарского движения и в одиночку переходят на точку зрения пролетариата. Буржуазия стремится фальсифицировать революционное учение пролетариата в целях выхолащивания его революционного содержания, в целях приспособления его к нуждам своего класса, в целях отвлечения пролетариата от революционной борьбы, в целях самого широкого обмана масс, для чего пускаются в ход все средства. Представители буржуазии проникают в ряды пролетарской партии еще до победы пролетариата, еще во время революции, что-

бы отвлечь пролетариат от революционных способов борьбы на путь реформизма, на путь тред-юнионизма, либеральной политики.

Так с первых шагов развития рабочего движения в России различные мелкобуржуазные теории стремятся исказить революционное учение Маркса и Энгельса, выступая иногда под флагом марксизма. Я не буду сейчас подробно останавливаться на всем известной роли *экономизма*, роли *легального марксизма* — течений, которые являлись именно такого рода попытками буржуазии приспособить революционное учение Маркса и Энгельса к своим нуждам, к нуждам своего класса, — попытками провести в пролетарские массы свое буржуазное влияние. Понятна поэтому та страсть, с которой большевики, в особенности В. И. Ленин, боролись против этих течений.

Роль меньшевизма как *наследника* экономизма в период подготовки первой революции, в период выработки программы, тактики и организационных выводов сводилась также к тому, чтобы по возможности превратить нашу партию в придаток буржуазного движения, в придаток буржуазного либерализма. Меньшевистское течение было именно течением мелкобуржуазных, мещанских слоев, которые выражали на деле на всем протяжении истории определенную историческую роль: *подчинения пролетарского движения задачам буржуазной демократии.*

С самого начала социальная база меньшевиков была иной, чем социальная база нашей партии, даже тогда, когда *формально* мы были в одной партии. Не надо однако забывать, что и в нашу партию вливались элементы, которые не порвали со всякого рода мелкобуржуазными настроениями, мелкобуржуазной идеологией. Нашу партию поддерживал не только пролетариат на протяжении всей ее истории, но ей сочувствовали и некоторые мелкобуржуазные слои, которые считали возможным итти с нами до определенного момента нашей борьбы. Такими *мелкобуржуазными попутчиками и были в свое время меньшевики.*

Передовые элементы рабочего класса боролись против меньшевизма, они боролись за чистоту наших рядов, против мелкой буржуазии, которая проникла в эти ряды, против мелкобуржуазного влияния либеральной буржуазии, буржуазии «демократической». *А социальной базой меньшевиков с самого начала были городская мелкая буржуазия, ремесленники, мелкобуржуазная интеллигенция, разоряющееся мещанство.* Это особенно можно проследить в бундовской организации на социальной природе тех слоев, которые вливались в бундовскую организацию. Это можно проследить на целом ряде других меньшевистских организаций, которые рождались и создавались в таких усло-

виях, когда пролетариат крупных индустриальных предприятий играл меньшую роль. За этими мелкобуржуазными слоями тянулись политически отсталые слои рабочих, которые были окружены мелкобуржуазной стихией и связаны переходными нитями с мелкобуржуазными слоями, а также так называемая «рабочая аристократия».

В неменьшей степени и *партия эсеров была и является такой партией мелкой буржуазии в русской революции*, — по преимуществу крестьянской, зажиточно-кулацкой. Так называемый «социализм» эсеров был не чем иным, как защитой интересов зажиточной части крестьянства. Ленин поэтому прямо называет партию эсеров «*фракцией буржуазной демократии*, левой фракцией буржуазной демократии. Хотя субъективно некоторые эсеры себя считали социалистами, хотя они употребляли терминологию вульгарного социализма, но это не избавляло их от того, что они были на деле и остались выразителями чаяний и интересов именно этой кулацкой крестьянской буржуазии.

Еще в революции 1905 — 1907 гг. соглашательские, реформистские, мелкобуржуазные, антиреволюционные и антисоциалистические черты этих партий обнаружились перед широкими массами. Период между двумя революциями углубил поэтому расхождение между нами и этими партиями, одна из которых — меньшевистская партия — выступала одно время под одним с нами названием, имела даже с нами одну программу. В период между двумя революциями произошел еще больший отход рабочих от партии меньшевиков, когда во время столыпинской реакции меньшевики прямо пытались прекратить всякую революционную деятельность в организации, ликвидировать все революционные лозунги нашей партии, издевались над этими революционными лозунгами и являлись глашатаями врастания в столыпинскую монархию.

В период империалистической войны, — я очень схематически касаюсь этих периодов, потому что хочу ближе подойти именно к периоду пролетарской революции, — в период империалистической войны мы имели массовый *открытый* переход партий II Интернационала, в том числе и русских меньшевиков и русских эсеров, — *массовый переход на точку зрения буржуазии, массовый переход в таком остром вопросе, как вопрос о войне*, когда идеологи германской социал-демократии заявили о том, что социалистический Интернационал является вовсе не инструментом войны, что он является инструментом мира. Они говорили, что во время мира нужна эта международная солидарность рабочего класса, международное объединение, а во время войны

рабочий класс каждой страны должен защищать *свое* отечество. Это было полное предательство интересов социализма, это было, как Ленин называл, «*соучастие в бандитизме*» империалистов. Такими соучастниками бандитизма империалистов и стали русские меньшевики и русские эсеры.

Позвольте мне прочесть из «Детской болезни «левизны» в коммунизме» отрывок, написанный через три года после Октябрьской революции. Этот отрывок дает исчерпывающую постановку вопроса о третьей силе и ставит во весь рост все те вопросы, которые мы сейчас в реконструктивный период решаем на новом этапе новыми средствами.

«Мы в России переживаем (третий год после свержения буржуазии) *первые шаги перехода от капитализма к социализму или к низшей стадии коммунизма*,—писал тогда Ленин.—Классы остались и останутся *годами* повсюду *после* завоевания власти пролетариатом. Разве может быть в Англии, где нет крестьян (но все же есть мелкие хозяйчики!), срок этот будет меньше.

Уничтожить классы — значит не только прогнать помещиков и капиталистов, — это мы сравнительно легко сделали, — это значит также *уничтожить мелких товаропроизводителей*, а их *нельзя прогнать*, их нельзя подавить, с ними *надо ужиться*, их можно (и должно) переделать, перевоспитать только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой. Они окружают пролетариат со всех сторон мелкобуржуазной стихией, пропитывают его ею, развращают его ею, вызывают постоянно внутри пролетариата рецидивы мелкобуржуазной бесхарактерности, раздробленности, индивидуализма, переходов от увлечений к унынию. Нужна строжайшая централизация и дисциплина внутри политической партии пролетариата, чтобы этому противостоять, чтобы *организаторскую* роль пролетариата (а это его *главная* роль) проводить правильно, успешно, победоносно. Диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская против сил и традиций старого общества. Сила привычки миллионов и десятков миллионов — самая страшная сила. Без партии железной и закаленной в борьбе, без партии, пользующейся доверием всего честного в данном классе, без партии, умеющей следить за настроением массы и влиять на нее, вести успешно такую борьбу невозможно. Победить крупную централизованную буржуазию в тысячу раз легче, чем «победить» миллионы и миллионы мелких хозяйчиков, а они своей повседневной, будничной, невидной, неуловимой, разлагающей деятельностью осуществляют *те самые* результаты,

которые нужны буржуазии, которые *реставрируют* буржуазию. Кто хоть сколько-нибудь ослабляет железную дисциплину партии пролетариата (особенно во время его диктатуры), тот фактически помогает буржуазии против пролетариата»[1].

Вы видите, Ленин здесь дает основные указания, выдвигает основные требования, без которых нет партии, нет диктатуры пролетариата. Ленин перед Октябрьским переворотом, — когда Каменев и Зиновьев прямо изменили партии, когда они выступили в «Новой жизни» против решений партии, — говорил, что если мы позволим такого рода выступления, тогда у нас нет партии. Следовательно главное, что Ленин выдвигает как условие, необходимое для успеха борьбы за социализм, как условие, необходимое для переделки мелкого и мельчайшего крестьянского хозяйства, для борьбы с этой «страшной силой привычки миллионов и десятков миллионов», это есть единство партии; это — сохранение партийной дисциплины, которую ни один член партии не в праве колебать; это — стройная увязка различных сторон, методов действий пролетарской диктатуры, когда партия не может отказаться ни от одного из средств, находящихся в распоряжении пролетариата; это — большевистская тактика, проводимая по отношению к непролетарским элементам, которая заключается в том, что мы по отношению к массе мелкой буржуазии, массе крестьян действуем не подавлением ее, а мы *переделываем* ее, так как с нею надо *ужиться*, ее надо *переделать*. Но в то же время — это беспощадное *подавление* эксплоататоров, эксплоататорских элементов, ибо только тогда возможно присоединение трудящихся мелких товаропроизводителей, основной массы крестьянства к программе пролетариата, переход этих масс на сторону социализма. Это необычайно трудная задача, она таит в себе определенные опасности для рабочего класса и его партии. И Ленин прямо говорит об этой опасности, говорит о значении «повседневной, будничной, невидной, неуловимой разлагающей деятельности», посредством которой эта самая масса мелкой буржуазии может осуществить те самые результаты, которые нужны буржуазии, которые реставрируют буржуазию. Задача таким образом состоит в том, чтобы уметь *преодолеть* эту стихию, овладеть ею, переделать ее, повести за собой.

Но как раз на эти же силы мелкой буржуазии пытается опереться и контрреволюция; она ищет путей к тому, чтобы проникнуть в крестьянские массы в нашей стране. Если бы она могла их перетянуть на свою сторону, если бы ей удалось

[1] *Ленин*, т. XXV, стр. 190—191.

осуществить разрыв союза пролетариата и бедняцко-середняцких масс крестьянства, тогда конечно дело социализма находилось бы в критическом положении, и мы могли бы утерять завоевания, которые были добыты такими тяжелыми жертвами.

Конечно для того, чтобы удержать хотя бы частичку масс, хотя бы даже зажиточные слои крестьянства, буржуазия вынуждена обращаться лицом не к будущему этих масс, а к их прошлому, она должна их тянуть назад. В силу этого идеологи примыкающих к ней групп мелкобуржуазных и всякого рода «социалистических» организаций тоже тянут назад к прошлому, а не к будущему, они вынуждены хвататься за всякие реакционные программы. В Октябре 1917 г. эти партии крепко сковали себя с контрреволюционной буржуазией, они крепко приковали себя, как говорил Ленин, к колеснице буржуазии. Но они искали все же опору и в рабочем классе, решительно выступившем на борьбу со всеми силами старого общества. Здесь меньшевики окончательно потеряли ту пролетарскую базу, с которой они до этого, хотя и слабо, были связаны.

Меньшевик Якубович рассказывает в своих показаниях, как в октябрьские дни он пришел на съезд советов и какое там царило настроение среди социал-соглашателей. Съезд еще не открывался; он увидел, что меньшевиков там почти нет, меньшевики вместе с эсерами перекочевали в Мариинский дворец, в так называемый «Предпарламент». Он отправился туда. Там сидели и рассуждали, как быть, что делать с надвигающимся неизбежным переворотом? Говорили, что надо во что бы то ни стало подавить этот переворот. Но как подавить? Когда кто-нибудь начинал припоминать, на какой завод можно еще пойти меньшевикам, то оказывалось, что в громадном столичном городе революции — в Петрограде — не было предприятия, куда бы меньшевики смели пойти не только для того, чтобы взять массы на подавление большевиков, но хотя бы для того, чтобы их там выслушали. И вот надо было найти какие-нибудь пути, которые могли бы поколебать ряды большевистской партии, хотя бы частично их поколебать с тем, чтобы ослабить переворот. Эту роль взяли на себя меньшевики и эсеры. Мы видим в роли соглашателей и такие группы, которые назывались очень громкими именами, как «социал-демократы-интернационалисты». К этой группе интернационалистов примыкал, между прочим, и Суханов, который тогда играл одну из главных ролей в газете «Новая жизнь», а, как вы знаете, «Новая жизнь» вместе почти со всей группой интернационалистов играла в этот момент роль маклера меньшевиков и эсеров. В лагере

большевистской партии они имели все-таки кое-какие связи, больше, чем меньшевики. В некоторых кругах рабочих, и в своей газете «Новая жизнь», в целях поколебать большевистскую революционную установку на переворот и пролетарскую революцию, они ведут разговоры о том, что надо создать социалистическое правительство из представителей всех социалистических партий и что надо найти таких большевиков, которые взяли бы на себя миссию проводить эту мысль в самой большевистской партии.

Эту роль берут на себя Зиновьев, Каменев, Рыков, Рязанов, Шляпников, целый ряд персонажей, которых вы увидите впоследствии в разного рода оппозиционных группировках, колеблющих единство партии, подрывающих ее единство и тем создающих почву для деятельности II Интернационала.

Как вы знаете, партия эти колебания преодолела, партия не послушалась этих капитулянтов, выступавших тогда с такого рода предложениями. Партия, вопреки им, вопреки тому, что они говорили, что большевики не удержат государственную власть, что буржуазия гораздо сильнее нас, что нам надо отложить переворот, — партия их не послушалась и была абсолютно права. Но все-таки эти их колебания внесли кое-какое смущение в отдельные отряды партии и воодушевили наших врагов. Борьба затянулась. В провинции, когда получились известия, что целая группа старых большевиков и видных общественных деятелей в большевистской партии выступила из состава правительства, что они не разделяют взглядов партии, — это известие конечно внесло некоторое смущение. Там, где контрреволюция могла действовать, она использовала эти колебания. Даже здесь в Москве тянулась в течение нескольких дней борьба с товарищами, которые «викжелили», колебались. «Викжель», это вы помните, была такая железнодорожная организация, члены которой колебались между революцией и контрреволюцией. От этого и получился такой термин «викжелить», когда люди виляют хвостами, не имея твердой линии. Эти люди «викжелили» не то за пролетарскую революцию, не то за соглашение с меньшевиками и эсерами, которых они считали социалистами, потому что они считали необходимым «социалистическое министерство, составленное из представителей всех социалистических партий». Представьте себе тот ноев ковчег, в котором было бы «каждой твари по паре», представьте себе, что получилось бы, если бы мы пошли на коалицию с этими меньшевиками и эсерами, как бы мы погубили пролетарскую революцию, сколько бы мы внесли шатаний в дело пролетарской революции. Кое-где эти колебания вдохновляли

контрреволюцию. Наши противники говорили: вы видите, даже в среде самих большевиков нет единства. Как же они берут на себя управление страной, как они смеют на себя брать обязательство государственной власти, когда в собственной среде у них нет единства! Вот, смотрите, они еще как следует не взяли власть, а уже дерутся между собой; уже спорят, какой она должна быть. Вот в чем был объективно контрреволюционный смысл этого выступления Зиновьева, Каменева и других — контрреволюционный смысл лозунга «блок социалистов» в момент пролетарской революции. Для нас совершенно ясно, что мы в лице меньшевиков и эсеров имели дело не с социалистами, а с мелкобуржуазной фракцией буржуазной демократии. Мы бы себе связали руки, обрекли бы советскую власть на непоследовательность, на половинчатость, на колебания в самых основных вопросах; мы бы имели в своей собственной среде агентов буржуазии, прямых сторонников буржуазной реставрации и это было бы, понятно, величайшей опасностью для революции. Вот почему в трудный момент начавшейся гражданской войны партия должна была прежде всего решительно преодолеть эту дряблость, бесхарактерность, шатания. Однако она их не могла уничтожить полностью, потому что эти шатания как раз имели в основе своей наличие в нашей стране мелкобуржуазной стихии, неустойчивость которой и отражали колебавшиеся члены, входившие в нашу партию.

В период Брестского мира, в период полный трудностей для пролетарской революции, новые колебания этой мелкобуржуазной стихии дают себя знать с особой остротой и отражаются на отдельных прослойках в нашей партии.

На этот раз мелкобуржуазная стихия находит отражение в деятельных выступлениях «левых коммунистов». Критика партийной линии и деятельности советов, идущая со стороны левых коммунистов, окрыляет и вдохновляет левых эсеров. Левые эсеры, которые в период Октябрьской революции пошли вместе с нами, вскоре после Октябрьской революции, когда мы начали последовательно проводить целый ряд социалистических мероприятий, как например организацию комбедов, левые эсеры потеряли влияние в массе бедноты и середняков и выступили как бы наследниками правых эсеров. Они очень скоро перенесли поэтому свое внимание на кулацко-зажиточные элементы, они стали рупором, идеологами *этих* именно кулацко-зажиточных элементов деревни, которым было наплевать на всякую революцию, которые были врагами пролетарской революции и разумеется сочувствовали гораздо больше Антанте, мелкобуржуазным

партиям, которые были *за* продолжение войны «с немцами». Мы сейчас не останавливаемся подробно на критике взглядов «левых» коммунистов. Здесь я хочу лишь отметить, что, помимо воли «левых» комунистов, они казались орудием в руках тех, кто хотел продолжать войну в интересах Антанты, а не в интересах рабочего класса. Они объясняли конечно свою линию иными мотивами, субъективно их отношение к Брестскому миру исходило из других предпосылок, из необходимости «революционной войны». Однако они в своих выступлениях нередко солидаризировались с точкой зрения левых эсеров. Помимо воли поэтому они, «левые» коммунисты, блокировались в вопросе о Бресте с меньшевиками, эсерами и кадетами. Помимо воли они выражали левыми фразами правую контрреволюционную сущность враждебных нам классов.

Если бы в среде коммунистов не было этих колебаний, тогда, я думаю, не было бы даже мыслимо это авантюристическое выступление левых эсеров, когда из Трехсвятительского переулка снаряды летели в Кремль, когда вожди левых эсеров (как Прошьян) говорили: «что же вы думаете, что мы Ленина пощадим, что ли?», когда левый эсер Муравьев, который командовал нашими частями на Волге, повернул эти войска против Москвы; когда из Москвы захватившие телеграф левые эсеры посылали телеграмы о том, что власть большевиков пала. Это был необычайно тяжелый момент, когда дискуссия велась пушками и пулеметами. И надо сказать, что аргументы, выставляемые левыми эсерами против политики нашей партии, в значительной степени выдвигались и «левыми» коммунистами против нашей партии, против политики советской власти. Последние во многом солидаризировались с первыми. Вот почему «левые» коммунисты, хотя субъективно они конечно были исполнены самых лучших пожеланий и считали себя революционерами и гораздо лучшими марксистами, чем наши руководящие товарищи, на деле развязывали ту третью силу, которая пыталась воспользоваться возникшими в партии разногласиями.

Я перехожу к другому периоду истории борьбы за социализм, к периоду 1920 — 1921 гг., к повороту от военного коммунизма к нэпу. Гражданская война в основном подходила к концу. Главные силы контрреволюции были разгромлены, но одновременно страна переживала тяжелый период разрухи, усталости от войны, экономического кризиса, связанного отчасти с неурожаем, товарного голода. Значительные массы крестьянства не только не хотели больше воевать, но и не хотели нести тех тягот, которые они несли в период гражданской войны. Они требовали свобод-

ной торговли, а так как наиболее заинтересованными в этой свободной торговле были кулацкие элементы и мелкая буржуазия городов, то мы имеем к этому времени оживление деятельности эсеров и меньшевиков, стоящих на точке зрения этих классовых сил.

Оживляется деятельность эсеровских «крестьянских» союзов. Мы имеем довольно широкое движение кулацких союзов не только в Тамбовской губ., но и в Сибири, на Алтае. Вслед за разгромом Колчака мы должны были бороться именно с этой кулацкой контрреволюцией, которую поддерживали остатки колчаковцев, анненковцы, дутовцы и др. В целом ряде районов кулачество вербует себе сторонников из среды некоторых слоев недовольного середняцкого крестьянства.

Эти настроения реакционной части крестьянства передаются через прослойки рабочих, тесно связанных с этими слоями, в город. Не надо забывать, что в то время очень многие рабочие находились в деревне. Предприятия были остановлены, рабочий класс был ослаблен, распылен, многие рабочие ушли просто питаться в деревню. Лучшие наши металлисты иногда занимались там изготовлением сковородок, зажигалок и пр. и пр., на них давила эта мелкобуржуазная стихия. Отражение этих настроений в некоторых прослойках нашей партии было довольно сильно. На некоторых предприятиях, фабриках, заводах начинаются «волынки», забастовки. И вот эти настроения прежде всего передавались части профсоюзных работников. На сентябрьской конференции 1920 г., кажется 24 сентября, Лутовинов, который был одним из организаторов и вождей рабочей оппозиции, выступает с программой оппозиции, которая настаивает на полной отмене назначенства, на освобождении высших советских «профессиональных учреждений от этого излишнего вмешательства» ЦК партии, т. е. по сути дела проводит либерально-тред-юнионистскую, анархо-синдикалистскую программу. По тогдашнему времени это было очень резкое выступление, которое показало, что в известной части профессионалистов зреют анархо-синдикалистские и тред-юнионистские настроения.

Возникновение этих настроений относится конечно к несколько более раннему времени, чем конец 1920 г. Тов. Томский в речи на X съезде партии описывает одно заседание ВЦСПС в 1919 г., когда рабочей оппозицией были выдвинуты ее теории. «Подходя к рабочей оппозиции, оценке ее, — говорил на X съезде РКП т. Томский, — приходится немножко посмотреть прошлое, посмотреть на историю развития идеологии этой «рабочей оппозиции». В этом отношении опыт развития идеологии

т. Шляпникова — явление очень интересное и опасное. Я напомню вам весну 1919 г., когда мы переживали приблизительно такой же тяжелый момент, как и сейчас, когда на заседании фракции ВЦСПС в этом же самом зале была вынесена резолюция, которая говорила, что мы, профессионалисты, должны стать во главе растущего недовольства масс». Видите, какая была постановка весной 1919 г., — *профессионалисты должны стать во главе растущего недовольства масс!* «Осенью 1919 г., — говорил далее т. Томский, — Шляпников сформулировал свою платформу, тезисы, в которых говорил, что партия и советская власть должны заниматься политикой, а профсоюзы должны заниматься областью экономики» [1].

Таким образом партии и советской власти не должно быть никакого дела до области экономики, полный разрыв между политикой и экономикой, причем профсоюзы должны были взять на себя разрешение *всех экономических проблем*. Представьте себе, что бы получилось у нас тогда, что осталось бы от диктатуры пролетариата, в какую карикатуру выродилась бы она!

В чем обвиняла тогда рабочая оппозиция партию? Прежде всего в отрыве от масс, особенно рабочая оппозиция обвиняла партию в том, что партия ищет новую социальную базу. Члены рабочей оппозиции, Шляпников и Медведев, говорили, что Центральный комитет партии, что Ленин становятся на точку зрения меньшевиков и эсеров, что они ищут союза с крестьянством, что они хотят опереться не на пролетарские массы, а на мелкобуржуазные крестьянские массы. Затем оппозиция нападала очень резко на политику союза рабочего класса и крестьянства. Она не была согласна с тем поворотом, который был сделан в новой экономической политике. Вы помните быть может, что в то время были даже выходы из партии именно из-за несогласия с нэпом, который рассматривался многими «архиреволюционерами» как отказ от борьбы за социализм, как попытка стать на путь перерождения партии и советской власти. Выдвигались требования передать управление всем производством «съезду производителей». Такова была точка зрения рабочей оппозиции. Рабочая оппозиция очень недобросовестно изображала положение рабочего класса. Тов. Коллонтай писала в своей брошюре — в манифесте рабочей оппозиции — о том, что положение рабочего класса в нашей стране самое бесправное, каторжное.

Однако это недовольство политикой партии и советской вла-

---

[1] X съезд РКП, Стенографический отчет, стр. 201, Гиз, 1921.

стью, недовольство той формой диктатуры пролетариата, которая была неизбежна в период гражданской войны, было не только у рабочей оппозиции. Мы имели в то время целый ряд групп, нападавших на ленинское руководство, — группу «демократического централизма», куда входили Сапронов и Влад. Смирнов, которые вели атаку на партию и от неправильной постановки вопросов демократического централизма скатились впоследствии прямо к контрреволюционным установкам о перерождении советской власти и партии. Они договорились впоследствии даже до того, что партия наша — труп, что у нас термидор уже совершился, что у нас совершился бонапартистский переворот и пр. и пр. Была группа троцкистов, которая в этих спорах о профсоюзах проводила целый ряд других установок, которые впоследствии превратились полностью в контрреволюционную программу. Тут же суетилась «буферная группа» Бухарина. Я напомню вам о том, как Ленин относился к профсоюзной дискуссии, в которой он должен был принять участие. Он говорил, что это большая роскошь, которую мы себе позволяем, что не надо было ее начинать, что выступление Троцкого было прямо антисоветским действием, антисоветским методом борьбы. В период пролетарской революции мы в первый раз встречаем такую оценку, такую характеристику действий Троцкого, как антисоветских действий.

Вспомните обстановку X съезда.

Мы, сибирские делегаты, ехали например вооруженные винтовками, на площадках некоторых вагонов стояли пулеметы. Мы проезжали через районы, охваченные кулацким восстанием. Ишимский мост был взорван. Пойманным коммунистам восставшие кулаки выпускали кишки и набивали животы, как тогда говорили, «продразверсткой». Восстанием был охвачен не один Ишимский район, восстания были в целом ряде других районов. Кое-где уже назревали забастовки на отдельных предприятиях. В самый момент X съезда значительная часть делегатов должна была выехать в Кронштадт подавлять кронштадтский белогвардейский мятеж. В такой обстановке проходил X съезд. Мало того, здесь в Москве на некоторых предприятиях левые эсеры проводили свои резолюции. Я, помню, выступал на заводе Бромлея. Передо мною выступал левый эсер Иванов, который провел кронштадтскую резолюцию. Мне с большим трудом удалось преломить это настроение. Правда, в то время очень многих рабочих не было уже на заводе, они были в деревне. Но все-таки настроение было необычайно тяжелое, и не только на заводе Бромлея, но и на целом ряде предприятий.

Вот почему Ленин должен был заострить вопрос о третьей силе на X съезде и дать предупреждение и правым и «левым». Я позволю себе огласить выдержки из двух резолюций о единстве партии, которые показывают, какой действительно опасный момент мы тогда переживали. В резолюции о единстве партии Ленин дает характеристику того, в каких условиях возникают попытки классового врага использовать разногласия в партии.

«Съезд обращает внимание на то, что единство и сплоченность ее рядов, — читаем мы в этой резолюции, — обеспечение полного доверия между членами партии и работы действительно дружной, действительно воплощающей единство воли авангарда пролетариата являются особенно необходимым в настоящий момент, когда ряд обстоятельств усиливает колебание в среде мелкобуржуазного населения страны».

Второй пункт указывает на то, что «еще до общепартийной дискуссии о профсоюзах в партии обнаружились некоторые признаки фракционности, т. е. возникновение групп с особыми платформами и со стремлением до известной степени замкнуться и создать свою групповую дисциплину.

Необходимо, чтобы все сознательные рабочие ясно сознали вред и недопустимость какой бы то ни было фракционности, которая неминуемо ведет на деле к ослаблению дружной работы и к усиленным повторным попыткам примазывающихся в правительственной партии врагов ее углублять разделение и использовать его в целях контрреволюции».

Затем дальше мы читаем: «Использование врагами пролетариата всяких уклонений от строго выдержанной коммунистической линии с наибольшей наглядностью показало себя на примере кронштадтского мятежа, когда буржуазная контрреволюция и белогвардейцы во всех странах мира сразу выявили свою готовность принять даже лозунги советского строя, лишь бы свергнуть диктатуру пролетариата в России, когда эсеры и вообще буржуазная контрреволюция использовали в Кронштадте лозунги восстания якобы во имя советской власти против советского правительства России. Такие факты доказывают вполне, что белогвардейцы стремятся и умеют перекраситься в коммунистов и даже «левее» их, лишь бы ослабить и свергнуть оплот пролетарской революции в России. Меньшевистские листки в Петрограде накануне кронштадского мятежа показывают равным образом, как меньшевики использовали разногласия внутри РКП, чтобы фактически подталкивать и поддерживать кронштадтских мятежников, эсеров и белогвардейцев, выставляя себя на словах

противниками мятежей и сторонниками советской власти лишь с небольшими будто бы поправками»[1].

Особый пункт резолюции был посвящен вопросу о единстве партии. Видите, как история повторяется: мы против восстания, мы против мятежей, мы за советскую власть, но мы только вносим некоторые поправки в организацию власти, в дело управления страной. Мы за советы. Примерно такая была формулировка у кронштадтцев-белогвардейцев. Так и теперь господа интервенты-меньшевики говорят: мы против мятежей, против восстаний. Мы за «демократизацию советов», мы за советы без коммунистов.

В специальной резолюции о синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии X съезд дает характеристику рабочей оппозиции как одному из проявлений мелкобуржуазных шатаний и колебаний в нашей партии.

Мы читаем в этой резолюции:

«За последние месяцы в рядах партии явно обнаружился синдикалистский и анархистский уклон, который требует самых решительных мер идейной борьбы, а также очистки и оздоровления партии. Указанный уклон *вызван отчасти вступлением в ряды партии элементов, не вполне еще усвоивших коммунистическое миросозерцание, главным же образом уклон этот вызван воздействием на пролетариат и на РКП мелкобуржуазной стихии, которая исключительно сильна в нашей стране и которая неизбежно порождает колебания в сторону анархизма,* особенно в моменты, когда положение масс резко ухудшилось вследствие неурожая и крайне разорительных последствий войны и когда демобилизация миллионной армии выбрасывает сотни тысяч крестьян и рабочих, не могущих сразу найти занятий и средств в жизни»[2].

К этому, товарищи, я хочу еще напомнить вам некоторые факты, относящиеся к моменту X съезда. Вряд ли все здесь помнят о том, что у нас существовала некоторое время в 1920 г., в начале 1921 г. рабоче-крестьянская партия, организованная Панюшкиным. Панюшкин был членом партии, который считал, что наша партия неправильно организовала *пролетарскую* партию, что надо организовать рабоче-крестьянскую партию. Он организовал даже клуб, кажется он был на Кузнецком Мосту. В этот клуб с самого начала пошли элементы явно антисоветские: антисемиты, монархисты и т. д. и т. д., и они очень охотно принимали участие в критике линии нашей партии. И поэтому программа этой рабоче-крестьянской партии Панюшкина выработалась под

---

[1] X съезд РКП, Стенографический отчет, стр. 309.

[2] Там же, стр. 310. Курсив мой. — *Ем. Я.*

непосредственным идеологическим воздействием этой шпаны. Соответственно этому и сама программа нельзя сказать, чтобы была очень далека от идеологии этой самой шпаны. Мелкобуржуазный кулацкий элемент очень сильно сказался на этой программе Панюшкина. Поэтому это дело было очень быстро ликвидировано тогда, клуб был закрыт и так называемая «рабоче-крестьянская партия» Панюшкина перестала существовать.

Я напомню вам также колебания, которые тогда выразились в одном из отпочкований рабочей оппозиции, — это группа Мясникова. Мясников, который, по словам Ленина, «шел в одну дверь и попал в другую», впоследствии стал организатором подпольной организации «рабочей группы», которая издала манифест для антисоветской партии, прикрывающийся самыми нелепыми архиреволюционными, полуанархическими фразами.

Для характеристики либерализма некоторых элементов нашей партии я должен здесь напомнить отношение Рязанова к литературно-политическим упражнениям этого самого Мясникова. Д. Б. Рязанов очень снисходительно относился к ним. И когда Мясников составил набросок своего манифеста, то Д. Б. Рязанов считал необходимым взять на себя некоторые редакторские обязанности. Он говорил, что подправил произведение Мясникова с точки зрения марксизма. Можете себе представить, что получилось из мясниковской литературы, подправленной рукою Д. Б. Рязанова.

Вот, товарищи, какая была обстановка десять лет тому назад, когда 15 марта 1921 г. Владимир Ильич выступил со своей речью о нэпе, о повороте к новой экономической политике. Дата эта очень знаменательна. Мы имеем за собой большой путь, пройденный нашей партией на основе новой экономической политики... Путь этот необычайно интересный, поучительный, значительный путь, уроки которого должны сослужить пользу не только нам, но и компартиям всех стран.

И вот именно потому, что этот момент был необычайно трудным, сложным, самый поворот был также труден. И очевидно не вся наша партия могла его совершить в полном порядке. Ленин резко формулировал это отступление. Он говорил, что когда находятся люди, которые мешают нам в этот момент отступать в полном порядке, то по вносящим панику стреляют. Шляпников и Медведев ухватились за эти слова т. Ленина и представили дело таким образом, будто Ленин прямо говорил об их расстреле. Поэтому они на XI съезде говорили, указывая на Владимира Ильича и Фрунзе: «Вот сидят два пулеметчика, которые уже два года собираются нас расстрелять» (*смех*). Надо было временно от-

ступить, надо было признать,—как говорил Ленин,—что это есть временное поражение, что надо совершить маневр, — как он впоследствии говорил,—от непосредственного штурма перейти к длительной осаде. Когда Ленин проводил аналогию с Порт-Артуром, он указывал, что это временное вынужденное отступление для установления более широкой и тесной смычки с бедняцко-середняцкими массами, для перегруппировки сил, для обеспечения возможности дальнейшего наступления.

И вот уже на XI съезде В. И. Ленин говорит о том, что *отступление закончено*. Надо было сомкнуться с более широкой крестьянской массой на основе новой экономики, новых экономических отношений для того, чтобы поднять сельское хозяйство, поднять и всемерно развить нашу промышленность, развить кооперативные формы, коллективизацию и на основе гигантских достижений индустриализации нашей страны двинуться вперед гораздо более широким фронтом развернутого социалистического наступления.

Здесь на этом пути опасности были громадные. В своей статье «Новые времена, старые ошибки в новом виде» Ленин писал:

«Каждый своеобразный поворот истории вызывает новые изменения в форме мелкобуржуазных шатаний, всегда имеющих место рядом с пролетариатом, всегда проникающих в той или иной мере в среду пролетариата» [1].

Кроме тех шатаний, о которых мы уже говорили, мы имели в партии дальнейшее развитие тех взглядов, которые примыкали одной стороной к взглядам группы «демократического централизма», а другой стороной питались меньшевистским настроением, богдановщиной, группой «Рабочей правды». Группа «Рабочей правды», куда входили Шульман, Хайкевич, Ф. Шуцкевер и др., я не помню сейчас их фамилий, куда входил целый ряд свердловцев (эта группа главным образом организовалась в Свердловском университете), — эта группа была как бы мостом между меньшевиками, с одной стороны, а с другой стороны — впоследствии приобрела кличку «партийных либералов».

В этот момент классовый враг, имея в виду настроения, которые существовали тогда в отдельных прослойках партии, — с одной стороны недовольство новой экономической политикой, а с другой — наше временное отступление, — классовый враг, присматриваясь к этому, стал рассчитывать, что ему удастся использовать по-своему создавшееся тяжелое положение. Враг рассчитывал, что переход к нэпу превратится в «сползание на тормозах», что диктатура пролетариата на тормозах сползет к капита-

---

[1] *Ленин,* Соч., т. XXVII, стр. 4.

листической реставрации, к буржуазной демократии, поэтому мы видим, что в части белой эмиграции, в части контрреволюционной интеллигенции происходит «*смена вех*» и нарождается так называемое *сменовеховство*. Это было именно проявление этой третьей силы, которая рассчитывала на термидорианское перерождение советской власти и партии, сползание с рельсов пролетарской диктатуры к буржуазной революции, к капитализму. Ленин предлагал чутко прислушиваться к этой «правде классового врага», он призывал бороться с такого рода настроениями.

Поворот этот, как я уже говорил, вызвал кое-какие «переоценки ценностей», отдельные выходы из партии, но он также вызвал смену тактики мелкобуржуазных партий, которые надеялись, что им удастся теперь как-нибудь повернуть партию и советскую власть на путь капиталистической реставрации. В целом ряде документов — меньшевистских, эсеровских и кадетских — мы видим, как разбиваются надежды классовых врагов на ход революции, на то, что ее путь будет путем перерождения. Раз эсеры и меньшевики считали, что советская власть может переродиться, что же оставалось делать им, всяким Кондратьевым, Громанам, всяким Сухановым, Волковым, Гвоздевым, Гинзбургам, Шерам, Иковым, и пр. и пр.? Они решили, что настал момент, когда они должны войти в советский аппарат, проникнуть во все его поры для того, чтобы использовать его в целях буржуазной реставрации, для того, чтобы форсировать свою политику в угоду капиталистическим элементам. И вот мы видим теперь, как пролезшие во все поры нашего советского аппарата чуждые элементы, к которым мы сплошь и рядом относились чересчур доверчиво, искажают политику советской власти и партии в угоду капиталистическим силам, искажают кое-где налоговую, кредитную, снабженческую политику, кооперативную и пр. и пр., помогают частникам, хлопочут о расширении нэпа. Политика землеустройства сплошь и рядом направляется в сторону насаждения хуторского и кулацкого хозяйства. Под влиянием этих элементов кое-где возникают теории вроде «неонэпа», «агронэпа» и т. п. Под влиянием этих элементов на Украине, в Белоруссии, в Средней Азии расцветают национал-демократические настроения, происходит кое-где смычка неустойчивых членов нашей партии с меньшевиками, эсеровскими, народническими элементами, а кое-где и с кадетскими элементами.

Товарищи, вы знаете, что примерно в 1924 г. социал-демократическая партия переходит на новую платформу, несколько новую ориентировку. К этому времени окончательно совершается ее переход в лоно II Интернационала. Одно время она, как вы знаете,

заигрывала с левыми социал-демократическим, двухсполовинным Интернационалом, «возмущалась» пепеэсовцами, «возмущалась» очень осторожно немецкой социал-демократией, заигрывала даже с советской властью. Однако на деле к этому же времени совершается ее *окончательное возвращение в лоно II Интернационала.* Выясняется к этому моменту, что, несмотря на все трудности первых годов нэпа, когда мы вынуждены были отступать после временной остановки, после временного отступления, после перегруппировки сил, после восстановления хозяйства, мы смогли перейти к наступлению широким фронтом. Но к тому времени, когда восстановительный период уже развернулся, в партии возникает борьба нескольких новых оттенков, которая является отражением недовольства главным образом довольно широких слоев технической интеллигенции и мелкой буржуазии городов, вытесняемой кооперацией и госторговлей, а также выходцев из мелкобуржуазной среды, из среды учащейся молодежи. Вы знаете, что в первые годы у нас был не строгий отбор учащейся молодежи, что эта учащаяся молодежь жила в то время в довольно трудных материальных условиях и отражала иногда особенно ярко мелкобуржуазные настроения.

К этому же времени мы имеем возникновение атаки и троцкистской оппозиции на партию, которая сохраняла до поры до времени свои кадры, а после смерти Ленина стала претендовать на руководство в партии. Я не думаю останавливаться подробно на анализе троцкистской оппозиции. Он был дан во всех решениях партии и Коминтерна, начиная с XIII съезда, когда троцкизм был еще только мелкобуржуазным уклоном в партии. По сути дела анализ дан в работах Ленина о троцкизме еще до пролетарской революции. Основные черты троцкизма как разновидности меньшевизма, прикрытой левой фразеологией, в новой обстановке проявились в новом еще более одиозном виде.

Интересно сопоставить с этим моментом как раз то, о чем я говорил, что к этому времени консолидируется уже партия меньшевиков как партия послевоенного II Интернационала, т. е. она выступает как партия капиталистической реставрации, так сказать, в мировом масштабе. К тому времени была уже налицо германская компартия, был целый ряд других коммунистических партий, которые завоевывают рабочий класс, которые борются за пролетарскую революцию. Мы имеем уже ряд попыток пролетарских восстаний, даже временный захват власти пролетариатом, в отдельных странах даже организуется советская власть. Водораздельная линия становится более резкой во всем мире. Казалось, что троцкисты и меньшевики говорят в этот период на разных

языках. Однако атаки троцкистов на партию, нападки на основы генеральной линии партии, на основы нашей большевистской организации, на большевистскую дисциплину являются атаками, которые идут целиком по линии интересов II Интернационала, по линии интересов буржуазии; происходит то, о чем Ленин говорил: «кто хоть сколько-нибудь ослабляет железную дисциплину партии пролетариата (особенно во время его диктатуры), тот фактически помогает буржуазии против пролетариата» [1]. Это целиком оправдалось на троцкистской оппозиции.

В чем была главная опасность троцкизма в этот период? Троцкисты подменяли политику союза с крестьянством политикой игнорирования середняка и тем самым толкали середняка в объятия кулачества, создавали угрозу разрыва союза пролетариата и основной массы крестьянства, ставили под угрозу существование этого союза. Троцкисты требовали в период, когда еще не было восстановлено хозяйство, таких темпов строительства, которые иначе не могли быть выполнены, как только путем разрыва этого союза, и могли сорвать *всякое плановое строительство.* Яростные атаки против партийной дисциплины, разрыв с партийностью, как я уже говорил, — все это развязывало мелкобуржуазную стихию, которой было мало дела до некоторых левых фраз троцкистов. Они ценили в этих выступлениях троцкистов как раз другое. Они ценили то, что *Троцкий расшатывает основы пролетарской диктатуры.* Заявление Троцкого о том, что «главной опасностью, опасностью из всех опасностей является партийный режим», что в стране совершается термидорианский переворот, или поворот, что в случае войны массы не поддержат нашу партию, — все это было наруку буржуазии. Все это шло по линии буржуазных установок, все это вдохновляло и окрыляло «третью силу» на борьбу.

Меньшевики очень высоко расценивали дезорганизаторскую разлагающую деятельность троцкистов и сочувствовали кое-чему в их программе. Впрочем программу они могли в конце концов провести и свою, пользуясь дезорганизаторской разлагающей деятельностью троцкистов. Для них не то было важно, чтобы обязательно принять троцкистскую программу. Троцкистская программа по целому ряду вопросов, как мы видели, очень близко сходилась с меньшевистской программой. А когда к троцкистам присоединилась «ленинградская оппозиция»—Зиновьев, Каменев и ряд других, когда к троцкистам присоединились Шляпников и Медведев в роли «батраков» этого объединенного блока, когда к

[1] *Ленин,* Соч., т. XXV, стр. 191.

«объединенному блоку» одно время присоединилась и фракция «громче всех крикунов», все эти антипартийные группы и силы выступили против партии, тогда конечно трудно было буржуазии не приветствовать их, потому что этот блок своей яростной атакой развязывал третью силу, помогал третьей силе полностью. Я прочту вам некоторые выдержки из меньшевистских газет, из буржуазно-капиталистических и белогвардейских газет того времени, которые показывают, как и крупная и мелкая буржуазия расценивали выступления троцкистов.

Начну с выступления П. Струве. Он писал следующее:

«Если партийное меньшинство, обвиняя большинство в термидорианстве, попытается само осуществить что-нибудь, хотя бы в отдаленной степени напоминающее французское 9 термидора, *мы со своей стороны будем это только приветствовать. В добрый час!*»

«Руль» писал: «Долой Сталина!» Вот всепоглощающий аргумент, который собирает всех и вся вокруг Троцкого.

Но что даст Троцкий? *Ах, не все ли равно сейчас?* Кому интересно гадать, станет ли он пытаться осуществлять свою нелепую программу или же пойдет навстречу требованиям жизни, или же вообще только сыграет в руку третьей силе? Во всяком случае, если сам «вождь вождей» провозгласил нэп, т. е. русский термидор, то нынешним грозным словесам Троцкого никакого значения придавать нельзя».

Пусть это сказано очень неграмотно, но смысл этого приветствия совершенно ясен. Вот как «Руль» расценивал тогдашнее выступление Троцкого. Никакого дела ему нет до левых фраз Троцкого. Главное то, что он выдвигает аргумент «долой Сталина». Вы знаете хорошо, что лозунг «долой Сталина» означал и означает: долой большевистское ленинское руководство партии, лучшим выразителем которого являлся и является товарищ Сталин после смерти В. И. Ленина.

В «Последних новостях» того времени читаем: «Троцкий заявил, что главная опасность сосредоточена в самом ЦК, во внутрипартийном режиме-зажиме. Такой ЦК, такой режим-зажим патриотического воодушевления не вызовут, наоборот, они угашают общественно-политическую энергию масс, и в час войны массы вокруг советской власти не соберутся, массы советскую власть предадут. Тут и был приведен знаменитый пример Клемансо, который для того, чтобы спасти родину, должен был скинуть опасное для родины правительство».

Вот как контрреволюция вполне правильно переводила на свой контрреволюционный язык примеры и сравнения Троцкого. Она очень трезво устанавливала контрреволюционные ноты для своей

потребности в этом выступлении Троцкого, и таким образом Троцкий доставлял ей великолепные аргументы для ее контрреволюционной деятельности.

Вот знакомые нам меньшевики. Гарви в «Социалистическом вестнике» пишет: «Не в положительной программе этих упорствующих путчистов... заключается конечно значение оппозиционных атак, а в разоблачении опасности сталинского единодержавия. Китайская мудрость Радека скоро забудется, но крепко запомнится крылатое, острое, как парфянская стрела, слово Троцкого: «опаснейшей из всех опасностей является партийный режим».

«Социалистический вестник» на щите выносит Троцкого: вот нужные слова, — все остальное, что он говорит — это пустяки, это глупости. Все забудется и «китайская мудрость» Радека, а вот не забудется заявление Троцкого, что «опаснейшей из всех опасностей является партийный режим». Тот же Гарви пишет:

«Но недовольные массы по-своему поймут, шире истолкуют крылатое слово Троцкого. Опаснейшей из всех опасностей является не режим правящей партии, а режим диктатуры этой партии над огромной безответственной страной...

Значение оппозиционных атак на сталинское большинство не в программе оппозиции, а в ее *критике, в разложении большевизма, в расшатывании монолитного здания диктатуры, подрывании идейных и организационных устоев Коминтерна*».

«Форвертс» в статье «Начало конца» пишет: «Троцкий сделал правильный вывод, что ИККИ есть послушное орудие в руках Сталина, что он не обсуждает и не решает, а только исполняет приказания. Тем самым он раскрыл не составляющую секрета тайну, что ИККИ является не пролетарским интернационалом, а только орудием национально-большевистской внешней и внутренней политики самодержца России, т. е. Сталина. Троцкий тысячу раз прав».

Я спрашиваю, можно ли еще лучше поработать на буржуазию, поставлять лучшие аргументы для буржуазии, для ее нападок против партии, для борьбы ее против партии и против Коминтерна?

«Попюлер», орган французских социал-фашистов, так называемых «социалистов» из II Интернационала, пишет в августе 1926 г.: «Навязывая коммунистической партии каждые три-четыре месяца дискуссию, оппозиционные группы способствуют политическому пробуждению народов Союза. Они таким образом *подготавливают крах большевистской диктатуры и ее демократическую ликвидацию*».

«Венская рабочая газета»: «Троцкий борется с абсолютизмом

господствующей группы, он кажется провозвестником грядущей, более демократической фазы, преодолевающей диктаторскую монополию господствующей группы».

Та же «Венская рабочая газета» в октябре 1926 г. пишет: «Троцкий в противовес правительству выставляет право на оппозицию, право на свободное слово».

«Рейнише цейтунг», социал-демократическая газета, в августе 1926 г. пишет: «Было бы конечно ошибкой думать, что программа оппозиции способна оздоровить Россию. Однако с точки зрения рационального развития России как раз резко отрицательное отношение оппозиции к политике правящей группы, которая все более и более разлагает аппарат диктатуры, можно только приветствовать».

И так далее, и так далее. Я вам не буду приводить всех цитат, ибо это займет слишком много времени. Я процитирую только еще одну цитату из отзыва лорда Грея о политике нашей партии, взятую из отчета о его речи о «Московской политике мировой революции» (напечатано в английском «Таймсе» от 29 июня 1926 г.): «То, что установили большевики, — заявил Грей, — есть новый деспотизм, работающий в значительной степени тем же аппаратом и может быть еще более сильным, чем царское правительство. Другой факт заключается в том, что советское правительство в Москве не ведет национальной русской политики, оно ведет политику всемирной революции... это отличает советское правительство от всякого другого правительства в мире. Квинтэссенцией в московской политике мировой революции, самой сущностью ее является вмешательство во внутренние дела каждой другой страны. Сейчас их усилия концентрируются в Китае, ибо там смута; в прошлом году их усилия концентрировались на Англии, ибо там была промышленная неурядица. Их политика стремится низвергнуть прочие правительства, называемые ими буржуазными, с целью учредить правительство московского типа...»

Если вы сопоставите с этим то, что Троцкий выдвигал обвинение, будто Коминтерн есть послушное орудие советской «московской» политики, т. е. выдвигал социал-демократическое, социал-фашистское обвинение, прямо белогвардейское обвинение, то вы поймете, что Троцкий просто-напросто был здесь рупором буржуазии, поставляя ей аргументы для борьбы с советской властью.

В дискуссии с троцкистами мы затронули все основные вопросы партийной политики. Основная установка троцкистов на поверку оказалась не только антиленинской, а просто-напросто контрреволюционной, не то что отдельные кусочки платформы оказа-

лись негодными, но вся основная установка оказалась антиленинской, контрреволюционной. Возьмите такие вопросы, как вопрос о партийной дисциплине, понятие о единстве как о сумме фракционных ячеек — троцкистское понятие, отсутствие партийности, вопрос о деградации руководства, вопрос о строительстве социализма в одной стране, вопрос о природе нэпа, предложение высоких цен, разрыв с середняком и пр., весь комплекс вопросов политики союза рабочего класса и крестьянства, всю сумму международных вопросов. Теперь история подвела итоги троцкизму. Когда Троцкий мог выступить на международной арене (он имеет сейчас уже с десяток разных оппозиционных листков и листовок на разных языках, начиная с «Бюллетеня оппозиции» и др.), он мог бы обнаружить себя, если бы он был действительно «пролетарским революционером», как об этом говорили он и его друзья. А что он обнаружил? Он обнаружил прежде всего то, что под левыми фразами скрывалась самая правая программа. Он сейчас самые правые установки берет в защиту. Он издевается над нашими лозунгами «пятилетка в 4 года, «догнать и перегнать капиталистические страны в технико-экономическом отношении»; он издевается над такими лозунгами, он подпевает людям из II Интернационала и всем белогвардейцам насчет принудительного труда. Словесно он всякие обвинения, которые выдвигает против нас буржуазия, как будто бы «опровергает». Но его «опровержения» во многом напоминают опровержения Дана, заявление Каутского или Абрамовича «под присягой» по поводу тех обвинений, которые против них выдвигаются их же друзьями на судебном процессе. Троцкий оказался, тем чем он был, — меньшевиком, прикрывающим меньшевистскую программу левыми фразами, прикрывающим худшие виды антипартийности и фракционности криками о фракционности или о борьбе против фракционности. Троцкий — поставщик для буржуазии аргументов против советской власти, против Коминтерна. Его нападки на Коминтерн являются величайшей услугой всей мировой котрреволюции. Троцкий целиком увязан с системой враждебного рабочему классу буржуазного блока, в котором участвуют и эсеры и меньшевики. Как бы он ни отгораживался, история его пригвоздила к этому блоку, он сам себя привязал к этому блоку. В период пролетарской диктатуры он очутился не только по другую сторону советской границы, он сам поставил себя по другую сторону Советского государства, сам примкнул к лагерю его хулителей и ненавистников нашей партии, сам протянул руку помощи нашим классовым врагам. Вот почему так нужна была беспощадная борьба

с троцкизмом. Она была тем более необходима, что Троцкий своей левой фразеологией увлек на путь борьбы целые группы товарищей, которые одно время вели борьбу также и против троцкизма. Ведь «ленинградская оппозиция» очутилась в плену у Троцкого. Она амнистировала Троцкого за все его прошлые ошибки. Она просто-напросто выбросила все ленинское наследство, направленное на борьбу с троцкизмом, пыталась выбросить его из арсенала партии и заключила блок с троцкизмом для борьбы с нашей партией. Вот почему нужна была самая решительная борьба, самое глубокое разоблачение, обнажение до конца всех ошибок троцкизма; нужно было беспощадное отсечение троцкизма, нужно было вычистить троцкизм из нашей партии *без остатка*. Без этого мы не могли двигаться вперед. Он нас связывал, ибо он отравлял сознание партийцев, он колебал партийную дисциплину на труднейшем этапе перехода по окончании восстановительного периода, перехода к наступлению широким фронтом. Тут требуется единство, тут величайшие трудности, нужны темпы, которые невозможны, если нет единства в рядах. Нужно единомыслие, которое невозможно, если каждый воображает, что он может организовать фракцию, если он думает, что партия есть сумма группировок, фракций, течений и пр. и пр. Тут борьба с классовым врагом, которая обостряется на этом этапе, на переходе широким фронтом в социалистическое наступление вопреки мнению правых оппортунистов, которые воображали и утверждали, что раз мы переходим широким фронтом к социализму, то классовая борьба ослабевает. Здесь особенно опасны всякого рода шатания, всякого рода недисциплинированность в нашей партии. Здесь протаскивание мелкобуржуазных идеологий особенно опасно. Вот почему мы должны были на XV съезде решительно разделаться с троцкизмом, прежде чем поставить вопрос о широком развернутом социалистическом наступлении. С троцкистами наступать вместе мы не могли. Точно так же, как мы не могли в октябре 1917 г. совершать революцию, создавая объединение «всех социалистов», как это предлагали Зиновьев, Каменев, Рязанов, Рыков, Шляпников и др. Только разделавшись с контрреволюционным троцкизмом, мы могли перейти к новому этапу борьбы за социализм, к периоду реконструкции.

Мы могли начать строить пятилетку, которая конечно далеко шагнула от всех установок пятилетки, когда-то создававшихся троцкистами. Мы могли по-новому поставить целый ряд задач, когда мы укрепили союз рабочего класса и крестьянства, когда мы восстановили народное хозяйство до довоенных размеров,

закончили восстановительный период, когда диктатура пролетариата упрочилась, доверие рабочего класса к партии гигантски выросло и в партию влились новые сотни тысяч рабочих. Мы могли на этом новом этапе поставить такие новые задачи, как ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. Этот новый этап новой экономической политики является одним из моментов диалектического развития нэпа [1]. Да, вначале это была политика маневра, отступления. Мы должны были опираться на государственный капитализм, временно мы должны были связывать систему кооперации с государственным капитализмом. Но тогда, когда мы на основе нэпа восстановили хозяйство, когда мы могли создать техническую базу, когда мы в значительный степени выполнили первую наметку плановой электрификации страны, когда мы укрепили фронт пролетариата в деревне, когда мы в значительной степени подвинули дело кооперирования в деревне, — мы могли иначе поставить эти задачи, связывать наше наступление не с государственным капитализмом, а с социализмом, с построением социалистического хозяйства, социалистического общества, с выкорчевыванием остатков капиталистических классов. Здесь уже получаются в этом движении принципиально иные моменты.

Мы вступили в последний период нэпа, в первый период социализма, который принципиально коренным образом отличается от исходной точки: количественные изменения привели и к качественным. Но эта же наша политика, когда мы на базе гигантских достижений индустриализации нашей страны, на основе коллективизации, сомкнувшись широким фронтом с массами, с миллионными массами колхозного и бедняцко-середняцкого крестьянства, перешли в развернутое социалистическое наступление по всему фронту,—заставляет контрреволюцию пересмотреть всю свою тактику. Она переходит к вредительству более усиленно, чем она шла на это до тех пор.

Рамзинский процесс, процесс «промпартии» показал, как именно этот момент, момент перехода широким фронтом к строительству пятилетки, заставил контрреволюцию пересмотреть платформу, торопиться ускорить постановку вопроса об интервенции, ускорить подготовление этой интервенции путем вредительства. Наше

[1] В недавно опубликованном плане доклада В. И. Ленина о замене разверстки налогом он говорит об этом периоде: «Слишком поспешный, прямолинейный, неподготовленный «коммунизм» вызывался *войной* и невозможностью ни достать товары, ни пустить фабрики» (см. «Правда» от 21 марта 1931 г.).

социалистическое наступление означает обострение классовой борьбы. Обострение классовой борьбы толкает и «промпартию», т. е. представителей буржуазии, непосредственно связанных с крупной буржуазией, с белогвардейщиной, с империалистическим штабом, поставить остро вопрос о подготовке к этой интервенции путем вредительства, путем ухудшения снабжения, срыва всей нашей программы строительства, срыва всей нашей экономической политики. Но на эту же линию перестраиваются меньшевики и эсеры-кондратьевцы — Громаны, Сухановы, Шеры и пр. и пр. Обсуждая свою тактику, они присматриваются, есть ли такие силы в самой ВКП(б), которые могли бы поддержать их, меньшевиков, нельзя ли опереться на какие-нибудь прослойки из ВКП(б). И тут на сцену выступают наши правые оппортунисты.

Какие задачи поставила себе контрреволюция? Усиленное вредительство для срыва пятилетки, для срыва коллективизации, для подготовки интервенции, для восстановления капитализма, для усиления кулачества. Конечно ни правые, ни «левые» не думали о помощи меньшевикам. Но и «левые» и правые, несомненно, давали меньшевикам опору для их контрреволюционной работы. За границей борьба против Советского союза, лихорадочные приготовления к войне исходили из того, что момент для войны очень удобен, что войну можно начать в 1930 г., ибо у нашего врага здесь был расчет на разногласия в наших собственных рядах. Война подготовлялась всем тем вредительством и срывом нашей пятилетки, которые проводились так называемой Трудовой крестьянской партией, «промпартией», меньшевиками, — блоком этих партий. Но этот блок опирался на разлагающую работу оппозиции. Что мы имели за последнее время? Делается попытка спровоцировать нас на войну на Китайско-восточной ж. д. Щупают наши силы, нашу готовность к войне. Мы отвечаем на эту попытку, отвечаем крепко, так, что все видят, что кое-что у нас есть в пороховницах, что мы будем драться не голыми руками. Крестовый поход против нас собирает силы мещанства, отсталой мелкой буржуазии для того, чтобы сгруппировать их вокруг империалистов. Антидемпингская кампания рассчитана на то, чтобы кое-какие слои рабочих, страдающие от безработицы, вовлечь в этот самый крестовый контрреволюционный поход, в интервенцию. Второй Интернационал приспосабливает свою тактику к этим задачам. Он перестраивает всю свою тактику. И вот на фоне этой обстановки выступает правая оппозиция, выступают такие товарищи, как Бухарин, Рыков и Томский, с самыми тяжелыми обвинениями против партии, вернее сказать, они

сами подготовляли этот фон для своих выступлений. Здесь происходит некоторое, так сказать, взаимодействие. Партия правильно оценила правую оппозицию как *главную опасность* на данном этапе. Оппозиция взяла большинство аргументов против руководства у прежних оппозиционных группировок — у троцкистов и других. Происходит помимо воли конечно тт. Бухарина и Рыкова смычка между Трудовой крестьянской партией, кондратьевцами и правыми. Они очень долго не могли примириться с тем тяжелым выводом, что *существовала* идейная близость этих установок, что *правые черпали кое-какие аргументы у Трудовой крестьянской партии, черпали их иногда прямо документально*, а Трудовая крестьянская партия получила у правых «идеологические» аргументы для своей вредительской деятельности. На рамзинском процессе прямо выявилась эта идеологическая помощь не в том конечно смысле, что тт. Бухарин, Рыков и другие товарищи в нашей партии, которые проповедывали оппортунистические идеи, сознательно помогали или хотели помочь «промпартии», «торгпрому». Нет, конечно. Но когда выяснилось, что на XVI партсъезде правые провалились, тогда рамзинцы и в Советском государстве и за границей сказали: «Да, дело плохое. Сейчас в 1930 г. интервенция не выйдет. Придется отложить. Политика правых «потерпела поражение, правые сорвались». Видите, какая тут связь, какая подоплека, какую роль играли правые.

Смычка идеологии правых с меньшевиками прямо выперла наружу на процессе меньшевиков. В этом отношении очень любопытны показания меньшевиков, которые я вам прочту. Меньшевики считали себя *продолжателями* той политики, которую проводили правые. Они собирались и на своих пленумах обсуждали отношение к тактике правых в ВКП(б) и конечно выносили резолюцию — «вполне одобрить» правых (*смех*). Они составляли конъюнктурные сводки, которые правые преподносили партии как последнее слово экономической мудрости. Они составляли докладные записки, которые иногда лежали в основе докладов правых правительству и партии по тем или иным вопросам. Та «двухлетка» правых, которая была противопоставлена пятилетке партии, целиком была разработана меньшевиками и кондратьевцами. Таким образом правые дают установки для Трудовой крестьянской партии, для «промпартии» и для «союзного бюро», а группы ТКП, ПП и СБ одалживают свои аргументы правым для борьбы против партии.

В чем выражалась линия правых? Борьба против принятых партией и рабочим классом темпов индустриализации, выступление против коллективизации, против форсированного строитель-

ства совхозов, разговорчики о том, что не все ли равно, какой хлеб есть — кулацкий или колхозный, прямая помощь частнику, даже культура этого частника в разного рода заготовительных организациях и в других областях хозяйственной деятельности, искажение линии по налогоснабжению, по кредитованию, по снабжению машинами, сортовыми семенами, по землеустройству и т. п., равнение по «узким» местам в вопросе о развитии нашей социалистической промышленности, ставка на самотек в вопросах коллективизации, хлебозаготовок и других важнейших мероприятий, желание жить в мире с кулаком, мечты о притуплении классовой борьбы, обвинение партии в проведении политики «феодальной эксплоатации крестьянства», борьба против взятых партией темпов строительства, — все эти и другие черты особенно свойственны правым оппортунистам.

Вот почему вся эта установка так поддерживалась нашими врагами.

К этому надо прибавить еще деятельность так называемых партийных либералов. Я позволяю себе здесь остановиться на Д. Б. Рязанове.

Тов. Сталин, выступая против троцкистской оппозиции, говорил на XV съезде, что у оппозиции оказалось гораздо больше доверия к этим буржуазным интеллигентам... к тем, которые боролись против партии, шли на создание нелегальной партии и т. д., чем к своей собственной партии. Мне кажется, это целиком теперь подтвердилось, когда благодаря этому процессу раскрылся целый ряд неизвестных для нас фактов.

Что произошло с Рязановым — вы знаете из процесса. Давид Борисович Рязанов, директор Института Маркса и Энгельса, человек, пользовавшийся доверием партии, вместе с тем относился с большим доверием к меньшевикам и другим оппортунистам, иногда с гораздо большим доверием к ним, чем к коммунистам. Такое «светило» науки, как меньшевика Рубина, Рязанов вытащил из ссылки. Когда Рубина критиковали, даже когда Рубин был изобличен как меньшевик, Рязанов все-таки пытался его защищать. Когда выяснилось, что Рубин имеет отношение к меньшевистской организации и он должен быть арестован, он его предупредил. Когда Рубин все-таки узнал, что его арестуют, он принес Рязанову пакет с документами, и один из этих документов содержал в себе прямую директиву ЦК меньшевиков о подготовке к интервенции. Рязанов взял эти документы к себе на хранение, скрывши все это конечно от партии. Как это могло случиться? Это могло случиться тогда, когда у оппозиции, как это говорит т. Сталин, оказалось гораздо больше доверия к этим

самым интеллигентам, чем к своей собственной партии. Но в том-то и горе этих людей, что они иногда считают свою собственную партию не совсем своей собственной партией. Вот я позволю себе прочесть некоторые выдержки из заявления Рубина, где он, облагодетельствованный Рязановым, дает ему характеристику:

«Политический характер Д. Б. Рязанова, при более близком знакомстве с ним, обнаружил всю свою двойственность. С одной стороны, Д. Б. Рязанов — видный коммунист, член ВЦИК, директор Института Маркса и Энгельса, с другой стороны — он находится в постоянном конфликте с партией и ее органами по ряду важнейших вопросов, резко критикует генеральную линию партии и ни по одному вопросу не выступает открыто и последовательно в защиту генеральной линии.

Как официальное лицо Рязанов в своих действиях и словах, видимых всему миру, старался не переходить грань, которая отделяет его от партии, но то, что он не мог позволить себе в открытых выступлениях, высказывал обычно полунамеками и в прикрытой форме, в частных беседах с лицами, не сочувствующими коммунистической партии.

На официальных собраниях и торжествах Д. Б. Рязанов охотно повторял, что Институт Маркса и Энгельса — орудие коммунизма, что только Октябрьская революция могла создать такое учреждение, что только под руководством ВКП(б) и Коминтерна оно могло принять такие большие размеры и достигнуть теперешнего своего состояния. В повседневной своей практике в Институте Рязанов всеми силами избегал контроля и руководства ЦК, всячески противился ему, старался отделить Институт высокой стеной от практики и революционных задач ВКП(б) и советской власти, стремился придать всей его деятельности сугубо отвлеченный, академический, оторванный от жизни характер.

Когда члены бюро ячейки указывали, особенно в прежние годы, на малочисленность и слабость коммунистического ядра в Институте, Рязанов как официальное лицо отвечал им: «Да ведь ЦК не дает нам научных работников-коммунистов. Требуйте от него побольше таких работников».

А наряду с этим Рязанов задерживал приток коммунистов в Институт, пренебрежительно отзывался о научной работе молодых коммунистов, не принимал мер к ее поощрению, а ставил ей препятствие в виде затруднительности доступа в кабинеты Института, к его архивным материалам и т. п.

Выступая как официальный докладчик о плане работ Института, Д. Б. Рязанов обещал открыть при Институте аспирантуру для привлечения и подготовки к научной работе молодежи, кон-

чающей вузы, но это не мешало тому, что эта молодежь сажалась на целые годы на чисто техническую работу, затруднявшую повышение квалификации и действительную подготовку к научной работе. В результате этого Институт до сих пор не только не имеет аспирантуры, но и вообще не участвует в подготовке молодых научных кадров.

Такая же двойственность и противоречивость характеризовала Д. Б. Рязанова в общеполитических вопросах, выходящих за рамки деятельности Института. Рязанов в своих докладах не раз восхвалял учение Маркса и Энгельса о диктатуре пролетариата, не раз в своих писаниях критиковал германских социал-демократов, которые искажали текст Энгельса, чтобы превратить его из сторонника революционной диктатуры пролетариата в сторонника буржуазной демократической республики, а в реальной действительности, в стране пролетарской диктатуры, Д. Б. Рязанов выражал сочувствие социал-демократам, не признавал законности и необходимости пролетарской диктатуры и резко критиковал суровые меры, предпринимаемые коммунистической партией для обеспечения единства действия и идеологии как внутри ее собственных рядов, так и в рабочем классе вообще.

Не приемля на деле диктатуры пролетариата, на которой основана советская власть, Рязанов отвергал и экономическую политику последней. Он избегал выступать на партийных собраниях прямо против генеральной линии партии в вопросах индустриализации и коллективизации. Но в частных беседах с меньшевиками он резко порицал непосильные, по его мнению, темпы индустриализации, напряженные планы промышленного строительства, большой размах коллективизации, он предсказывал крах этой экономической политики советской власти.

Наконец та же двойственность ярко проявляется и в вопросах партийных. Д. Б. Рязанов — член коммунистической партии, но он в самых важных вопросах отвергает генеральную линию партии, он находится в постоянном конфликте с партийными органами, начиная с бюро ячейки и кончая ЦК, он не посещает партийных собраний и не принимает действительного участия в жизни и деятельности коммунистической партии, оказывая в то же время содействие социал-демократии.

На словах Д. Б. Рязанов отвергал идею коалиции, считая главным грехом социал-демократов, что они не «сжигают кораблей к буржуазии». Но на деле он сам проявлял неизменное тяготение к коалиции направо с некоммунистическими и в частности с меньшевистскими элементами. Это проявлялось и в общем его мировоззрении и настроениях, и в критике генеральной ли-

нии партии, и в сношениях с руководителями II Интернационала, и в нежелании расширять коммунистическое ядро в Институте; это же проявлялось в его близости с работавшими в Институте меньшевиками (Рубин, Шер, Череванин) в том, что он создал для них и в частности для меня благоприятную обстановку, покрывал нас и даже принял у меня партийные документы на хранение».

Вот, товарищи, убийственная характеристика, которую дает Рязанову сотрудник его, довольно продолжительное время работавший у него в Институте и знавший его довольно близко.

Меньшевик Шер совершенно самостоятельно дает буквально почти *такую же* характеристику. Шер, когда его выбросили из Госбанка по первой категории, заявил: «Я уж нашел работу у Д. Б. Рязанова». И Рязанов его назначил заместителем архивариуса, или заместителем хранителя архивов, причем Шер никогда никаким архивом не заведывал. Когда Шер ему говорил о том, что он, Шер, связан с меньшевиками, Давид Борисович ответил ему, что ему никакого дела до этого нет, он считает, что Шера вычистили из Госбанка неправильно и т. д. и т. п. Вот, товарищи, такой либерализм может оказать и действительно оказал громадную услугу нашему классовому врагу. Вы сами должны понимать, что исключать Рязанова из нашей партии было делом не совсем приятным. Но разве мы можем остановиться перед такой мерой? Мы бы не были пролетарской большевистской партией, если бы мы перед этим остановились. Каждый только до тех пор может быть членом нашей партии, пока выполняет ее волю, пока он искренне служит делу рабочего класса, делу этой партии. В тот момент, когда он изменяет, когда он становится на грани, когда он, с одной стороны, *наше доверенное лицо,* с другой стороны — он *доверенное лицо меньшевистской партии,* — ему нет места в нашей партии. Кто бы он ни был, никому не позволим двурушничества, за измену партии будем беспощадны.

Третья сила — это действительно сила, *если* она может опереться на отсутствие единства в наших рядах и на наличие в нашей партии ее агентуры из правых и «левых», на наличие в нашей партии «партийных либералов», оказывающих ей услуги, — людей, заявляющих, что они «не большевики, не меньшевики, не ленинцы, а марксисты». Но ведь и Каутский тоже «марксист», и Абрамович, и Дан и Гарви.

Как меньшевики расценивали разногласия в партии, об этом они сами говорят в своих показаниях. Я позволю себе некоторые из них здесь огласить.

Вот Залкинд, который излагает доклад Громана на III пленуме меньшевиков здесь в Москве. Он говорит, что на этом пленуме был поставлен доклад о разногласиях в ВКП. Докладчик Громан говорил, что «разногласия внутри ВКП(б), наметившиеся в связи с переходом в решительное наступление против всех частнокапиталистических элементов, имеют огромное значение для всей тактики возродившейся РСДРП. *Одной из баз, к которой имелось в виду прикрепить работу социал-демократической партии, являлся правый уклон в ВКП(б)*». Меньшевики считают своей базой правый уклон. Они решили прикрепить свою работу к правому уклону, все равно, что партия посылает кого-нибудь из нас работать на большом предприятии, предположим, прикрепляют нас к Путиловскому заводу. Вот именно таким «Путиловским» заводом был для меньшевиков правый уклон.

«Установки правого уклона, если бы они восторжествовали, послужили бы надежной почвой, на которой в дальнейшем взошли бы меньшевистские всходы, — говорит Громан. — В сущности между установками правого уклона ВКП(б) и нашей платформой нет качественных принципиальных разногласий. Расхождения здесь лишь количественного порядка».

Как мы знаем, количество переходит иногда в качество. Но очевидно здесь количественные разногласия были настолько незначительны, что они даже в качество не переходили.

Я пропускаю несколько строк, послушайте, что дальше говорит Залкинд: «*По существу мы, РСДРП, являемся продолжением правого уклона*».

Вот вам заявление Шера; «В 1930 г., весной, был пленум, на котором был поставлен вопрос: победа сталинской линии и перспективы работы РСДРП (доклад В. Г. Громана). «*Победа сталинской линии значительно затруднила работу, лишив возможности РСДРП опираться на правый уклон в партии и рассчитывать на успех крестьянских восстаний*, отдаляя таким образом приближение близкой развязки. Это обстоятельство диктовало, по мнению пленума, более решительную тактику в области вредительства».

Вот вам показания Громана: «По вопросу об отношении к троцкистской оппозиции решено было, обходя молчанием «левые» экономические лозунги, *всемерно поддерживать требования изменения партрежима в сторону допущения свободной дискуссии*». Это по отношению к троцкистам. В отношении же «лозунга выкорчевывания корней капитализма, — говорит Громан, — находила свое осуществление идея построения социализма в одной стране. Эта идея враждебна в основе всему мировоззрению мень-

шевизма с его эволюционной и мирной концепцией движения к социализму, вернее — к «социализации».

Затем приведу показания Гинзбурга, которые сводятся к тому, что меньшевики проявляли готовность поддержки в вопросе о правом уклоне ВКП(б). Гинзбург говорит: «*Господствовало убеждение, что основные домогательства правого уклона представляют собой как бы недоразвитый меньшевизм*». Видите, как хорошо сказано: *правый уклон есть недоразвитый меньшевизм.* Если бы мы терпели правый уклон, он бы развился конечно в самый настоящий меньшевизм.

Показания Волкова примерно такого же рода. Он говорит: «В отношении правых позиция РСДРП сводилась к тому, чтобы это движение полностью поддержать и укрепить, оказывать всяческую помощь отдельным правым членам партии (в борьбе за свои установки). *Имелось в виду, что правые, в случае своей победы, неминуемо скатятся на позиции РСДРП. Принято было решение использовать всякие уклоны в рядах ВКП(б), поддерживать их, и в этом смысле была дана директива руководящей группе на предмет разработки конкретных мероприятий с рассылкой их по отдельным звеньям «союзного бюро»*.

И наконец показания Петунина: «Шер подчеркнул, что *центр придает правому уклону большее значение, чем троцкистам, что в связи с борьбой правых против генеральной линии открываются для работы организации РСДРП лучшие перспективы.* Шер пояснил мне, что такая оценка проистекает как из состава лиц, державшихся правого уклона, так и из установок, в известной мере совпадающих с формулировками меньшевиков».

Вот вам целая гамма показаний людей, сидящих по разным камерам, которые не имеют возможности сговариваться, которые думают в одиночку. Вы видите, как они *почти слово в слово* формулируют свое отношение к правому уклону как к *родственной* идеологии, как к *продолжению взглядов меньшевиков*, как к *недоношенному меньшевизму*. Ясное дело: если этот недоношенный меньшевизм, если правый уклон поддерживали меньшевистские идеологи, мы в праве были, обязаны были характеризовать правый уклон как кулацкую агентуру в нашей партии. Мы в праве были дать самые резкие характеристики и поставить вопрос о том, что правый оппортунист является главной опасностью на данном этапе. Я не буду останавливаться здесь на различного рода межеумочных группировках вроде, скажем, право-«левацкого» сырцовского блока, который по сути дела как уже совершенно разорившийся банкрот берет « в долг» и направо и налево, хватает, где только можно, из идеологии разбитых оп-

позиций. Сегодня берет неверные положения и аргументы у правых, завтра — у левых, этот блок составляет самый настоящий винегрет самых различных взглядов оппозиции. Понятно, что эта позиция, как она ни была мимолетна, как она ни была жалка по своему влиянию, все же нашла свой отклик и стяжала известное сочувствие классовых врагов, она нашла отклик в зарубежной печати — меньшевистской, эсеровской и т. д. и т. д., все они были очень недовольны тем, что так быстро эти люди сдались, раскаялись, признали свои ошибки и пр. и пр.

★

Я кончаю, товарищи. Перед нами прошли десятилетия борьбы с оппортунистическими движениями внутри нашей партии, с оппортунистическим движением в рабочем классе и с различного рода мелкобуржуазными группировками, которые выступали под флагом социализма. До полного выкорчевывания последних остатков капиталистических классов, до полного уничтожения классов у нас останется в той или иной форме классовая борьба, останутся группировки, которые будут отражать настроения враждебных социализму, враждебных ленинизму групп и прослоек.

Да и в этот последний период нэпа мы еще не сняли этой задачи — задачи классовой борьбы. Мы сейчас переживаем один из острейших моментов классовой борьбы, переживаем обострение ее в мировом масштабе. Борьба с капиталистическим миром обострилась. Разгром ТКП, разгром «промпартии» и разгром СБ — организаций меншевиков, хотя и нанес сокрушительный удар всем буржуазным и мелкобуржуазным группировкам, идеологами которых являлись эти организации, хотя рука ОГПУ и Верхсуда сделала все, что можно, для того, чтобы не только обнаружить эти организации, разоблачить их, но и обезвредить полностью, тем не менее борьба не кончена. И мы должны помнить, что надо самым внимательным образом сейчас присмотреться ко всем звеньям нашего аппарата, где сидят быть может и до сих пор друзья Громанов, Гвоздевых, Сухановых и других вредителей и интервентов из меньшевистской партии II Интернационала. Нельзя оперативные функции, как мы это иногда делали, без надлежащего контроля передавать в руки этих людей. Тут нужен глаз да глаз! .. Нужна десятикратная, стократная проверка людей из другого лагеря, которым мы поручаем строительство. Надо самым решительным образом бороться с некритическим, либеральным, покровительственным отношением к Громанам, Петуниным, к их агентам, которое у нас проявляется со стороны некоторых партийцев. Надо еще больше заострить

борьбу против искривления партийной линии, борьбу на два фронта, борьбу против правых в особенности как против главной опасности и против примиренчества. В разрезе десяти лет нэпа, тринадцати лет пролетарской диктатуры, на примере всей борьбы нашей за социализм мы видим, какое важное, какое громадное значение имела эта борьба с оппортунизмом, как она воспитывала партию, как она создавала кадры. Ленин не однажды подчеркивал это, в особенности в «Детской болезни «левизны» в коммунизме», что надо *изучать* эту нашу борьбу. Мы должны считаться с указанием Ленина, который, говорил о том, что можно и *должно* всю эту борьбу различных партийных групп, которая предшествовала первой революции, показать, надо ее *вскрыть* полностью и на ее примере показать значение этой борьбы.

Я стремился в своем сегодняшнем докладе показать непрерывную историческую нить, которая тянется к истокам этой нашей борьбы. Целиком оправдались ленинские установки того периода, периода первой революции. Надо заострить внимание наших вузов, комвузов, надо отточить сознание наших партийцев, их идеологию отточить на уменьи разглядеть в новых и новых разногласиях в нашей партии *принципиальную сторону, их классовую сущность*, изучить, *как* партия боролась против всех видов оппортунизма, давать им отпор, под какой бы оболочкой они ни выползали в новой и новой обстановке. Надо поэтому воспитать и коммунистов, и комсомольцев, и широкие массы рабочих, и крестьян на этой идеологической борьбе.

Из того, что мы обнаружили сейчас в наших различных органах, надо с особенной силой подчеркнуть правильность постановки партии о создании новых кадров. Надо еще более усиленно взяться за разрешение этой задачи, чтобы мы не нуждались в том, чтобы поручать Петунину, Громану, Суханову какую бы то ни было руководящую работу в наших органах. Надо показать во всей нашей повседневной литературе значение этой борьбы, ибо борьба с мировой буржуазией, с мировым меньшевизмом не закончилась этим процессом. Правда, этот процесс имел колоссальное воспитательное значение, показав перед всем миром, что такое II Интернационал, вскрыв его вредительское нутро. Мы никогда не занимались столько II Интернационалом и меньшевиками, сколько в эти дни. Можно сказать, это был «бенефис» меньшевиков, «бенефис» II Интернационала во всей нашей литературе. Но не надо на этом успокаиваться. Процесс пройдет, а уроки его должны быть гораздо более крепко вколочены в массы, чем это делается сейчас в этот острый момент.

Этот опыт имеет значение не только для нас, но имеет и большое международное значение. Во всех коммунистических партиях мира надо заострить внимание на тех явлениях, которые вскрыли этот процесс, на тех опасностях, которые представляют собой партии II Интернационала.

Товарищи, мы подходим к такому периоду, когда нам придется выработать новую пятилетку. Наметки этой пятилетки пока еще неясны, но совершенно ясно, что эта пятилетка будет *полным завершением коллективизации сельского хозяйства.* Эта пятилетка нас *поведет к окончательному выкорчевыванию кулацких элементов*[1]. На основе завершения этой коллективизации мы подойдем вплотную к тому моменту, когда мы не только догоним капиталистические страны в технико-экономическом отношении, но когда мы их перегоним. Мы подойдем к тому моменту, когда в огромной степени экономика нашей страны будет влиять на экономику других стран. Это наш классовый враг отчетливо сознает и в этом причина его страха и крики о демпинге и т. п. Но мы должны знать, что эта новая пятилетка зависит от того, *как* мы будем классово бдительны, как мы будем классово организованы в эти решающие годы пятилетки. От нашей работы зависит все, от нас самих зависит, от нашей организованности, от нашей выдержанности, настойчивости, идеологической чистоты и четкости всех наших установок зависит, будет ли эта третья сила играть какую-нибудь роль еще во всем движении, удастся ли ей нанести нам удар. Мы должны из этого сделать такой урок, чтобы вся наша работа нанесла непоправимый удар *всем мелкобуржуазным партиям, всем буржуазным партиям,* чтобы мы могли подойти к этой новой пятилетке с такими силами, которых никакая, — ни третья, ни четвертая сила не сломит.

„Пролетарская революция" № 1 (108) за 1931 г.

[1] XVII партконференция наметила, как известно, гораздо более широкую, программу,— ликвидацию капиталистических элементов и классов вообще, преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей и «превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества».

Меньшевики за работой

В ТРЕВОГЕ ЗА СУДЬБУ СТРАНЫ

«В тревоге за судьбу страны Центральный исполнительный комитет I созыва (т. е. распущенный II съездом. — *Ем. Я.*) постановляет собрать на 8 января в Петрограде чрезвычайное совещание всех советов, армейских и флотских комитетов, отдельных советских армейских фракций всех организаций, группирующихся вокруг советов и комитетов».

Так Либерданы, Гоцы, Авксентьевы и Керенские, сметенные вихрем октябрьско-ноябрьской революции, хотят отныне «спасти страну» и возвратить ее на путь излюбленной ими коалиции с буржуазией. Они отлично знают, что почти все советы против них, армейские и флотские комитеты против них, и смеют еще думать, что для кого-нибудь будет иметь значение парочка-другая Либерданов из какого-нибудь совета, которых они извлекают оттуда на чрезвычайный съезд.

Есть еще такие несчастные уголки в нашей стране, где до сих пор меньшевики и правые эсеры имели вес. Посмотрим, как они спасают страну, в чем выражается их тревога.

В то время как *все* армейские съезды последнего времени высказались *против* соглашателей, осудили их поведение и изгнали их из среды армейских комитетов, II съезд Кавказской армии в первый день открытия дал перевес в 5 голосов правым эсерам, меньшевикам и казакам (блок). Но этот перевес длился недолго, всего несколько часов, до первого разоблачения. На первом же заседании наши товарищи Шаумян и Кавтарадзе раскрыли, как *именем Кавказского краевого совета меньшевиками и правыми эсерами посылались вагоны с патронами и снарядами Караулову и Каледину*, что им посылались на помощь винтовки, бронированные поезда и прочее военное снаряжение [1]. *Донской*, председатель меньшевистского краевого совета, сначала отрицал это. Но нашими товарищами были оглашены документы, и Дон-

[1] «Известия Совета Р. и С. Д. Бакинского района», № 217.

ской после этого только жалко пролепетал, что не может же он входить во всякие мелочи. Петров, Дурново, полковник Похитонов и подполковник Авдеев предписывают начальнику Тифлисского артиллерийского склада телефонограммой от 5 декабря 1917 г. немедленно выдать подполковнику Запольскому 6 вагонов с патронами — 2 для атамана терских войск в г. Владикавказе и 4 в распоряжение терско-кубанского пластунского правительства [1]. В Тифлисе власть была в руках меньшевиков и правых эсеров. Что же? Воспрепятствовали они выдаче этих вагонов с патронами калединцам? Нет, вагоны были отправлены по назначению. И помните: на языке Либерданов это — мелочь, какие пустяки, если 2 400 ящиков с патронами пойдут на расстрел рабочих и крестьян!

Да, у них была «тревога за судьбу страны». Когда после нанесенного им поражения они ушли со II Всероссийского съезда советов; они отправились в контрреволюционную ставку Духонина. Они помогали Раде душить голодом страну — это все они делали «в тревоге за судьбу страны». Когда они в Москве под предводительством Рудневых и князей Гагариных и Друцких организовали расстрелы рабочих и солдат, они делали это «в тревоге за судьбу страны». Ибо *их страна — это царство буржуазии и за это царство — их священная тревога.*

Власть советов — это завоевание пролетариата и беднейшего крестьянства — вот то наследство, о котором они мечтают «в тревоге за судьбу страны». Эта власть добыта кровавой ценою в борьбе с ними, с соглашателями. Теперь они мечтают о разделе этого наследства и уже готовятся на своем съезде «выпрямить политическую линию советов».

Если б я молился, я обратился бы к господу и просил бы его: «господи, избави нас от таких друзей, а с врагами мы сами справимся».

„Социал-демократ“ № 2 от 17(4) января 1918 г.

КЛЕВЕТНИКАМ

В Учредительном собрании гражданин Церетели под перекрестные крики из рядов окопников, когда гневно неслись ему укоры за все 8 месяцев политики правительства Церетели-Керен-

[1] Телеграмма № 44873 от 6 декабря 1917 г., «Бакинский рабочий» № 109 от 7 декабря, 1917 г.

ского-Коновалова-Милюкова, сказал: «Быть может вся наша деятельность была сплошной ошибкой, пусть — сплошным преступлением, но вы нас не судите. Мы не за тем сюда пришли».

Это сплошное 8-месячное преступление забывается самым основательным образом меньшевиками, и они заботятся очень старательно, чтобы и другие об этом забыли. Мы неоднократно отмечали, что их вопли о насилии — самое обыкновенное лицемерие. Они применяли его в самых широких размерах и сейчас повели бы просто кровавую расправу с нами, если б только могли. Они презрительно говорят о «штыках» только потому, что штыки сейчас не на их стороне. Зато, как они восхваляют те штыки, которые переходят на их сторону! Они против Красной гвардии в Москве и называют ее неизменно *пьяной* Красной гвардией; но они сами организуют военную силу на Кавказе, когда им надо произвести насилие над Бакинским советом рабочих и солдатских депутатов; они помогают в лице кавказских своих товарищей калединцам, посылая им сразу 6 вагонов с патронами для борьбы с большевиками и пишут на своих знаменах: «долой гражданскую войну!» А саботажем поддерживают ее, питают ее. Они возмущаются арестами и забывают о сотнях большевиков, освобожденных нами в Москве, о тысячах, освобожденных и в прифронтовой полосе, в Минске, Киеве и из других тюрем; они возмущаются арестами видных партийных деятелей и забыли об аресте почти всего Центрального комитета нашей партии, о голодовках наших товарищей, брошенных в тюрьмы гражданами Церетели, Черновым, Скобелевым, Никитиным с гнусными и подлыми обвинениями, в которые не верили сами обвинители; они вопят о задушении печати и забыли, как душили они нашу печать. Да, 8-месячное их царство было сплошным преступлением против рабочего класса, и рабочий класс повернулся к ним спиной.

Что же, скажут мне: вы теперь копируете их? Нет, мы их не копируем, ибо все, что делали и делают меньшевики, направлено *против* социалистической революции, все, что делали и делаем мы, направлено к укреплению социалистической революции.

Никогда так выпукло не сказывалось лицемерие меньшевиков, их неискренность и их объективно контрреволюционная роль, как в отношении к демонстрации 9 января и к Красной гвардии. Тут прямая неправда, может быть невольная, переплетается с злобной клеветой, с гнусными замыслами и самыми иезуитскими приемами.

Пример первый. «Вперед» пишет:

«Вполне определенно наметился раскол в среде московского

гарнизона, — часть артиллерии и пехотные части решительно отказывались участвовать в демонстрации». Здесь, в этом утверждении, нет ни слова правды. На всех митингах, какие были в войсковых частях, приняты самые решительные резолюции поддержки советов, и *ни в одной* части не было колебания. Только в самокатном батальоне было недовольство *по чисто хозяйственному поводу:* неаккуратно выдавали хлеб; но и самокатный батальон участвовал в демонстрации. Что касается артиллерии, то в Москве и поблизости Москвы стоят следующие части: 1-я артиллерийская бригада, 2-я тяжелая артиллерийская бригада, тяжелый дивизион, мастерские тяжелой запасной артиллерии, мызо-раевский гарнизон. Все эти части не только без колебаний приняли участие в демонстрации, но их приходилось даже убеждать выехать не со всеми орудиями, а с частью их (как в 1-й артиллерийской бригаде). Затем из пехотных полков и других частей приняли участие в демонстрации полки: 85, 251, 192, 193, 55 и 56-й, двинские обмундировочные мастерские, батальон двинцев, самокатный батальон, пулеметчики, броневой взвод, телеграфно-прожекторский полк, инженерные мастерские, генеральный госпиталь, конвойная команда, польский батальон, 2-я автомобильная рота, особый отряд кавалеристов при тяжелой осадочной артиллерии, и даже из Нары-Фоминской прибыл отряд.

Мы вынуждены были привести этот список, чтобы все солдаты и рабочие видели, к какой лжи прибегает газета «Вперед». Не угодно ли будет меньшевикам указать после этого *точно, где это наметился определенный* раскол в гарнизоне и *какие части решительно отказались участвовать в демонстрации?* Не ошиблись ли вы, господа? Не попали ли ваши ораторы на собрания белой гвардии? Или может быть на те доблестные отряды, которые в день 9 января обстреливали демонстрацию? Вам так легко туда попасть теперь!

Ровно столько же правды заключается и в другом утверждении меньшевиков, будто бы *«большинство рабочих отказалось от какого бы то ни было выступления»*. Вам так хотелось бы этого, господа, но ведь вы знаете, что это — не так. И только что закончившийся I Всероссийский съезд профессиональных союзов — лучший ответ вам, клеветникам. Он — яркая пощечина всей вашей антипролетарской, антисоциалистической деятельности. *Почти все* союзы, объединяющие около 3 млн. рабочих, были представлены большевиками и левыми эсерами. Почти одни только торгово-промышленные служащие, конторщики, печатники (да и то не все) были представлены меньшевиками. И целый ряд съездов как областных, так и общероссийских ярко подчеркнул,

что меньшевики потеряли всякую опору в рабочем классе. А господа из «Вперед» без стыда пишут: «Это была демонстрация завершающегося разрыва лжерабочего правительства с рабочим классом».

В день 9 января вы заняли чрезвычайно удобную позицию; однако, несмотря на всю вашу демагогию, несмотря на весь поток лжи и клеветы, излитой вами на движение большевиков, рабочая масса и солдаты приняли самое широкое участие в демонстрации 9 января, а вы в это время сидели в домах, быть может тех самых, откуда расстреливали из пулеметов и винтовок рабочих и солдат; вы писали гнусные измышления. И Красная гвардия, являющаяся нашей народной социалистической армией, идущая на смену казарменной постоянной армии, эта Красная гвардия, спасающая сейчас Россию от Калединых, она рисуется вами *как пьяная, неизменно пьяная*. Уверяю вас, что это — лучший путь *назад*, а не «*вперед*». И огромное большинство трудящихся искренне думает, что вы зовете вперед всех врагов социализма. Все, что вы писали и делали в эти дни, только убеждает нас в этом. И название «*рабочей партии*» вам теперь совершенно не к лицу.

„Социал-демократ" № 8 от 26 (13) января 1918 г.

У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ

Изменивши открыто рабочему классу, оттолкнув от себя организованных рабочих, порывая с каждым днем с остатками рабочих, все теснее связывая себя с саботажниками, а местами и с явными контрреволюционерами, укрепляясь по ту сторону баррикады против рабочего класса, партия меньшевиков докатилась до последней черты.

Центральный орган этой партии договаривается до той высокой истины, что победа Каледина была бы объективно прогрессивным шагом, во многих местах заключены уже тесные блоки с самыми правыми партиями под общим для них всех лозунгом — «защиты Учредительного собрания».

Орган «Вперед», чувствуя, что под партийным знаменем остаются лишь жалкие остатки вождей без армии, пытается «приспособиться» к новым условиям борьбы.

Партия меньшевиков пытается собрать под «красным знаменем

защиты Учредительного собрания» тех, кто может быть собран и под черные знамена неприкрытой контрреволюции. Они так и говорят:

«Рабочие массы силою обстоятельств разочаровываются в большевизме, необходимо собрать их под красным знаменем защиты Учредительного собрания, *чтобы не сплотило их вокруг себя черное знамя неприкрытой контрреволюции*».

Для нас здесь ценно отношение к рабочему классу со стороны партии меньшевиков, и мы призываем всех рабочих прислушаться внимательно к тому, что сейчас говорят эти вчерашние хозяева положения, сегодня дошедшие до последней черты. *Они говорят: рабочие, если они разочаруются в большевизме, уйдут под черное знамя контрреволюции.* Выходит стало быть, что рабочий класс может быть глубоко контрреволюционным.

Допустим на одну минуту, что рабочие *увлечены* только лозунгами социалистической революции, а не идут за ними сознательно. Это ведь значит, что за большевизм сейчас идет вся та рабочая масса, которая со всей свежестью чувства, со всем пылом классовой ненависти идет против власти буржуазии, борется за социализм, и если эти рабочие разочаруются в этих лозунгах революции, они временно уйдут из революционного движения, как уходили в 1907 — 1910 гг.

Мы знаем, у рабочих может быть усталость в борьбе, рабочие могут разочароваться в той или иной партии, но перейти в лагерь «неприкрытой контрреволюции!», «сплотиться вокруг ее черного знамени!», — какое бесстыдство, какая клевета на рабочий класс! Мы усиленно обращаем внимание товарищей рабочих на эту клевету.

Мы знаем, что как бы ни было тяжело рабочему классу, как ни велика его усталость, он не пойдет под эти знамена.

И вот меньшевики надеются на другое: если не под черные знамена неприкрытой контрреволюции, то к меньшевикам.

Но позвольте, почему же вы так стыдливо снимаете свое партийное имя, почему сбрасываете наш великий клич: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»?

Вы чувствуете, что он уже не к лицу вам, вы зовете рабочую массу создать беспартийную рабочую партию. Вы хотите оторвать ее от неприкрытой контрреволюции и зовете ее под красное знамя защиты Учредительного собрания». *Но это знамя теперь не красное, вы перепутали все цвета, думая, что рабочие могут быть* контрреволюционерами, а буржуазия (кадетская и калединская) идет под красным знаменем. *Вы желтые, черные и зеленые знамена буржуазных партий, белые и трехцветные знамена монархи-*

стов сейчас объединяете под общими лозунгами, соединяетесь с ними для общих действий и выдаете их за красные знамена. Рабочий класс может устать, но не поразили же вы его слепотой, и он сумеет разобраться, кто с кем идет.

План меньшевиков таков:

«Самый верный путь к этому (т. е. к тому, чтобы уничтожить завоевания октябрьско-ноябрьской рабоче-крестьянской революции. — *Ем. Я.)* создание самостоятельной беспартийной рабочей организации защиты Учредительного собрания» [1].

Ведь это же полное признание в своем банкротстве! Ведь вы же выдаете себе свидетельство о бедности не только силами, но и мыслью, потому что более жалкой идейки нельзя было высидеть в канцелярии, виноват, в редакции вашего органа. Она стара, она избита, она показала уже всю свою непригодность. Ясно для всех: вы перестали быть социал-демократической партией. Под этим знаменем вы уже не соберете рабочую массу.

Но вы скрываете здесь очень неискусно замысел. Ведь вы хотите объединить эти рабочие массы с кем? С кадетами, с калединцами и другими группами.

Вы это напрасно сказали таким туманным языком, говоря, что эта беспартийная рабочая организация «*может от случая к случаю входить в соглашение с другими нерабочими организациями защиты Учредительного собрания для совместных действий*». Так как рабочие знают, кто стоит за защиту *Учредительного собрания*, так как рабочие знают, что *за эту «защиту»* стоит вся буржуазия, то вы призываете их на деле объединиться с буржуазией для того, чтобы бороться с рабочей партией большевиков, с партией левых социалистов-революционеров. Вам показал Всероссийский съезд профессиональных союзов и Всероссийский съезд советов, что большевизм *объединяет* теперь девять десятых революционных сил страны. *Против девяти десятых сил страны объединяете вы теперь все, что против социалистической революции, всех, кто за сохранение и укрепление буржуазного порядка.*

Вот к чему на деле призываете вы. Разница между открытыми контрреволюционерами и вами теперь та, что немногие из вас еще искренне произносят слова из «Коммунистического манифеста», употребляют марксистскую терминологию. И мы убеждены, что ход революции заставит их отмежеваться от «беспартийных» людей, стыдящихся имени своего, и они перейдут на сторону тех девяти десятых, которые ведут борьбу с буржуазией.

[1] «Вперед» № 16 от 21 января.

Остальные же ваши товарищи, докатившись до последней черты, отбросив объединяющий пролетариев международный клич, сбросив с себя всякие стеснительные одежды социализма, предстанут неприкрыто, обнаженно рядом с истинными контрреволюционерами.

Вы 8 месяцев открыто изменяли рабочему классу ради соглашения с буржуазией. Вы были покинуты им, были сняты со всех ответственных постов, теперь вы хотите использовать временные затруднения и призываете к перевыборам советов. Это не поможет вам. Вы саботировали и саботируете. Это не поможет. Вы доходили до того в сочувствии к контрреволюции, что даже посылали вагоны с патронами калединцам, как это разоблачил т. Шаумян на краевом съезде кавказских советов. Все эти средства не помогли вам.

Вы докатились до последней черты и отрекаетесь от самих себя.

Делайте это скорее, только не клевещите на рабочих, будто они могут пойти в лагерь открытой контрреволюции. Идите — буржуазия ждет вас с распростертыми объятиями!

„Социал-демократ“ № 11 от 28 января (8 февраля) 1918 г.

ДАН—ШЕЙДЕМАН

В типографии Сытина гражданин Дан выступил 16 января с бесстыдной речью. Вы знаете, где рабочий класс имеет истинных своих представителей? Оказывается — в Германии, в Берлине. Правительство Шейдемана есть единственное истинно рабочее правительство. С ним надо заключить союз.

Даже сытинские меньшевики покраснели.

Я просил их: пусть подымется хоть одна рука, которая стоит за Шейдемана. Я спросил их: с кем вы, за кого; с Либкнехтом или с Шедейманом? Несколько голосов ответило: за Либкнехта! И ни один голос не посмел сказать: за Шейдемана.

Это было 16 января. Гражданин Дан, выразив уверенность в том, что скоро Либкнехт и Роза Люксембург будут против коммунистов, так как они будто бы стоят за выборы в Учредительное собрание.

В то время, как Дан говорил эти слова, ищейки Шейдемана рыскали по Берлину, черные вороны уже кружились над конспи-

ративной квартирой Либкнехта и Розы Люксембург, чтобы отдать их на распятие берлинским белогвардейцам.

Они убили их, они их распяли. Облитого кровью Либкнехта убили выстрелами в спину.

Шейдеман обещает наказать виновных, если они в чем-нибудь отступили от приказа. А если не отступили? Тогда — наградить?

А Дан? А друзья его? Они конечно прольют лицемерную слезу по поводу жестокостей гражданской войны; они вынесут «протестующую» резолюцию против убийства Либкнехта и Розы Люксембург; а завтра Даны и Абрамовичи с прежним бесстыдством будут внушать всюду и всем, что Шейдеман является истинным представителем пролетариата Германии.

Неужели найдутся ослепленные рабочие, которые после этого еще будут сомневаться, что Дан и его сподвижники — родные братья Шейдемана?

„Правда“ № 15 от 22 января 1919 г.

„СТАРЫЕ ПОРЯДКИ“

Меньшевики все время пугают «старыми порядками». Особенно они ополчились по поводу призывов большевиков к специалистам всякого рода принять участие в работе. По этому поводу они рисуют самое мрачное будущее. Дан пишет:

«Дельцы и беспринципные авантюристы, которые на таких условиях пойдут за большевиками, обернут их вокруг пальца и выбросят, как выжатый лимон, когда сосредоточат в своих руках и армию, и финансы, и транспорт, и весь государственный аппарат. Будут восстановлены старые порядки, а народные массы, и в первую голову рабочие, останутся обездоленными и бесправными, связанными по рукам и ногам» («Вперед» № 53).

Позвольте, г. Дан, напомнить вам *ваши старые порядки*. Дело 3—5 июля—гнусную попытку оклеветать рабочее движение — вы поручили бейлисовских дел мастерам. В суде у вас были все заплечных дел мастера, все царские прокуроры остались на своих местах. Самым гнусным монархистам поручили вы сыск в деле рабочего движения. В контрразведку вашу включили вы дельцов и беспринципных авантюристов вроде гражданина Алексинского. Там сотни бывших жандармских офицеров, старых охранников защищали ваше «Временное правительство» милой вашему

сердцу «коалиции». К *этим* старым порядкам Россия не вернется — будьте уверены!

Армия. Вы заботитесь о чистоте армии от дельцов и беспринципных авантюристов.

Конечно вы не считали беспринципными авантюристами Керенского и Савинкова, — а они стояли во главе армии. Вы не считаете Корнилова и Алексеева, Деникина и Каледина и *всех* царских генералов, которые при власти меньшевиков и правых эсеров, т. е. при *ваших старых порядках,* стояли у власти в армии. Ведь даже того «минимума контроля» над их действиями не было, какой теперь устанавливается.

К этим *вашим старым порядкам* Советская Россия не вернется.

Зачем вы говорите о транспорте? Разве не знают народные массы, что при *ваших* старых порядках все реакционеры оставались прочно на своих местах без всякого над ними контроля?

Этого не будет уже, будьте уверены!

Крокодиловы слезы проливает «Вперед» о старых порядках о том, что будут одурачены народные массы.

Гражданин Дан, ваши запугивания старыми порядками неизменно вызывают только воспоминание о ваших *старых порядках.* К ним мы не вернемся.

„Правда" № 63 от 4 апреля 1918 г.

ПАПА, ВАНДЕРВЕЛЬДЕ И ГРУЗИНСКИЕ МЕНЬШЕВИКИ

В Италии кардинал Сгурсе организует поповский католический Интернационал. В международном масштабе католические попы хотят организовать борьбу за одурачивание людей. Им становится все труднее.

Массы народные все больше и больше перестают интересоваться царством небесным, предоставляя его охотно монахам и воробьям, а себе отвоевывая человеческую жизнь на земле. Трудно попам. Что бы сказал кардинал Сгурсе, прочитав например телеграмму, как в Якутске ученицы духовного училища под режиссерством попа спели на митинге «Интернационал», в котором имеются страшные слова, что никто не даст людям избавленья — ни бог, ни царь и ни герой, а только сами трудящиеся освободят себя?!

«Конец мира» — сказал бы он.

Но у поповской братии есть защита: неожиданно на помощь им приходят «бывшие социалисты».

Очень было странно слышать на суде над колчаковцами, как профессор Новомбергский, колчаковский министр, уверял, что нисколько одно другому не мешает — можно быть сторонником учения Маркса, который говорил, что религия — яд, опиум для народа, а в то же время принимать от архиерея икону для благословения белогвардейцев, идущих убивать революционных учеников Маркса.

Но профессор Новомбергский, можно сказать, теленок по сравнению с бельгийским профессором Вандервельде, который до войны был во главе социалистического II Интернационала, во время войны стал министром короля и адъютантом королевы, а теперь в качестве министра вносит проект об увеличении жалования бельгийским попам. Мудрено ли, что после этого бельгийские рабочие организовали коммунистическую партию?

А в Грузии, в демократической республике, где у власти стоят меньшевики, старый бывший социалист Ной Жордания устраивает праздник 150-летней победы над какими-то турками и трогательно объединяет свою речь с молебном экзарха Грузии.

Плохи дела попов, когда им нужна помощь бывших социалистов, но еще хуже дела меньшевиков, если они нуждаются в поповских молитвах.

И, наоборот, может быть это немножко и наивно, что якутские епархиалки вместе с попом на митинге поют коммунистический «Интернационал», но это показывает, что коммунистический «Интернационал» вытесняет поповскую молитву.

„Советская Сибирь“ № 145 от 3 июля 1920 г.

УЗЕЛ

Грузия, руководимая социал-демократами, сторонниками $2^1/_2$ Интернационала лакеев Антанты, играет сейчас незавидную роль. Сердце Гегечкори и Церетели бьется сильнее, когда они обращают взоры на Англию, которая обещает сохранить неприкосновенными «демократические» учреждения Грузии. Выдвинутая в качестве буфера между Советской республикой и всем остальным капиталистическим миром, Грузия не раз наносила нам предательские удары. Стоит вспомнить смерть Степана Шаумяна и его товарищей, вождей кавказского пролетариата, кровь которых на грузинских социал-демократах так же, как и на английском ген. Мильне. Стоит вспомнить, как Грузия спасла банды Деникина, и роль ее станет вполне ясной.

Сейчас Грузия готовит нам новое возможное предательство. Грузинская газета «Эртоба» старается подготовить общественное мнение к тому, чтобы передать Батум Англии. Мы все знаем, что Батум ворота в Баку. В мирном договоре с Грузией мы специально оговорили, что английские войска покинут Батум. Как относится население Батума к РСФСР, лучше всего показал разгром Врангеля. Когда матросы судов, стоящих в Батуме, получили весть о разгроме, бурное ликование охватило матросов, и на судах были выкинуты советские флаги. Повторились настроения бакинских рабочих. Советский флаг был поднят также и на здании Всероссийского союза матросов.

Как же отнеслось к этим пролетарским настроениям социал-демократическое правительство Грузии? Грузинская полиция срывала флаги, произвела многочисленные аресты, недавно арестовано было до 300 коммунистов и наконец арестован и председатель союза моряков. Ведь могло случиться, что эти суда, уворованные хищниками у России, подняв флаг РСФСР, вернулись бы к своей матери, к своему социалистическому отечеству. О, этому-то буридановы ослы все-таки еще могут пока помешать.

Но о каком же тогда нейтралитете говорит «Эртоба»? Грузинская газета предвидит, что теперь, после разгрома Врангеля, Антанта перенесет центр борьбы на Ближний Восток и может в виде уступки движению турко-камелистов уступит им Закавказье. Вот здесь-то и завяжется борьба разных интересов, в которой, дескать, Грузия сохранит свой нейтралитет.

Вещь — абсолютно невозможная! Грузия была и остается орудием борьбы в руках Антанты, в особенности Англии. Англия в конце концов оседлает ее, если к тому времени народные массы Грузии не найдут в себе силы сбросить лицемеров. Грузия должна будет, если захочет жить, броситься либо направо, к Англии либо налево, к Советской России. Она не может быть и не будет нейтральной. Либо она сохранит Батум от покушений Англии либо — что вернее — продаст Батум.

Черное море теперь является ключом, которым желают овладеть хищники целиком. Как представители буржуазии конечно правы были по-своему и Милюковы, желавшие захватить Дарданеллы и Константинополь. За эти пункты теперь цепко держатся капиталисты. Франция готовится усилить свой флот, чтобы господствовать на Средиземном море. Но ей в этом придется столкнуться с другими хищниками, которые тоже хотят господствовать. Для народов Ближнего Востока, живущих по берегам Черного и Средиземного морей, теперь уже ясно: они до тех пор будут находиться под угрозой порабощения, до тех пор эти страны не будут знать покоя, до тех пор они будут ареной борьбы, пока не сумеют создать между собою федерацию советских республик. Освобождение Батума от власти Антанты будет одним из шагов к этому.

В завязывающейся вокруг него борьбе меньшевистская Грузия играет самую позорную роль. И пусть не пеняет, если ей придется очутиться между молотом и наковальней.

„Советская Сибирь" № 268 от 26 ноября 1920 г.

КАВКАЗСКИЙ КЛИН

Мы очень редко теперь в газетах и на собраниях вспоминаем меньшевиков, ибо они теряют с каждым днем последние остатки своего влияния. Но каждый раз, когда мы заговариваем о них, это вызывает у некоторых людей недоумение: зачем говорить о меньшевиках, если они теряют и потеряли влияние? Этот вопрос был бы правильным, если бы обломки II Интернационала во главе с меньшевиками не являлись почти единственной силой, через которую буржуазия проводит влияние свое на пролетариат. Больше того, в отдельных странах меньшевики возглавляют правительство и ведут непримиримую борьбу с нами, коммунистами,

всеми мерами. А так как своих сил у них нет, то они эту силу берут у капиталистов всех стран, злейших врагов рабочего класса.

Так обстоит дело с меньшевистской Грузией. Под давлением рабочих и крестьян Грузия подписала мирный договор с Россией. Россия в то время вела отчаянную борьбу с Врангелем и шла на известные уступки грузинским трактирщикам.

Но грузинское правительство ни одного дня не соблюдало мирного договора. Как прежде на его территории укрывались деникинцы, так потом укрывались врангелевцы. Как оно кричало в свое время «ваша» (ура) армии немецкого генерала Гофмана, так потом оно прикрыло гнуснейший разбой и грабеж англичан в Азербайджане и Персии. После присоединения Азербайджана к РСФСР оно укрыло у себя «муссаватистов», т. е. сторонников буржуазного правительства Азербайджана. После образования Советской Армении оно укрыло у себя врагов этой Советской страны. Обещав не преследовать коммунистов, оно наполнило коммунистами тюрьмы. Величая себя социалистами, грузинские меньшевики преследуют коммунистов за одно только название. Пропуская беспрепятственно белогвардейских генералов с самыми гнусными шифрованными документами, они арестуют и грабят курьеров советского правительства. По договору грузинское правительство должно было возвратить суда Черноморского флота, захваченные Деникиным и Врангелем и оставшиеся в портах Грузии — Батуме и др. И что же? Эти суда оно распродает французам.

Советское правительство постановило в виде предупреждения прекратить отпуск керосина, нефти этому предательскому правительству. Тогда грузинские меньшевики опечатали все наши склады, кассы, товары, находящиеся в Грузии.

Вот какие отношения создались сейчас между Грузией и РСФСР.

Для рабочих и крестьян Грузии давно уже выяснилась физиономия этого правительства. Превращенные в пепел аулы южной Осетии, невероятно гнусные меры борьбы с грузинской трудовой массой вызвали у трудового населения Грузии величайшую ненависть к этим героям II Интернационала. Недавно вернувшийся оттуда Карл Каутский в своих записках о Грузии пишет: к сожалению надо признать, что Грузия неуклонно катится к большевизму.

То, что сейчас делает грузинское меньшевистское правительство, оно делает несомненно по указке из Парижа, Лондона и Нью-Йорка. Все тот же проклятый вопрос из-за бакинской нефти не дает спать нашим врагам. Они делают нажим на гг. Церетели,

Чхеидзе, Жордания, Гегечкори, Джугели и К°, и те послушно творят их волю. Но мы не сомневаемся, что грузинская трудовая масса в конце концов сделает то же, что и масса Армении и Азербайджана и расстроит игру империалистов. Да, в этом Каутский прав. Грузия неуклонно катится к большевизму. И этот клин, вбитый теперь в сердце советского Кавказа, вышибут трудящиеся Грузии.

„Советская Сибирь“ № 15 от 25 января 1921 г.

КТО ДЛЯ КОГО РАБОТАЕТ

(ОБ ОСОБОМ «ОТТЕНКЕ» ПРЕДАТЕЛЬСТВА)

В июне этого года меньшевик Мартов писал из-за границы своим друзьям:

«Дорогие друзья! . . Теперь уже в сущности *даже врангелевцы думают не об интервенции*, а о том, чтобы держать наготове военные кадры и политическую организацию, чтобы двинуть ее в Россию в момент ликвидации большевизма. Они полагают, что тогда начнется полоса чистой анархии и что в такой обстановке сила, имеющая за собой военное ядро, может овладеть положением. Пока они встрепенулись, услыхав о захвате Владивостока. Это событие между прочим может оказаться чреватым последствием, даже если не оправдается известие, что японцы пропустили во Владивосток остатки врангелевской армии. . . Вероятно большевики сделают попытку воспользоваться Владивостоком, чтобы снова подогреть энтузиазм в массах. *На этот случай, думается, мы должны взять несколько иной тон, чем брали до сих пор.* Одно дело, когда поляки подходили к Киеву или Деникин к Москве и Юденич к Питеру. *Тогда нам волей-неволей приходилось* «мелким шрифтом» бормотать о наших требованиях перемены всей политики как условия успешности обороны и *подчеркивать наше участие в ней. Другое дело, когда белые за 10 тыс. верст и только еще открывают новую страницу интервенции.* Теперь полагаю, что *на первый план надо выставить возможность оборонить раз навсегда революцию при сохранении диктатуры и т. д.* и требование, во имя *обороны против белых*, политики, делающей возможность восстановления единого рабоче-крестьянского фронта. Этот оттенок должен стать ясен массам».

Чего яснее — скажем мы гражданину Мартову! Особенно теперь, когда факт переброски первого отряда врангелевцев во Владивосток уже совершился и т. Чичерин вынужден обратиться с протестом к представителю Англии против того, что английское правительство снабжало перебрасываемых на Восток врангелевцев. Мы сами постараемся сделать массам понятным тот «оттенок» интервенции, который фактически поддерживают меньшевики. Владивосток занят японцами и меркуловцами. Им на подмогу Антанта переправляет врангелевцев. Эти белогвардейцы захватывают часть Дальневосточной республики, где в правительстве участвуют и члены партии меньшевиков. Мартову и его братии это известно. Всякому честному человеку ясно, что обязанность партии меньшевиков *безоговорочно* вести борьбу с этой интервенцией, поддерживать в этом деле партию коммунистов. Но то, что понятно честному человеку, то вовсе не обязательно для Мартова и К°. Они пишут своим друзьям, чтобы те не вздумали особенно беспокоиться по случаю занятия японцами и меркуловцами Владивостока: ведь это за 10 тыс. верст от Москвы! Ведь это только открывает новую страницу интервенции! Так стоит ли беспокоиться!

Мартов пишет в том же письме, что «Советская Россия сейчас в таком положении, что хроническая язва на ее теле, в виде занятого белыми хотя бы и столь далекого пункта, будет действовать на нее самым разрушительным образом». Кажется тоже достаточно ясно, хотя и далеко не верно. Но если это так, то какой смысл имеют советы Мартова? Только один: не торопитесь, дорогие друзья меньшевики, помогать этой России, пусть эта новая интервенция разрушит ее! И после этого эти плохо замаскированные сторонники интервенции смеют писать в своем «социалистическом», с позволения сказать, «Вестнике» о том, что они в свое время исключили т. Майского из партии за его поддержку интервенции!

«Восстановление единого рабоче-крестьянского фронта». Что разумеет под этим именем партия меньшевиков — мы знаем. Они воображают, что для благополучия нашей страны нехватает только того, чтобы Церетели и Чхеидзе, Черновы и Авксеньтьевы заняли снова министерские кресла. Тогда буржуазия всего мира сразу почувствует величайшее доверие к России и всякая благодать снизойдет на нее.

После этого становится понятным, почему американское правительство, созывая конференцию в Вашингтоне, беспокоится относительно этого «единого фронта». По крайней мере такой смысл имеет его заявление: «*В силу отсутствия единого признанного*

российского правительства защита русских интересов должна быть предоставлена добропорядочности (гм! гм!) всей конференции... Американское правительство надеется и ожидает, что конференция установит такие общие принципы международных отношений, которые заслужат сочувствие и поддержку со стороны народов Восточной Сибири и всей России»... Какое трогательное единодушие, какая солидарность в оценке советского правительства между партией меньшевиков и партией биржевых дельцов с биржи в Нью-Йорке! Как гражданин Мартов не может признать в советской власти правительства России (нет «единого фронта»!), так не признает его и американский буржуа! И тысячу раз прав т. Ленин, когда подчеркивает, что герои II и $2^1/_2$ Интернационала — Мартовы и Черновы — лучше, чем кто бы то ни было, сейчас защищают интересы мировой буржуазии, им служат, за них обрабатывают соответствующим образом массы.

Но обработать под этот мартовский *тон* массы мы не дадим и сумеем им разъяснить, что и врангелевцы и меркуловцы фактически поддерживаются меньшевиками, какие бы они словеса ни произносили по поводу революции и социализма. Особый «оттенок» мартовского предательства также быстро станет ясен массам, как и все прежние.

„Советская Сибирь“ № 236 от 21 октября 1921 г.

МЕНЬШЕВИКИ ЗА РАБОТОЙ

ПО СЕНЬКЕ И ШАПКА

В воскресенье 29 декабря меньшевик Абрамович читал лекцию в аудитории Высших женских курсов на тему: «Итоги и перспективы революции». С большой натяжкой можно было бы назвать итогами и перспективами русской революции то, что преподнес аудитории Абрамович. Но — по Сеньке и шапка: аудитория в большинстве своем соответствовала докладчику. Я все ждал; когда придут рабочие? Кроме двух рабочих, продававших билеты, да работницы у дверей двигались фигуры инженеров, бывших барынек в дорогих мехах и типичной мелкобуржуазной интеллигенции. Два десятка старых партийных работников да человек двадцать рабочих и красноармейцев коммунистов хоть немножко разнообразили эту на редкость подобранную аудиторию. Конечно в *такой аудитории* меньшевик Абрамович мог иметь успех.

ИТОГИ. ГОРИМ! ТОНЕМ!

Итоги поистине мрачные. Во-первых, Абрамович, тонкий знаток русского крестьянства и русской деревни, заявил нам, что *«масса желает царя»*. Так прямо будто бы и говорят: «нам нужен царь». Где это говорят «массы», в каких именно местах — это секрет меньшевиков. Положение такое тяжелое, что будто бы никто не видит выхода. Все темно, ужасно. Даже сам Абрамович не видит выхода.

Но к концу Абрамович сжалился над аудиторией. Выход он все-таки нашел. Он несколько раз подчеркнул: «*Коренное и (!) радикальное* (как будто это не одно и то же!) изменение в порядке построения государственной власти». Это во-первых, а во-вторых: «Изменение состояния гражданской войны, в которой мы находимся». Он даже расшифровал это «коренное и радикальное изменение»: «это — все та же демократия». «Чтобы не подымать шума», Абрамович соглашается, что Учредительное собрание было разогнано поделом, но он стоит теперь за восстановление советов хотя бы в рамках советской конституции. Сейчас же рабочие лишены самодеятельности. Но где еще, в какой стране рабочие могли когда-либо проявить и проявляли самодеятельность в таких размерах, как в Советской республике, этого Абрамович конечно не мог сказать.

ЩЕКОТАНИЕ ПЯТОК

Ах, какой высокий душевный подъем, какая вдохновенность, слеза, искренность зазвучали в голосе Абрамовича, когда он заговорил о спекулянтах, об осьмушке хлеба, о недостатке, об отсутствии и дороговизне ниток и ситца! Со спекуляцией он обнаружил самое тонкое знакомство, гораздо более близкое, чем с задачами русской революции. Этот вопрос он обследовал на месте. Когда публика ему аплодировала, задетая за живое всех своих изголодавшихся желудков, затосковавших вдруг по оставленным в Египте горшкам с мясом, Абрамович счел нужным оговориться, что он это рассказывает не для щекотания пяток обывателей. Но я должен установить, что Абрамович (как и Спиридонова) занимаются в настоящее время в массах исключительно щекотанием пяток.

«ДЮЖИНА РАБОЧИХ У ВЛАСТИ»

В России нет диктатуры рабочего класса. Дюжина, две, три дюжины рабочих у власти — так оценил Абрамович значение

современного состояния России. То ли дело — «демократия»! То ли дело например французская республика или Соединенные штаты, где демократия господствует в лице французской биржи или господ Вильсонов и Клемансо!

ПОЧЕМУ КРЕСТЬЯНЕ ОТКАЗАЛИСЬ ОТ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Даже Абрамович немножко подвинулся в этом вопросе к истине. Учредительное собрание обещало крестьянам политические права, а мужику нужна была земля. Большевики дали землю, и крестьянин отказался от обманчивых политических прав ради земли. Вот другое дело было бы, если б крестьяне имели уже «опыт» Учредительного собрания! Имели, гражданин Абрамович, и волком взвыли от этого опыта: было у них Архангельское, было Прикамское, было Самарское, Уфимское и иные Учредительные собрания, которые обманули, надули крестьян самым подлым образом. Потому-то и легка была там победа большевиков, что опыт Учредительного собрания для крестьян — горький опыт.

ВЛЕВО — ВПРАВО! ВПЕРЕД — НАЗАД!

В начале своей лекции Абрамович заявил, что основная ошибка большевиков была в том, что они несвоевременно произвели социалистический переворот. Он, правда, забыл при этом, что Центральный комитет меньшевиков признал недавно историческую необходимость Октябрьского переворота. В средине лекции Абрамович силился доказать, что Россия не может перевести свое хозяйство на социалистические рельсы. А к концу он неожиданно признал, что возврата к капитализму быть не может, что особенно революция в Германии раскрывает дорогу социалистическому хозяйству.

Какой прогресс! Еще недавно газеты меньшевиков звали «народ к капитализму», занималась этим и газета их, почему-то называвшаяся «Вперед». Эта газета скоро начнет выходить в свет. Само собою разумеется, что она будет верно отражать колебания, меньшевиков: влево — вправо! Вперед — назад!

ПРОТИВ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ, НО ЗА МИРОВУЮ РЕВОЛЮЦИЮ

Один из оппонентов, назвавший себя беспартийным обывателем, задал несколько ядовитых вопросов меньшевику Абрамо-

вичу. Меньшевики на деле против гражданской войны в России. Они на словах приветствуют развитие мировой революции. Но разве революция в Германии и других странах может развиваться иначе, как борьба между пролетариатом и буржуазией, т. е. иначе как гражданская война? Каким же образом меньшевики могут поддерживать эту мировую революцию, если они против нее в своей собственной стране? И разве не сродни они Шейдеману, не их ли линию вели и ведут многие из них, т. е. линию угашения революции?

ЗИГЗАГИ

Меньшевики отстаивали во что бы то ни было власть «демократии» — Учредительного собрания. Там, где еще не взяла верх советская власть, они и сейчас борются против власти советов. А в Москве меньшевик Абрамович признает необходимость восстановления власти советов «в рамках хотя бы советской конституции». Большевики же все время неизменно отстаивали одну линию. Если они иногда делали ошибки, неизбежные во всяком большом деле, то они сознательно их исправляли. А меньшевики сознательно виляли из стороны в сторону. И беспартийный человек приходит к выводу, что лучше уж итти за теми, цели которых и пути ясны и определены. Лучше итти за коммунистами.

МАЛЕНЬКИЕ НЕДОСТАТКИ МЕХАНИЗМА

Их касался Абрамович все время. Но разве не мало способствовали меньшевики созданию этих недостатков? В числе бюрократов, в числе саботантов, в числе «примазавшихся» к многочисленным органам Советской республики разве мало меньшевиков? И разве не лежит ответственность за все недочеты жизни на меньшевиках не в меньшей степени? Абрамовича моментами как бы осеняла правда, и он с оговорками допускает, что «историческая ответственность за все переживаемое нами может быть лежит и на меньшевиках». То-то, что лежит! Напрасно только отвертывались от ответственности!

С ЛИБКНЕХТОМ ИЛИ ПРОТИВ НЕГО?

Конечно, раньше можно было не отвечать на этот вопрос категорически. Но и теперь меньшевики стараются увильнуть от него. Они на словах за революцию мировую, но они не говорят, за какую революцию. Революция идет двумя путями; и

уже ясно, что один путь сливается с путями контрреволюционной буржуазии. Абрамович обходит этот вопрос самым позорным образом. Впрочем конференция меньшевиков дает ясный ответ: «*против Либкнехта,* с Гаазе и другими противниками коммунизма».

ОТ ЧЬЕГО ИМЕНИ?

Абрамович все время говорил: «мы меньшевики». Но ведь мы уже знаем, что от имени всех меньшевиков он не имеет права говорить. За ним отрицают это право не только Церетели и Чхеидзе, идущие вместе с империалистами против Советской России; за ним отрицает это право не только Симферопольский, Севастопольский и иные комитеты оккупационной полосы. Даже в Советской России за ним многие не признают этого права. Абрамович считает, что он выражает настроение «лучшей» части меньшевиков. Судите по этому образчику, что из себя представляют остальные.

„Правде" № 2 и 3 от 3 и 4 января 1919 г.

ДВУРУШНИКИ

Над свежими еще могилами коммунистов Карла Либкнехта и Розы Люксембург Центральный комитет партии социал-демократов меньшевиков (РСДРП) танцует неприличный танец, оплевывая то движение, во главе которого шли растерзанные братьями Дана товарищи наши.

«Пусть мертвые хоронят мертвых и призывают к мщению», — пишут меньшевики в воскресном номере «Газеты печатников».

А вы, господа меньшевики? А мы, говорят они, будем помогать независимым действовать на Шейдемана, чтобы он отказался от союза с буржуазией. А если Шейдеман не откажется? Если то, что вы сами признали — союз его с буржуазией и старой полицией он закрепит, тогда что вы будете делать?

Тогда вы поступите, как ваши братья в Уфе? Как эти двурушники, которые хотят и в лагере буржуазии иметь симпатии и цепляются за все более слабые связи в рабочей среде? Как эти колчата, заявившие, что они будут *идейно* бороться с Кол-

чаком? Грош цена этой «идейной» борьбе меньшевиков с Колчаками и духовными братьями самих меньшевиков — шейдемановцами!

16 января перед собранием печатников гражданин Дан оплевывал движение, возглавляемое Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург; сегодня этот же самый гражданин пытается это сделать вкупе со всем Центральным комитетом меньшевиков. Иудиным поцелуем целуют меньшевики мертвых уже Карла Либкнехта и Розу Люксембург, когда пишут в своей резолюции, что это убийство есть «варварское и гнусное убийство». И целуя мертвецов иудиным поцелуем, Даны и Мартовы «клеймят политику разжигания гражданской войны». Кто же разжигал гражданскую войну, как не К. Либкнехт и Р. Люксембург?! Чем же вы отличаетесь, Мартовы и Даны, от убийцы Шейдемана? Разве Шейдеман не сказал подобно вам — я сожалею об этом убийстве, но Карл Либкнехт и Роза Люксембург пали жертвой той политики, которую они сами вызвали!

Вы приветствуете Независимую рабочую партию в Германии. Почему же вы не скажете, какую часть ее вы приветствуете? Почему скрываете, что одна часть бывшей Независимой партии (теперь расколовшейся) стоит за дальнейшее развитие гражданской войны?

Своей возмутительной резолюцией Центральный комитет меньшевиков только лишний раз подчеркнул свое духовное родство с Филиппом Шейдеманом. Рабочие еще раз увидят, как эти двурушники не имеют ни чести, ни мужества открыто признать это незавидное родство, когда они над свежими могилами одновременно целуют иудиным поцелуем растерзанных своих противников и тут же оплевывают их.

„Правда“ № 14 от 21 января 1919 г.

ПОСЛЕДНЯЯ КРЕПОСТЬ

12 ЛЕТ

12 лет не видал, не слыхал гражданина Дана. За это время прожито и пережито так много: разгром движения 1905—1907 гг., каторга, ссылка, новый период подъема рабочего движения, ленский расстрел, массовая стачечная борьба. С каторги, из ссылки по газетным отрывкам следил, как гражданин Дан лил воду на непотухающее пламя революции, как он боролся против «стачечного азарта» рабочих; как он — ликвидатор — пытался «ликвидировать» нелегальное рабочее движение; как он во время войны усердно звал рабочих сотрудничать с буржуазией в военно-промышленных комитетах; как оправдывал оборонцев социал-предателей...

Первая волна Февральской революции 1917 г. подняла на самый гребень волны политические ничтожества, весь политический мусор, какой прилип к рабочим организациям. Таким политическим ничтожеством и был все эти 12 лет гражданин Дан, ныне вынырнувший из недолгого политического небытия. Весь он — воплощение мещанской пошлости, хихикающего лицемерия, трусливенького злопыхательства, змеиного, пресмыкающегося шипа, ядом своим отравляющего души тех, кто привык смотреть не вперед, а назад, кто живет не будущим, а прошедшим, кто думает: а нельзя ли повернуть назад? Для нас он интересен, как яркий символ той партии, во главе которой он стоит.

В ЧЕМ ОНИ НАС ОБВИНЯЮТ

На собрании типографских рабочих Сытина я выступил контрдокладчиком после Дана.

Коммунисты — империалисты! Вот одно из обвинений против нас. Как же не империалисты, поясняет Дан: ведь большевики хотят силою оружия расширить владения Советской России. Ей нужен уголь, нужны нефть, хлопок, хлеб, металлы. Но она берет это не путем товарообмена и добрососедского согласия, а силой оружия красноармейцев.

Меднолобый Дан знает, что никакого товарообмена с Красновым, Колчаком и империалистами стран Согласия нет и не может

быть при современных условиях. Но какая пошлость для марксиста так объяснять перед рабочими империализм. Если у эстонцев-рабочих сейчас отнимут финские, английские и эстонские помещики землю и права, то эстонцы-рабочие будут империалистами, если они захотят все это вернуть вооруженной борьбой. Так выходит по Дану. А если они «товарообменом» это сделают, тогда они будут паиньками. Но каким товаром обладают эстонские рабочие кроме труда своего? Они должны отдать весь свой труд, и тогда им взамен дадут немного земли и немного или никаких прав. Так, гражданин Дан?

СОЮЗ С ШЕЙДЕМАНОМ

Нам необходим союз с мировой революцией. Но гражданин Дан подменяет этот союз очень неискусно, чисто мошеннически союзом с правительством Шейдемана и «со всяким мало-мальски демократическим правительством». И выходит, что на словах Дан предлагает союз с мировой революцией, на деле — с мировой контрреволюцией.

ОНИ НАМ НЕ МЕШАЛИ

Дан торжествующе спрашивает сытинцев: разве мы им мешали после того, как они нас изгнали из советов? Невинный младенец! Он забыл уже, как они помогали всюду всем нашим врагам, как звали союзные войска, как их братья в России и за рубежом втаптывают в грязь движение коммунистов в России и в других странах.

МАКУЛАТУРА

Типографский станок ныне в руках рабочих и крестьян. Тоскует душа Дана по том сладком времени, когда типографии выбрасывали на улицы миллионы буржуазных листков, газет и журналов. Тогда это была «литература». А теперь что печатается? макулатура. Как раз в этот момент отпечатан был номер «Красной звезды» с двумя портретами: Николая Баумана на обложке и с чудесным портретом К. Тимирязева.

Конечно это макулатура! То ли дело, если бы «Русское слово» дало портрет Ф. Дана и Ф. Шейдемана.

НЕЛЬЗЯ БЫТЬ БЕЗ ЛИЦА

Печатники аплодировали Дану. Меньшевики помогали в течение многих лет отравлять души печатников. Дни и ночи, за годами годы, буржуазная мысль держала в плену наборщика, печатника. И теперь еще «Газета печатников» дает у себя приют злейшим врагам пролетарской революции — друзьям Шейдемана. И все же печатники начинают входить в ряды всего революционного пролетариата. Когда Дан предложил резолюцию: «выслушав доклад Дана, собрание присоединяется к основным положениям доклада», печатники решили не принимать никакой резолюции. Они отказались также ставить на голосование мою резолюцию, так как много было колеблющихся. Кто-то из ярых меньшевиков сказал на это: «ага! провалились коммунисты!» Я ответил: провалились не коммунисты, а собрание, которое не имеет возможности сказать открыто и ясно, за что оно стоит.

Нельзя быть без лица! Часть печатников это сознала и строит союз печатников-коммунистов. В ее среде не найдут себе места друзья Шейдемана-Дана и К°. На страницах «Революционного печатника» никто не посмеет оклеветать движение Либкнехта-Спартака, как это сделала «Газета печатников». И мы верим в то, что скоро большинство печатников укажет Данам их надлежащее место.

В рабочей массе «Союз печатников» — последняя крепость меньшевизма. Меньшевики должны быть из этой крепости выбиты, иначе они долго еще будут заражать рабочий класс своей непроходимой пошлостью.

„Правда“ № 16 от 24 января 1919 г.

МЕНЬШЕВИКИ ЗА РАЗВАЛ ХОЗЯЙСТВА

Штаб меньшевиков, командующий из-за границы, высказывается за полное восстановление буржуазного капиталистического строя в России. Он не только высказывается за это — он за это борется. Партия меньшевиков, как и весь II Интернационал, есть партия укрепления капиталистического строя.

Российские меньшевики слушают и исполняют команду Мартовых и Абрамовичей, отлично зная, какую гнусную роль играют они в деле оправдания всех нападений и нападок на Россию.

Больше всего их тревожит, как и всех врагов рабочего класса России, факт восстановления нашего хозяйства, — в первую голову нашей крупной промышленности, нашего сельского хозяйства.

Они понимают, что восстановление нашего хозяйства ведет к укреплению диктатуры пролетариата, а диктатура пролетариата означает смерть, полную гибель, уничтожение мелкобуржуазной партии меньшевиков. Ведь если они чем еще живы, то нашими недостатками.

Вот почему они выступают против устроенного «Правдой» конкурса красных директоров. Они распространяют листовки против этого конкурса. Что их тревожит? Они видят, как этот конкурс расшевелил рабочую массу, как заставил он рабочих интересоваться производством. Конкурс втягивает *всех* рабочих в обсуждение не своего только личного положения, а положения всего предприятия, всего производства, заставляет их проверять, учитывать, сравнивать, сопоставлять все «за» и «против». Конечно, это воспитывает в рабочем сознание ответственности за *свое* производство, заставляет его думать о поднятии его: ведь идет смотр не только работе директоров, но и работе всех рабочих, всего предприятия в целом. Это заставляет подтягиваться, выравниваться, *стараться* об улучшении, о поднятии производительности.

Вот в этом-то и смерть меньшевиков. Они кричат: поднятие производительности! Не смейте поднимать производительность! Ведь вы работаете в Советской стране! Вот другое дело — в Германии, Франции, Англии и других капиталистических странах: там Мартовы и Абрамовичи и их друзья готовы одобрить и увеличение рабочего дня и другие меры к восстановлению капиталистического хозяйства! Листовка меньшевиков возмущается: «В одной из корреспонденций «Правда» откровенно пишет, что самый хороший директор тот, который так или иначе наладил производство». Это приводит в священный ужас российских меньшевиков. Иудиным поцелуем целуют они тех товарищей, которые выступили против т. Горового, директора бывш. Цинделевской мануфактуры, и клевещут, клевещут по пословице: «Клевещите, господа, что-нибудь от вашей клеветы, глядишь, и прилипнет».

В заключение они предлагают рецепт: «не восстановление хозяйства, не увеличение производительности, не укрепление Советской республики, кровью рабочего класса», отвоеванной у всех врагов пролетариата, в том числе и меньшевиков, а за демократическую республику советуют они рабочим бороться, ибо, пишут

они, в демократических республиках нет произвола. Бесстыдные лгуны, жалкие, прогоревшие политиканы, они втирают очки рабочим насчет прелестей демократических республик Германии, Франции, Польши и других, где железная пята капитала стоит еще твердой ногой на груди поверженного рабочего класса.

Берегитесь, господа! Вы — за развал хозяйства, вы за полное восстановление капитала. Не пеняйте, если Советское государство будет обращаться с вами как с злейшими врагами рабочего класса, если рабочие извергнуть вас до последнего из своей среды, как сорную траву, худую траву из поля.

„Правда“ № 4 от 6 января 1923 г.

КРАХ ЕЩЕ ОДНОЙ АВАНТЮРЫ

Опубликованное у нас вчера заявление «Комитета независимости Грузии», в который входили представители меньшевиков, эсеров и грузинских кадетов (национал-демократов), проливает яркий свет на то, что произошло в Грузии. Из этого воззвания совершенно ясно, что восстание подготовлялось в течение нескольких лет, что на средства буржуазии с помощью английского и французского правительства велась эта подготовка, что террористические акты и бандитские нападения совершались с ведома этого «Комитета независимости Грузии».

Теперь для нас совершенно ясно, что если этот комитет был «независим», то он был независим прежде всего *от грузинского народа. Грузинский народ, рабочие и крестьяне Грузии оказались не на стороне князя Андронникова и других князей, составлявших душу этого движения.* Комитет признает:

«Массовое организованное выступление, которого мы ожидали, не состоялось. Широкие народные массы нас не поддержали. Мы остались только с теми активными силами, которые были набраны в верхних слоях нации и большею частью скрывались в лесах».

Смеет ли кто-нибудь сказать сейчас, что это выступление, которое сами члены паритетного «Комитета независимости» называют теперь авантюрой, было восстанием грузинского народа? Посмеют ли и теперь эти господа выдавать выступления тех отрядов, которые они набрали из князьков, помещиков и других подобных элементов, национальным выступлением? Можно ли еще

сильнее признать моральное поражение и политический крах этого безумного дела? О, да! Господа Ной Жордания, Чхенкели и другие будут и теперь утверждать за границей, что это было народное восстание, они найдут и защиту у тех, кто их субсидировал, кто подстрекал их на это восстание, кто обрушил на голову грузинского народа это величайшее несчастье. Ведь имеет же наглость французский министр Эррио заявить на заседании Лиги нации: «Из России доносятся к нам слова насилия, но только восстановлением свободы и возвращением к нормальной жизни можно бороться против самых страшных эксцессов. Мы, находящиеся в лоне Лиги наций, так же враждебно относимся к гражданской войне, как и к войне между государствами». Это заявляют люди, которые непосредственно виновны в пролитии потоков рабочей крови во всех странах мира, которые угрожают на каждом шагу миру, которые являются виновниками гражданской войны и новых, самых страшных, самых кровопролитных войн между государствами, которые мешали всеми средствами и силами «возвращению к нормальной жизни» в нашей стране.

Как неделю тому назад процесс Савинкова вскрыл перед нами некоторые еще не совсем ясные страницы насилий, которые совершали по отношению к нам Франция, Чехо-Словакия, Англия, Польша и другие страны, так авантюра грузинской буржуазии, руководимая меньшевиками, ярко осветила роль в этом деле таких государств, как Франция и Англия. Именно в этих государствах повстанческий комитет стремится создать «соответствующие условия для получения помощи». Мы уверены, что в ближайшее время мы сумеем документально расшифровать, в чем выражалась эта помощь, и тогда никакие Эррио никакими сладкими речами о мире и о своем отвращении к насилию не смогут уже скрыть тех тайных пружин, которые двигали князем Андронниковым и другими в Грузии, у которых между прочим при аресте (о конечно совершенно случайно!) обнаружено несколько тысяч французских золотых франков.

«Комитет независимости Грузии» предлагает всем входящим в него партиям и всем вооруженным отрядам, которые рассеяны по разным уголкам Грузии, в их числе отрядам Какуца Чолокашвили (знаменитые на Кавказе чолокаевские банды, которые занимались ограблениями и убийствами в течение всех этих лет), немедленно отказаться от выступления против правительства, распустить всецело все вооруженные силы, сдать правительственным органам все оружие и покорностью правительству постараться уменьшить то величайшее несчастье, которое наше высту-

пление обрушило на голову грузинского народа». Это заявление паритетного комитета конечно очень значительно. Оно показало народным массам, куда ведут подобные авантюры, *кто ими руководит*, а с другой стороны, оно показало тем, кто искренне заблуждался насчет отношения грузинских народных масс к советской власти, что *грузинские народные массы за советскую власть, что грузинские рабочие и крестьяне против князей Андронниковых, против меньшевиков и эсеров и национал-демократов, зовущих грузинский народ к созданию государства, которое находилось бы в прямом подчинении у англо-французского капитала.*

Нет никакого сомнения в том, что надежды на это восстание у Западной Европы были. Недаром генеральный консул Италии в Закавказьи гр. Даманиа телеграфировал итальянскому посольству в Москву и затем в Константинополь о ничтожности выступления меньшевиков, о том, что порядок везде восстановлен, что народное настроение всецело против этой авантюры, ибо он предвидел, что в западноевропейской печати могут появиться «неправильные и преувеличенные сведения об этом выступлении». Но какие бы сведения ни появились теперь в западноевропейской печати, *после* заявления паритетного комитета кто же им поверит, кроме прожженных мошенников, кроме тех, которые, заметая следы своего участия в этой авантюре, будут благочестиво повторять за гражданином Эррио: «Мы, находящиеся в лоне Лиги наций, так же враждебно относимся к гражданской войне, как и к войне между государствами».

И мы уверены, что если в самый момент восстания правительство Грузинской советской социалистической республики вынуждено было принять крайние меры, на удар отвечая ударом, оно найдет соответствующий язык по отношению к тем обманутым меньшевиками и князьями Андронниковыми, кто искренне придет сейчас из враждебного лагеря с раскаянием, с желанием загладить свои преступления перед грузинским народом, ибо как бы ни были велики их преступления против трудящихся Грузии, советская власть была и остается чуждой мести, хотя бы вся эта авантюра в Грузии была предпринята по прямому приказу из миролюбивой «Лиги наций».

Надо еще отметить, что авантюра была ликвидирована не Красной армией, а отрядами рабочих и крестьян. Советская власть в Грузии вновь и вновь доказала свою жизненность как огромная моральная сила, к которой с доверием относятся трудовые массы Грузии, и как прочная классовая организация, выражающая волю и защищающая интересы этих масс.

„Правда“ № 203 от 7 сентября 1924 г.

СВЕРГНУВ МЕНЬШЕВИКОВ

Десятилетие советизации Грузии во весь рост ставит перед рабочим классом всего мира вопрос о двух системах государства: советского, представляющего тип *рабочего* государства, во главе которого стоит рабочий класс, строящий социализм; и буржуазно-демократического, представляющего собой плохо или совсем неприкрытую диктатуру буржуазии, огнем и мечом отстаивающую свое право на неограниченную эксплоатацию рабочего класса и широких трудящихся масс.

Десятилетия и столетия господства капитализма в различных странах создали такие глубочайшие социальные противоречия, которые могут быть разрешены только гибелью, только смертью капиталистического строя. Но в капиталистических странах соотношение сил еще таково, что рабочий класс еще *только готовится* к свержению класса капиталистов в обстановке все большего и большего угнетения, ужасающей безработицы, голода, нищеты миллионов рабочих и работниц и их детей, в обстановке массового разорения мелких крестьянских собственников, в обстановке все более и более усиливающегося белого террора, в обстановке развала всей капиталистической системы хозяйства.

И только одно десятилетие существует Советская Грузия в системе СССР, причем не было почти ни одного года спокойного, когда бы угрозы интервенции империалистов не висели над Страной советов. Только одно десятилетие существует Советская Грузия после того как изгнаны были меньшевики, апологеты буржуазной диктатуры, ее агенты, лакеи, певцы и оруженосцы. Но эти 10 лет существования Советской Грузии привлекают к ней симпатии миллионов трудящихся во всем мире.

Еще летом 1917 г. грузинские меньшевики участвовали во Временном правительстве Керенского вместе с капиталистами и помещиками в попытках разгромить нашу партию, разгромить подымающуюся пролетарскую революцию. Они звали контрреволюционные войска против революционного Петрограда, они громили наши типографии, расстреливали рабочих на улицах столицы. Ленин писал о них тогда: «Они связанные люди. Они на дне ямы». Ленин писал о меньшевиках и эсерах, что их коалиция с кадетами, с империалистами «сваливает эсеров и меньшевиков в яму контрреволюции». Из этой ямы они не в силах выбраться и до сих пор, они *никогда* из нее уже не выберутся.

Грузия — не дворянская, не кулацкая, не меньшевистская Грузия торгашей, духанщиков, а Советская Грузия рабочих и кре-

стьян, — Грузия широких трудящихся масс помнит господство меньшевиков. Она помнит союз меньшевиков с генеральской контрреволюцией, поддержку меньшевиками добровольческой армии Деникина и других генералов; она помнит подчинение меньшевиков диктатуре империалистов и их кровавые дела, когда горели зажженные карательными экспедициями грузинские деревни. Тогда меньшевики готовы были итти в союзе с кем угодно, только бы сохранить свою власть. Восстание рабочих Грузии, восстание трудящихся Грузии вымело эту банду империалистических лакеев. 10 лет Ной Жордания и его соратники околачивают передние империалистов и злобно клевещут на Советскую Грузию, на СССР. Они открыто высказываются за интервенцию, они готовы оказать помощь интервентам, вернее сказать, они *добиваются* помощи от интервентов. Потоками крови залили бы они Советскую Грузию, за одно десятилетие сделавшую для развития народного хозяйства больше, чем за все время до пролетарской революции.

Меньшевикам — как грузинским, так и русским — не удастся теперь замазать факт их участия в планах интервенции, как бы ни старались Абрамовичи и Даны и их маститый учитель, контрреволюционер Карл Каутский. Еще недавно этот ренегат писал в своей последней книжке «Большевизм в тупике», что «о военной интервенции в России, несомненно, не думает ни одна великая держава; вероятно не думает о ней даже и Польша» (стр 134). А мы знаем теперь доподлинно, документально о том, что меньшевики принимали деятельное участие в подготовке интервенции, как они принимают сейчас самое деятельное участие во всех контрреволюционных кампаниях, в том числе и в последней кампании империалистов по поводу «советского демпинга».

Десять лет существования Советской Грузии — это 10 лет гигантского развития национальной культуры Грузии под руководством грузинского народа, под руководством пролетариата, вкладывающего в эту культуру свое пролетарское социалистическое содержание. Это — 10 лет социалистического строительства, преодолевающего гигантские трудности; это — 10 лет выхода Советской Грузии на широкий простор индустриализации; это — 10 лет труднейшей социалистической переделки мелкого и мельчайшего крестьянского хозяйства; это — 10 лет укрепления союза народов трудящихся на территории Советской Грузии и всего СССР.

История уже произнесла свой приговор над теми, кто претендовал на руководство Грузией до ее советизации. Этот приговор обрекает меньшевиков на роль жалких лакеев империализма. Все

дальше и дальше катятся они в пропасть, в которую свалились в период борьбы пролетариата за социализм с самого начала пролетарской революции. Десятилетие советизации Грузии совпадает с событиями, когда во всем мире, как и в СССР, меньшевики будут до конца разоблачены перед массами в этой роли прислужников, лакеев буржуазии, в роли участников подготовки интервенции против СССР.

А Советская Грузия, как и Советский союз, уверенно идет вперед к полной победе социализма. Мы успешно выполняем грандиозный план пятилетки, завершая в этом году построение фундамента социалистической экономики. Под руководством коммунистической партии большевиков Страна советов преодолевает трудности роста, и миллионы пролетариев движутся вместе с десятками миллионов крестьян, прочно ставших на сторону социализма, вперед, к победе социализма в СССР и во всем мире.

„Правда" № 55 от 25 февраля 1931 г.

БОЛЬШЕВИКИ и МЕНЬШЕВИКИ

Процесс меньшевиков подводит четкую итоговую черту борьбы, которая ведется на протяжении более чем двух десятков лет между большевиками и меньшевиками не только в нашей стране. Позорнейший конец меньшевизма вовсе не является случайностью или ошибкой нескольких десятков меньшевиков, запутавшихся в собственных противоречиях. Нет. Это — завершение той борьбы, которую меньшевики вели под флагом социал-демократии с первых шагов возникновения социал-демократической организации, когда они стали на путь «тактики предательства революции, превращения пролетариата в жалкого прихвостня буржуазных классов», как характеризовал их в период первой революции В. И. Ленин.[1] Один из подсудимых на этом процессе Залкинд признавался во время следствия, что меньшевистская партия прошла путь от совместной работы с большевиками по борьбе за демократический строй России в начале XX в. до перехода к активной борьбе путем вредительства и капиталистической интервенции с единственным в мире пролетарским государством: *Путь этот предопределен был мелкобуржуазной социальной сущностью*

---

[1] *Ленин,* Соч., т. VIII, стр. 92.

меньшевизма, а последовательные его этапы представляют лишь закономерное развитие позиции мелкой буржуазии в период борьбы рабочего класса за окончательную победу социализма. И если с самого начала существования русской социал-демократии русские меньшевики-оппортунисты отличались от западноевропейских своеобразными особенностями, о которых в свое время писал Ленин, то это не помешало меньшевикам в период пролетарской диктатуры *полностью слиться с контрреволюционными меньшевиками из германской и других социал-демократических партий II Интернационала.*

Тогда, в период первой революции, меньшевики являлись родными братьями немецких бернштейнианцев, «они плелись беспомощно в хвосте событий, бросались от одной крайности в другую, принижали во всех случаях размах деятельности революционного пролетариата и веру в его силы, причем больше всего и чаще всего прикрывалось все это ссылкой на самодеятельность пролетариата» [1]. В период первой революции, когда шло резкое размежевание классов и партий, меньшевики пытались свести рабочий класс к роли орудия в руках буржуазии. «Как бы не отшатнулась буржуазия» — вот в чем была великая мудрость меньшевистской тактики в 1905 г. «Как бы не отшатнулась буржуазия» — этот заключительный аккорд последней их резолюции — проливает полный свет на вопрос о том, куда ведет партию их путь» [2]. Ленин предвидел в 1905 г., что *этот путь ведет к полному подчинению буржуазии, к предательству интересов рабочего класса.* Если монархическая буржуазия расхвалила тактику меньшевиков тогда, она имела все основания к тому, чтобы поддерживать меньшевиков, «ибо меньшевики были их агентурой в рабочем классе, в рабочем движении».

Гораздо позднее Ленин, характеризуя большевизм и меньшевизм в революции 1905 — 1907 гг., писал: «*в бурные 1905 — 1907 гг. меньшевизм был оппортунистическим течением, которое поддерживали либеральные буржуа и которое проводило либерально-буржуазные тенденции в рабочем движении. Приспособление борьбы рабочего класса к либерализму — в этом была его суть*» [3]. Но разве не в этом же историческая роль всех социалдемократических партий II Интернационала? Разве не в этом роль Макдональдов и Каутских и им подобных на протяжении десятков лет?

[1] *Ленин,* Соч., т. VIII, стр. 108.
[2] *Там же,* стр. 102.
[3] *Ленин,* Соч., т. XVIII, стр. 219.

Известна роль меньшевиков в период реакции, когда они пытались ликвидировать партию, отрекались от борьбы за новую революцию в России. Это ликвидаторство «тысячами способов поддерживала, рекламировала и холила либеральная буржуазия России, желавшая отучить рабочих от революционной борьбы» [1].

Для молодого поколения законен вопрос: как могло случиться, что меньшевики, будучи агентурой буржуазии, в течение многих лет все же участвовали вместе с большевиками в социал-демократической партии? Этому поколению надо знать, во-первых, что большевизм вырос и окреп *в борьбе* с предательством, непоследовательностью, мелкобуржуазным оппортунизмом меньшевиков; во-вторых, надо знать то, что писал Ленин о неизбежности для рабочего класса любой страны беспощадной борьбы с мелкобуржуазными течениями в своей собственной среде. В своей статье «Из прошлого рабочей печати в России» Ленин писал: «Нигде в мире пролетарское движение не рождалось и не могло развиться «сразу», в чисто классовом виде, явиться на свет готовым, как Минерва из головы Юпитера. Лишь долгой борьбой и тяжелым трудом самих передовых рабочих, всех сознательных рабочих, давалось выделение и упрочение пролетарского классового движения от всяческих мелкобуржуазных примесей, ограничений, узости, извращений» [2].

В период империалистической войны, когда большевики проповедывали рабочему классу, что есть только *одна* священная, справедливая война — это война рабочего класса против его поработителей, против его классового врага — капитализма, меньшевики во всех странах сделались «соучастниками бандитизма» (слова Ленина), соучастниками грабительских вождений империалистов. И эту свою роль прихвостней, агентов империализма меньшевики сыграли и в революции 1917 г. Всем известно их соучастие с министрами, капиталистами и помещиками в гнуснейшей империалистической бойне. Всем известно их соучастие в попытках рагромить большевистскую партию, разгромить пролетарскую революцию. Именно этот опыт дал основание Ленину сказать о них в 1918 г., что «вся история 15-летней борьбы большевиков с меньшевиками в России (1903 — 1917) доказывает, как доказывают это и три русских революции, что меньшевики в общем были безусловно неправы и что они были на деле агентами буржуазии в рабочем движении». И эта их роль — роль душителей пролетарской революции — опять-таки не яв-

[1] *Ленин,* соч., т XVIII, стр. 219.
[2] *Ленин,* Соч., т. XV, стр. 456.

ляется особенностью русских меньшевиков. Эту их роль выполнили в германской революции кровавая собака Носке, Цергибели, Гржезинские и другие палачи из среды германской социал-демократии: на их руках — кровь Карла Либкнехта и Розы Люксембург, кровь десятков тысяч рабочих, передовых пролетариев, погибших за эти годы. Разве не эту же роль сыграли австрийские, венгерские социал-демократы? Разве не являются «социалисты» из II Интернационала — пепэсовцы душителями пролетарской революции в Польше, английские лейбористы — душителями революции в Англии, в ее колониях и соучастниками кровавого подавления революции в Китае? Разве французские и иные «социалисты» из II Интернационала не являются душителями революции в Индо-Китае и во всех странах мира? Разве не все они вместе прокладывают дорогу фашизму? Разве есть более злые враги СССР, чем господа Грины и другие профсоюзные бюрократы из II Интернационала?

Для буржуазии крайне важно, чтобы существовала такая организация, как II Интернационал, прикрывающийся лозунгами об освобождении рабочего класса, иногда даже марксистской фразеологией, на знамени которого и до сих пор еще кощунственно красуются слова «Коммунистического манифеста»: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» В период пролетарской диктатуры меньшевистские партии нужны буржуазии во всех странах как *последний барьер*, который сдерживает десятилетиями накопленные гнев и возмущение рабочего класса. И пусть часть буржуазных газет делает вид, что происходящий в Москве процесс не касается буржуазии: мы прекрасно знаем, что за этим показным равнодушием скрывается величайшая тревога, как бы окончательно эти продувные шельмы из II Интернационала, все эти Абрамовичи и Каутские, и все эти играющие в «левую» оппозицию во II Интернационале Даны, как бы они не оказались разоблаченными во всей их мерзости, во всем их гнуснейшем предательстве!

Напрасно люди и людишки из II Интернационала пытаются сейчас «доказать», что они «всегда были» и что и теперь они «против» интервенции, «против» вредительства в Советском союзе: их разоблачают их же друзья. Мы знаем прямое участие в интервенции в нашей стране со стороны меньшевиков и на севере, и в Закавказье, и на юге — в Крыму, и на Украине, и в Сибири. Разве не писал Ной Жордания еще в 1920 г. в газете «Слово» от 16 января 1920 г.: «Запад или Восток — вот вопрос, который поставлен перед нами, и здесь колебания невозможны. . .» *«Наш путь ведет в Европу, путь России — в Азию. Знаю, враги скажут, что мы на стороне империалистов. Поэтому я здесь должен*

решительно заявить: предпочти империалистов Запада фанатикам Востока!»

И вот 11 лет прошло с тех пор, как написаны были эти гнусные ренегатские слова одного из вождей меньшевистской Грузии. Жизнь показала, куда ведут пути большевиков и пути меньшевиков. Все видят, что Ной Жордания был плохим пророком, когда пророчил, будто наш путь ведет... «в Азию». Нет, путь большевизма — это путь пролетарской революции *во всех странах*, это путь освобождения рабочего класса, овобождения трудящихся *во всем мире*. Измученные капиталистическим рабством, бесправием, беспощадной эксплоатацией, нищетой, сотни миллионов трудящихся Китая, Индии и других стран с каждым годом все больше и больше сознают, что *только путь большевизма* ведет их к освобождению. И десятки миллионов рабочего класса, еще недавно возлагавшие надежды на II Интернационал, убеждаются, что во всем мире меньшевики — их классовые враги, агенты буржуазии, виновники их бедствий. Они убеждаются, что выход из безработицы, освобождение от непосильного бремени милитаризма, от опасностей новых и новых империалистических войн, от обнищания, от фашизма — в том, чтобы стать на путь пролетарской революции, на путь, который испытан на протяжении 13 лет существования пролетарской диктатуры.

В этом — исторический смысл проверки, который имеет рабочий класс всего мира. Перед ним огромный опыт революций во всех странах. Он убеждается, что «в 1789 г. мелкие буржуа еще могли быть великими революционерами; в 1848 г. они были смешны и жалки; в 1917 г. они — отвратительные пособники, прямые лакеи и по их действительной роли — все равно, зовут ли их Черновыми, или Мартовыми, или Каутскими, Макдональдами и т. д.» *(Ленин)*. Он убеждается в том, что в 1931 г. II Интернационал, пойманный с поличным, изобличен как соучастник величайшего заговора против Республики советов, против пролетарской революции, против 160 млн. трудящихся Союза советов. В этом и состоит один из величайших политических уроков настоящего процесса. Там в деле Рамзина и других контрреволюционных вредителей из «промпартии» мы имели *одну* составную часть этого блока буржуазных партий и классов. Но Рамзиным и их прямым хозяевам — империалистам рабочий класс не стал бы доверять. За социал-демократами же в Западной Европе все еще есть часть рабочих. Буржуазии *выгодно* делать часть своего дела руками этой партии, которая грубо, цинично обманывала все эти годы рабочий класс, когда уверяла, что она «против» интервенции, что она «защищает» революцию, в то время

как она давала директивы Громанам, Сухановым, Иковым и Шерам участвовать во вредительстве и подготовить интервенцию.

Что может быть гнуснее такого конца меньшевистской партии?

Что может быть страшнее для II Интернационала той правды о меньшевиках, которую сейчас говорят о себе в Колонном зале Дома союзов члены «союзного бюро» ЦК РСДРП?

Что может быть убийственнее для меньшевистской партии характеристики, которую мы слышим в эти дни от самих социал-демократов?

Но этот процесс послужит уроком не только для тех рабочих, для тех демократических слоев, которые еще сохраняли доверие к социал-демократам. Этот процесс должен показать перед всей *нашей* партией, как оппортунисты в *нашей собственной среде* — троцкисты и правые — питают деятельность меньшевиков и других вредительских организаций, как они давали этим вредительским организациям «добавочные аргументы» для борьбы против пролетарской диктатуры, против нашей партии.

Процесс меньшевиков — это есть один из актов величайшей классовой борьбы. Нельзя думать, что социал-демократия исчезнет после разоблачений на этом процессе с лица земли. Разоблаченная, она еще более яростно будет бороться во всем мире против Страны советов. Люди из II Интернационала сейчас — это разозленные осы встревоженного осиного гнезда. Молодое поколение должно знать *весь* опыт нашей борьбы с меньшевизмом, ибо до конца пролетарской революции, до полной победы рабочего класса меньшевистские партии, очутившись теперь по одну сторону баррикады с классовым врагом пролетариата, будут той силой, против которой должна быть заострена борьба коммунистических партий во всех странах.

Наша задача — научить, как бороться с *этим* врагом. Для этого прежде всего надо хорошо *знать* врага. Происходящий теперь процесс меньшевиков дает нам возможность изучить этого врага в один из важнейших моментов пролетарской революции.

„Правда" № 64 от 6 марта 1931 г.

Подвиги правых эсеров

„ЖАЛЕЕТЕ КАМНИ, А НЕ ЖАЛЕЕТЕ ЛЮДЕЙ“

Многие из наших врагов сейчас играют на такой струне: большевики ни перед чем не останавливались, артиллерией разгромили здание городской думы, испортили стену Кремля и не пощадили кремлевских святынь. Особенно часто можно слышать именно этот упрек. И надо сказать правду, хотя истинно верующие и почитающие эти святыни возмущены глубоко, но они меньше злобствуют, чем те, кто пользуется этим фактом для своих политических целей, для целей борьбы с нами, партией революционных рабочих и крестьян. Когда к нам в совет приходили священники, когда Церковный собор посылал к нам послания о необходимости прекратить кровопролитие, *они признали наше бережное отношение к кремлевским зданиям.* Они не злобствовали даже тогда, когда говорили, что не простится никому оскорбление святынь. Быть может их тон, их поведение изменятся впоследствии, но сейчас надо сказать правду: вражды особенной мы с их стороны не почувствовали.

Другое дело — партия «комитета общественной опасности». Эта партия присоединила уже теперь свой голос к редким еще голосам темных людей, которые готовы вернуть времена черносотенства 1905 г. Изо дня в день чуть ли не в каждой статье они повторяют: «а, вы разрушили святыни». Берегитесь, господа, потому что народ узнает скоро правду, *кто* виновник разрушения «святынь», и все то возмущение, которое вы сейчас сеете в душах темных людей, оно целиком опрокинется на ваши головы. Нам не надо будет для этого писать много статей, нам не надо будет особенно много убеждать в этом население Москвы: у нас есть десятки тысяч агитаторов — солдат и рабочих, — которые лучше сумеют объяснить народу правду, чем ваши лживые и слезоточивые статьи, дышащие бессильною, беззубою злобою.

Когда вы ставили пулеметы на здании городской думы, *вы*

знали, что эти пулеметы будут поражать насмерть десятки и сотни неповинных людей. Юнкера, офицеры и белогвардейцы, которые были на вашей стороне — все это знают — не щадили никого — ни стариков, ни детей, ни сестер милосердия. Вы знали, что на эти пулеметы вам ответят. Вся беда ваша в том, что вы только *учли без хозяина,* вы надеялись на то, что господин Рябцев сумеет *сам* дать артиллерию: тогда вы стали бы громить районы, вы разрушили бы убогие жилища бедняков, вы растоптали бы все рабочее и солдатское население. Вы не жалели людей, вы радовались своим победам, когда буржуазные сынки создали себе крепости в частных домах и расстреливали оттуда прохожих.

Почему вы не подняли голос протеста, когда *юнкера первые открыли орудийный огонь по Кремлю?* Ведь это были *ваши* юнкера, ведь это была *ваша* армия? Почему вы преступно допустили совершиться этому вторжению в Кремль, эти расстрелы из пулеметов обезоруженных солдат 56-го полка, эти глумления и издевательства над пленниками — не только допустили, но сами их проявляли? Вы сеяли ветер — пожинайте бурю!

Юнкера вошли в Кремль, расстреляли солдат, поставили всюду на возвышениях пулеметы и бомбометы и на «святынях» поставили, о которых вы теперь плачете, лицемерные фарисеи, и оттуда вы стали расстреливать Москву. Вы — не дети. Вы знали, что борьба будет длиться до тех пор, пока хоть один юнкер останется в Москве, пока хоть один выстрел ваш может оттуда раздаться. Конечно *мы* могли бы тянуть беспримерную эту гражданскую войну еще день-два, взять вас голодом, отнять у вас не только свет и хлеб, но отнять и воду. Но каждый час борьбы стоит таких огромных жертв. Сами солдаты, само население *возмущалось нашей медлительностью, нашими колебаниями.* Все знают, сколько было в нашей среде колебаний, прежде чем мы решились обстрелять Кремль. Солдаты говорили нам возмущенно: «*Вы жалеете камни, а не жалеете людей*». Эти слова глубоко справедливы, они врезались мне в память на всю жизнь. И лицемерными кажутся мне теперь все эти вопли о порче того или иного памятника: *этими снарядами,* которые сделали пробоины в зданиях, *спасены тысячи жизней.* Здания будут реставрированы — не так уж значительны и разрушения — их быть может реставрируют как раз те, кто остался в живых *благодаря* этой мере, а жизни человеческие для нас важнее, чем камни.

В нашей собственной среде нашелся истерический интеллигент, который, не попытавшись даже установить точно истину, заверещал: «Не могу, не могу!»

Отряхивает прах от ног своих и отходит в сторону, умывая

руки. Мы знаем цену таким людям: они покидают нас каждый раз, когда особенно нужны силы, в минуты решительной борьбы они уходят от нас. Они революцию хотели бы видеть разодетой в светлые ризы, в перчатках хотели бы они совершить ее, не запачкав порохом свои холеные руки; самое важное для них, чтобы революция оставила нетронутыми все камни на мостовой; они с восторгом будут взирать на старинную монету времен Трояна, на глиняный кувшинчик, откопанный из тысячелетних гробниц, и равнодушно пройдут мимо тысяч могил только что убитых из пулеметов женщин и детей, лишь бы эти смерти сохранили им возможность наслаждаться искусством, наукой, предаваться мечтам и страстям. *Они жалеют камни, но не жалеют людей.*

Да, мы не в белых перчатках совершали революцию. Не в белоснежных ризах мы вышли из нее. Тяжелый труд, неимоверное напряжение сил потребовалось от нас. Мы были с народом в дни его борьбы, в дни, когда поражение сторожило его, мы остаемся с ним в дни его побед и всегда будем с народом. Мы жалеем больше людей, чем камни.

Товарищи солдаты, рабочие и крестьяне! Вы, живые свидетели нашей борьбы, вы, участники ее, идите по всем городам и селам, пишите всюду и скажите правду, и скажите вы этим лжецам и лицемерам:

«Вы жалеете камни, а не жалели людей».

„Социал-демократ“ № 202 от 20 (7) ноября 1917 г.

НОМЕР ТРЕТИЙ

Когда в Московскую городскую думу происходили летом выборы, многие неопытные люди отдавали свои голоса партии социалистов-революционеров, проходивших под № 3. Номер третий! Сколько надежд разбитых, сколько стыда и позора за этим № 3!

Это та самая партия, которая выдвинула и поддерживала знаменитого русского Бонапарта — Керенского. Это та самая партия, от лица которой министр Керенский кровью и железом угрожал расправиться с крестьянами за их революционное движение, и расправлялась посылкой карательных отрядов. Эта та самая партия, выдвинувшая министра Авксентьева, — Авксентьева, арестовывавшего земельные крестьянские комитеты за то, что те

«самовольно» переходили к запашке помещичьих полей. Это та самая партия, которая выдвинула Савинкова, наглого корниловца и реакционера, друга помещиков. Это та самая партия № 3, которая поддержала авантюру июньского наступления; это та самая партия, которая по требованию Корнилова и корниловцев восстановила смертную казнь; та самая партия, которая спустилась до союза с Калединым и калединцами.

Всякий, кто в Москве голосует за № 3, голосует за Руднева. Один из наших корреспондентов спрашивает: разве мы для того выбирали Руднева, чтобы он нас расстреливал? Всякий, кто голосует за № 3, голосует за Руднева. Он подает голос за белую гвардию, за юнкеров и офицеров, поднявших вооруженную руку на рабочих и солдат. Он голосует за поддержку реакции. Всякий, кто помогает победе № 3, помогает победе сторонников кровавой расправы с рабочими и крестьянами. Кто хочет такой кровавой расправы с рабочими и крестьянами, только тот подаст свой голос за № 3.

Но, скажут нам: ведь в списке № 3 не один господин Руднев, не одни правые эсеры, а есть и левые, интернационалисты, есть товарищ Биценко. Да, к сожалению и стыду для товарища Биценко, это так. Списки составлялись давно уже, когда еще не было такого глубокого разлада, раскола в среде эсеров.

Тогда левые эсеры считали для себя возможным выступать вместе в одном списке с Рудневым, хотя нам и тогда уже было ясно, что раскол между ними совершенно неизбежен.

За кого же будут теперь голосовать правые эсеры? Они заявили, что надо исключить левых из партии, и исключили их, считая их большевиками. «Голосуя за № 3, они голосуют за своих большевиков». Это для многих — вещь совершенно невозможная, и мы убеждены, что многие правые эсеры голоса свои отдадут кадетам, от которых они вовсе не так далеки по самой своей сущности.

Мы считаем однако, что левые социалисты-революционеры если они всерьез борются с Рудневым, тоже не могут голосовать за список № 3, ибо, голосуя за этот список, они, все равно несут ответственность за выбор Руднева и Рудневых. Это их дело, за кого они будут голосовать — партийное мужество должно им подсказать, насколько недопустимо хоть один голос отдать Рудневу, списку № 3.

„Социал-демократ“ № 219 от 30 (7) ноября 1917 г.

СОГЛАШЕНИЕ С КАЗАКАМИ ИЛИ БОРЬБА?

Нами получено письмо от товарища с юга. Товарищ пишет:

«Спешу уведомить, что я был на собраниях в Черкасском округе, в Ростове-на-Дону, Таганроге. Хотя на собрании и было много помещиков, но молодые казаки-фронтовики имели успех и сражались со своими стариками.

Молодые говорили: «зачем вы приняли Керенского и Савинкова в казачество? Эти люди хотели нас свести с Корниловым и направить нас против солдат, друг против друга. Но мы не пошли на это, потому что нам депутаты от советов и делегаты от всех частей выяснили все, и мы не пошли против солдат, а сказали, что мы пойдем с ними руку об руку. Мы сказали: долой капиталистов и начальников, которые не идут вместе с нами».

Старики жаловались, что хлеб, посылаемый ими на фронт и для крестьян, воруют спекулянты-капиталисты, куда-то сплавляют его. Они говорили: мы будем теперь отправлять хлеб под контролем, чтобы знать, куда он девался. А с капиталистами рассчитывайтесь сами, мы не знаем, что делать с ними.

Фронтовки-казаки на собрании заявили: мы идем с пролетариатом, долой войну и кровавую бойню! . .»

Мы привели это письмо читателям, чтобы легче было понять положение, в каком сейчас находится масса казачества.

В свое время соучастник Корнилова Каледин окопался на Дону и явился угрозой для революции. Он наложил уже свою тяжелую руку на жизнь революционных организаций юга, объявил военное положение, он затормозил и почти прекратил подвоз хлеба с юга России. К нам приезжали в эти дни с Кубани казаки и говорили, что вынуждены будут отправлять под вооруженной охраной хлебные грузы, направляемые в центральный промышленный район, так как эти грузы задерживаются Калединым. Там в южных губерниях, как и на Кубани, трудно достать аршин ткани, фабрики дают ткань в обмен на хлеб, а хлеб мешают подвозить калединцы.

Теперь все знают, кто укрепил Каледина: его укрепили Керенский, Савинков, Авксентьев и другие господа вместе с правитель-

ством капиталистов и помещиков. Сначала, в дни Корнилова и корниловщины, Керенский объявил Каледина под судом, а потом послал господина меньшевика Скобелева, и тот, расписавшись в получении публичной оплеухи, вернулся ни с чем; а через несколько времени Керенский и другие стали уже заискивать у Каледина, строить ему глазки и совершенно недвусмысленно искать опоры у казаков. Так что и отдание Каледина под суд и другие шаги Керенского были только комедией.

Под Гатчиной Керенский пытался опять использовать казаков с ген. Крымовым. Но на этот раз дело окончательно сорвалось. Казаки должны были капитулировать и отступиться от Керенского, трусливо бежавшего, и с этих пор казаки во внутренней борьбе в России отходят на задний план. Масса казачья, ознакомившись с декретами Совета народных комиссаров, видя, что новая власть не только не угрожает их положению, но станет на защиту казачьей массы против казачьей аристократии, против казачьей старшины, местами или занимает нейтралитет в борьбе, как это было в Москве, когда казаки вошли в договор с революционерами и вывели своих из Москвы, или даже присоединяются к революционным войскам.

Но Каледин и его войсковое правительство на Дону — это прямая, постоянная угроза революции. Каменноугольная промышленность приостанавливается, советы и другие организации разгоняются или живут под угрозой разгона. Хлебные грузы задерживаются, и под сердцем России рядом с ее промышленным и каменноугольным районами лежит подколодная змея, всегда готовая укусить.

Если Керенские и Савинковы могли так беззаботно оставить Каледина укрепляться и окапываться на Дону, то этого не может допустить Совет народных комиссаров. На силу заговорщиков против революции революционная власть отвечает другой силой, более могучей. Не скобелевскими речами можно уговорить царского ген. Каледина, а пушками с черноморских миноносцев. Эти миноносцы прибыли в Таганрог. С юга, с Кавказа, Краевой совет готов оказать поддержку силами революционной Кавказской армии, с Минского фронта, с фронта вообще двинутся силы, если они понадобятся. И север, голодающий по милости господ Калединых, тоже скажет свое боевое слово.

Но мы все же думаем, что, если нам приходится бороться с Каледиными, то нам не придется бороться с массой казачества. Мы убеждены в том, что эта масса поймет, в какую бездну толкает их казацкая старшина. Как казаки под Гатчиной арестовали 6 офицеров, выступавших против Совета народных комиссаров,

так и казаки на Дону должны будут избавиться от тех, кто сейчас толкает их в кровопролитный бой. Они не допустят до этого боя. Они поймут, что их направляют против партии, твердо решившей положить конец мировой бойне, сохранившей жизнь десятков тысяч казаков; матери, отцы и дети казачьи узнают же в конце концов, что партия рабочего класса возвращает им их сынов и отцов с поля битвы; они поймут, что, выступая против Совета народных комиссаров, они роют глубокую яму между собой и всем русским народом; они поймут, что в свободной России царству казацкой нагайки нет уже места, и будут рады тому, что избавляются от векового позора.

Вчера в «Русских ведомостях» напечатана была телеграмма из Таганрога, что достигнуто соглашение между казаками и прибывшими моряками.

Моряки обещаются отвести миноносцы, если только Каледин снимет военное положение, объявленное самовольно, если обеспечено будет существование демократических организаций. До этого они остаются.

Положение выяснилось. С Калединым и калединцами — борьба.

С казачеством, с массой его — соглашение. Если же Каледину удастся втянуть массы в борьбу, если ему удастся толкнуть их против революционной России — кровь невинно погибших на его голову и на головы всех, кто подталкивает на борьбу с рабочим классом, несущим освобождение и всему казачеству. Ибо власть свою пролетарско-крестьянское правительство, направив сейчас на прекращение 4-летней бойни, направит в ближайшее же время на то, чтобы освободить народ от чрезвычайного бремени военных налогов и существования огромной постоянной армии. На этом пути новая власть несет освобождение и казачеству от непосильной военной службы.

„Социал-демократ“ № 218 от 3 декабря (26 ноября) 1917 г.

ВОЙНА С НАРОДОМ

Генерал Каледин на Дону, Дутов на Урале, Корнилов, Деникин с ударниками, офицерами и юнкерами на путях к Дону, Рудневы с кадетами в Петрограде как штаб — вот опорные центры организованной контрреволюции.

Г. Канторович в газете «В глухую ночь» очерчивает этот круг более определенно:

«Теснейший блок меньшевиков, правых эсеров, кадетов, черносотенцев и калединцев» [1].

Но где же на севере армия, выполняющая веление этого блока, кто помогает на севере и на всем пространстве России активной южной армии калединцев и корниловцев?

Тот глубокий раскол, какой обнаружился с первых дней переворота между высшими и низшими чиновниками, между высшими и низшими городскими служащими, дает прямой ответ на это: контрреволюция, не имеющая никаких решительно опорных пунктов в рабочей массе, потерявшая всякое влияние в нашей армии, в ее революционных низах, оттолкнувшая от себя огромную часть крестьянства, расколовшая интеллигенцию на революционную и контрреволюционную части, — эта контрреволюция у нас опирается сейчас на высших и частью средних городских служащих. В то время как низшие городские служащие ни на один день не приостановили работ, наладился трамвай, освещают город, отапливают дома, дают воду, выпекают хлеб, работают на бойнях, на газовых и аммиачных заводах, высшие городские служащие и часть средних все время саботировали власть советов и вносили невероятный сумбур в жизнь не только Москвы, но и всей России, так как жизнь Москвы имеет огромное значение для провинции.

В свое время мы документально докажем, кто снабжал деньгами этих саботажников, этих забастовщиков против народа. Мы имеем данные, чтобы утверждать, что миллионные займы и добровольные миллионные пожертвования для этой забастовки идут из карманов кадетов-капиталистов, из карманов монархистов и контрреволюционеров из торгово-промышленного мира.

Мы не будем взывать к чувствам человеколюбия врачей, к профессиональному их долгу, к профессиональному долгу учителей и т. д. Это очевидно совершенно безнадежное дело, так как у многих из них это человеколюбие совершенно отсутствует и профессионального долга нет.

Мы обращаемся к массам народным и говорим им:

Трамвай не остановится, потому что этого не хотят рабочие. Они охраняют интересы города, не идя на подкуп московских толстосумов.

Водопровод будет работать не потому, что его исключили из предприятий, обязанных бастовать, а по той же самой причине:

[1] Цитирую по «Известиям ЦИК...» от 29 ноября.

господа инженеры не могут помешать рабочим выполнять свои обязанности, и рабочие не остановят своей работы.

Бойни не остановятся, так как и здесь рабочие обойдутся без господ высших служащих.

Пекарни будут работать, так как пекаря налаживают даже те пекарни, которые были господином Рудневым заброшены, и выпечка хлеба ни на одну минуту не остановится от того, что несколько десятков чиновников идут против народа.

Вы обещаете, господа высшие служащие, приостановить канализацию и ассенизацию. Бесстыдники! Разве вы когда-нибудь вывозили зловонные отбросы? Вы, зная, что всю эту черную работу по очищению вас от отбросов выполняют те рабочие, которые не на вашей стороне, угрожаете остановкой канализации и ассенизации. Вы конечно можете портить, вредить, но вы за это жестоко поплатитесь!

Газовые, аммиачные заводы будут работать опять-таки потому, что рабочие сумеют обойтись своими силами.

Чиновники будут пытаться портить, мешать работе, они за это жестоко поплатятся — можем их в этом уверить, поплатятся несмотря на защиту их Бурышкиными и др. Чиновники пытаются и теперь уже причинить всяческий вред, где только они могут. Обо всех их поступках мы будем печатать с указанием полного их имени, чтобы все знали, кто вредит народу.

Пусть попробуют господа преподаватели прекратить работу в школах: они ответят перед родителями и детьми, и им не поможет то обстоятельство, что их субсидируют торгово-промышленники. Мы надеемся, что народные школы будут работать.

И те учителя, которые забастовкою покажут, что они *не народные* учителя, будут пригвождены к позорному столбу.

Если же буржуазия, чьи дети главным образом учатся в гимназиях и других средних учебных заведениях, пожелает, чтобы школы закрылись, и тем лишит немногих бедняков этих школ возможности учиться, придется подумать об организации школ, где бы бедняки были избавлены от опеки саботажников и врагов революции. На собраниях, бывших до сих пор, уже достаточно обнаружилось, что учителей и учительниц почти насильно заставляют бастовать.

Посмотрим, удастся ли вам, господа контрреволюционеры, это насилие.

Врачи конечно из гуманности, из человеколюбия решили дать срок до 5 декабря.

Когда это было, чтоб они так поступали? Пресмыкались перед троном царя, эти звездоносцы, что получали ордена, чины, эти

статские, действительные статские советники, эти люди, что никогда не восставали против врагов народа, а только выносили умеренно либеральные резолюции на съездах. Больше того: врачи присутствовали при смертных казнях революционеров и давали свидетельства, что нас, революционеров, можно подвергать телесному наказанию, что наше сердце выдержит. Но против народной власти, против революции — они готовы обречь на смерть умирающих, оставить без помощи больных. Господа, ученые люди! Помните, что вы учились в правительственных учебных заведениях, которые содержались на средства голодного, нищего народа!! Помните, что с народа, с рабочих, с солдат и крестьян, против которых вы теперь идете, брали последний грош, чтобы вы могли учиться на эти народные деньги и получить дипломы. Вы теперь платите этому народу черной неблагодарностью, черной изменой. Народ вам не простит этого. Мы сумеем объяснить народу, кто виновник его страданий. С 5 декабря вы покидаете работу в больницах, родильных домах и приютах, амбулаториях, госпиталях и лазаретах, богадельнях, приютах, городских аптеках, аптекарских складах. Мы уверены в том, что не все продались капиталистам, и не все станут людоедами по отношению к родильницам, к больным.

Вам, родильницы и больные, мы говорим: на ваших страданиях, на ваших муках, на ваших слезах господа промышленники, обещая миллионную поддержку врачам и другим служащим городских лечебных предприятий, хотят вести свою борьбу с революцией, с Советом народных комиссаров, с Советом рабочих и солдатских депутатов, с Советом районных дум.

Вы дадите еще до 5 декабря достаточный отпор этим господам и призовете их к порядку, к исполнению их прямых обязанностей.

Мы убеждены, что эта угроза забастовки сорвется самым основательным образом. Пусть бастуют те, кому не стыдно получать субсидии от капиталистов. Пусть бастуют те, кто хочет на севере помочь южным контрреволюционерам — Калединым. Пусть бастуют те, кто враждебен народу.

Все честное, все, что не хочет причинить зла народу, на его страданиях строить свое благополучие — они должны решительно и бесповоротно отмежеваться и стать в ряды тех, кто сейчас, не покладая рук, работает вместе с народом.

Помните, господа саботажники, господа, бастующие против народа, борьба с вами будет непримиримая!

„Социал-демократ“ № 223 от 15 (2) декабря 1917 г.

„ЦАРЬ-ГОЛОД“

Под таким заголовком вышел к Рождеству номер газеты «Непериодическое издание центрального стачечного комитета городских служащих» (т. е. саботажников).

> «В мире есть царь,
> Этот царь беспощаден;
> Голод — названье ему».

Значит те самые саботажники, которые хотели общей забастовкой пекарен оставить бедняков без хлеба, слуги беспощадного царя-голода решили издавать газету. Те самые саботажники, что перестали учить детей пролетариев, забросили приюты, больницы, лазареты, предоставив больным умирать без медицинской помощи; те самые саботажники, что хотели приостановить трамваи, работу канализации, ассенизации, боен, газовых заводов, потушить электричество, испортить водопровод, — обзавелись своей газетой. Им не удалась их затея — сломить силы революции; Бурышкины может быть не так уже щедры стали теперь, и надо воздействовать на массу людей, втянутых в это преступное дело, людей, которым грозит голод из-за саботажа, и воздействовать не только рублем, но и словом. И вот выступили знакомые нам лица: гг. Коварский и Минор, соратники Руднева по части расстрела рабочих и солдат, и бывший министр Никитин.

Начинают они очень тонко: «В общество начинают проникать тревожные слухи о близком наступлении голода, но мы не хотим этому верить».

Так запевает передовик «Царь-голода».

Но это только для вида он не хочет верить. А дальше он не только верит этому, он нас всех уверяет в том, что близко *наступление* голода.

Но что же случилось? Что изменилось? Мы «теперь получаем некоторые нормированные продукты. . . в общей сложности около $^{2}/_{3}$ фунта питательных веществ в день на взрослого человека вместо $2^{1}/_{2}$ ф., потребных ему в нормальное время». Автор умалчивает о том, что $^{1}/_{2}$ и $^{1}/_{4}$ ф. хлеба — эта норма бывала и *прежде*. Но с какого же времени введены эти нормы? Всякий потреби-

тель знает, что и 2 месяца тому назад, когда гг. Коварские и Миноры распоряжались городским хозяйством, крупы не было, яиц не было, мяса и масла не было; и надо это прямо сказать, что *голодные нормы* у нас существуют уже давно и все время шли под гору. Но слуги «Царя-голода» делают вид, что эти голодные нормы установились только *теперь*, с переходом хозяйства к советам. Например они говорят: «Картофель вместо прежних 30 коп. за пуд стоит теперь 40 коп. за фунт». Но когда же картофель стоил 30 коп. за пуд? Ведь это было до войны. А при царстве Коварских и Рудневых, уже в августе и сентябре, картофель стоил 10 руб. мера, т. е. 25 коп за фунт, в то время когда его легко можно было привозить из деревни.

То же и с жилищным вопросом. Все знают, что рудневско-коварско-минорская дума ровно ничего не сделала для того, чтобы обеспечить бедняков жилищами. И все знают, что теперь районные советы и районные думы все-таки облегчили жилищную нужду. Все знают о решении совета передать городу все дома, и всякий знает, что теперь легче и доступнее можно найти свободную квартиру, комнату и угол, чем при Рудневых и Коварских.

А с топливом? Все помнят, как еще с весны стали закрывать фабрики из-за недостатка топлива, что еще в прошлом году нехватало дров для бедняков. А господа саботажники делают вид и лгут, что у города были заготовлены склады топлива и теперь эти склады «преступно расхищены». Господа клеветники! Кем же расхищены эти склады? Ведь распущенная дума не заготовила ни дров, ни угля, ни нефти и именно потому вынуждена была сократить трамвайное движение, электричество. Это все знают, но разве «Царь-голод» и его слуги когда-нибудь стыдились?!

Что же и кто причиною голода? Мы знаем, что при самой идеальной организации продовольствия голод царит в Австрии и Германии. Голод в Швеции, в Финляндии, в Италии. Начинает ощущаться голод во Франции и Англии, даже в Америке вводятся ограничения в питании. Румыния буквально вымирает от голода.

И все знают, что причиною тому — война, подлая, преступная бойня, затеянная на 4 года господами, которым верно и честно служат Коварские, Миноры и Кусковы — оборонцы. И, бесстыдники, они заявляют: «Голодать будут города, фабрично-заводские поселки, ввозящие хлеб губернии, армия. *И не потому, что неурожай охватил значительную часть России, не потому, что нас изнурила война, и не потому, что мало железных дорог... Голод нас постиг исключительно потому, что Россия охвачена «болезнью*

большевизма» [1]. Только бесчестные люди могут так лгать перед народом, стараясь свалить на большевиков вину за продовольственную разруху, вызванную прежде всего войною, затем действительно неурожаем и разрушением наших железных дорог и наконец тем союзом, какой сейчас заключили между собою калединцы всех цветов, чтобы сдавить горло рабочему классу костлявой рукою «царя-голода».

Ах, тоскует А. М. Никитин, хоть бы царь Александр III вернулся, при нем нам было лучше!

Плачет и тоскует Коварский.

Есть о чем тосковать, есть о чем плакать ему! большевики нанесли удар «по нашим (гг. Коварских, Миноров и Кусковых) моральным и политическим ценностям», добив «веру в высшие ценности существования, в великие идеалы, которыми живет человечество».

Моральные и политические ценности партии, опустившейся до *продажи* американским миллиардерам крестьянских требований и народных интересов, оставившей в своих рядах гражданина Керенского, вскормившей бравого нагаечника Савинкова, исключившей из партии Марию Спиридонову и всю левую фракцию, ищущей союза с казачьими генералами и другими реакционными силами, продающей рабочие интересы г. Бурышкиным, — «почему же не брать деньги от Бурышкина и Рябушинского, раз они хотят нам помочь» (слова одного из саботажников на собрании). Да, *этим* вашим моральным и политическим ценностям большевики нанесли, казалось нам, смертельный удар. Но так они живут в вас — *эти* ценности, что вы только сильнее качнулись от удара вправо и стали еще омерзительней всякому социалисту, всякому революцинеру.

Вот и седобородый гражданин Минор руку приложил к работе царя-голода. Он также уверяет, что царь-голод был коронован в Смольном, что он родился только теперь. Как тщательно были заложены у этих господ уши раньше, до Октябрьской революции, что они тогда и не слышали стонов голодной России и только сейчас услышали они голодных, когда сами помогают этому «царю» убивать бедняков, расстраивая как только могут весь продовольственный аппарат и добивши вместе с юнкерами и белогвардейцами тех, кого пощадил царь-голод.

Вот и стыдливая царевна из газеты «Власть народа» — Ек. Кускова. Там, в этой газете, борющейся все время против власти народа, стыдливая царевна жалуется, что все ругательства уже

[1] *А. М. Никитин,* Два голода.

исчерпаны против большевиков: узурпаторы, захватчики, бесчестные, нечестные, «типы», преступники, даже сволочью называют большевиков ее тонко и изящно воспитанные друзья, — а не помогает. Да и не поможет, говорит она. Но кто же поможет? И она утешается тем, что большевики погибнут сами через месяц, самое большее — два. Это будет тогда, когда придет царь-голод.

И вот они все чувствуют, «что время его приближается». Но, господа, помните, что это — плагиат, что раньше вас, раньше Миноров, Коварских, Кусковых и др. высказали эту надежду ваши менторы и покровители — Бурышкины и Рябушинские, когда они мечтали о костлявой руке голода. Но они не краснобаи, а люди дела. Они вам поручили саботажем подготовить почву для царя-голода, они — в числе тех «граждан широкого сердца» Москвы, к которой вы теперь снова обращаетесь за денежной помощью. И все знают, что *ваше* дело, дело борьбы с большевизмом, делают теперь Корнилов, Деникин, Каледин, Эрдели, Алексеев, Савинков и другие генералы на Дону. Туда стекаются остатки обманутых вами юнкеров, туда стекаются отряды офицеров, мечтающих на конце сабли и казацкой нагайки восстановить свои привилегии и свое положение. И посмотрите — оттуда тянутся уже тысячи костлявых рук этих военных людей к горлу рабочего класса; оттуда тянутся пухлые руки, жирные руки Родзянки и других помещиков, мечтающих — если не о сохранении помещичьего землевладения, то о выкупе за земли, и тянутся тысячи изящных холеных рук и ручек, потревоженных в своем беспечном существовании.

Да, мы видим ясно все опасности, какими грозит ваша работа. Вам казалось, — и многие в это верили, — что народ у власти — калиф на час. Вы все время усиленно тянули к союзу с буржуазией, вы и теперь мечтаете о возвращении буржуазии к власти. Вы плохо скрываете, что тревога за возможность продолжать борьбу с народной властью овладевает вами, что дело ваше проиграно. Ибо сквозь муки голода, сквозь ненависть всех врагов социалистической революции рабочий класс идет прежней дорогой, он, даже безработный, не поддается на слезливые и лицемерные сетования ваши. Ибо он знает уже, что выход для него, избавление и от голода, и от безработицы, и от Калединых, и от Коварских, только в одном — в социализме. И борьба за социализм — вот чем будет наполнен наступающий новый год. Помните это, помещики и слуги царя-голода.

„Социал-демократ“ № 244 от 19 января 1918 г. (28 декабря 1917 г.).

МОГИЛЕВСКИЕ ЦИММЕРВАЛЬДИСТЫ

Гражданин Чернов в Учредительном собрании первый жест свой, первое движение своего социалистического сердца направил влево, в сторону международного социализма. Он заявил, что *в Циммервальде* впервые прозвучал мужественный голос протеста социалистов всех стран против войны.

При слове Циммервальд вся левая встретила речь Чернова насмешками, только незначительная часть правой — жидкими аплодисментами. Разве не насмешкой было самое упоминание Циммервальда в устах Чернова, так много потрудившегося над поруганием самой идеи международного социализма своим участием в коалиции, своим одобрением наступления, своим «воздержанием» тогда, когда он с другими министрами-«социалистами» и капиталистами решал вопрос о смертной казни для солдат на фронте!? Вот почему среди насмешек были и крики негодования, ибо только негодование вызвало его лицемерное упоминание Циммервальда. *«В Могилеве ваш Циммервальд, в Могилеве»!* — этими словами мы напомнили гражданину Чернову о том, как он, в ноябре 1917 г., попытался созвать в Могилеве противников, врагов рабоче-крестьянской социалистической революции, как он в контрреволюционной ставке устраивал свой «Циммервальд» в союзе с самыми заклятыми врагами не только социалистической революции, но и демократического строя вообще.

Да, на скамьях его собственной партии при упоминании Циммервальда раздались жидкие аплодисменты и многие из его единомышленников угрюмо молчали при его декламации. Мне говорили потом некоторые из правых эсеров: «Словно *сваха*, Чернов хотел угодить и направо и налево». Только скверной он оказался свахой. Рудневы, Керенские и другие оборонцы ни в какой мере не могли сочувствовать даже самому слову «Циммервальд», с этим словом у них связаны в памяти ненавистные имена, против которых у них были готовы клевета, бесстыдные процессы, корниловщина, вызовы «диких дивизий», организация белогвардейских, юнкерских и офицерских восстаний.

Вот почему они вынуждены были и в своей газете в то же время (в газете Виктора Чернова, могилевского «циммервальдиста») *вычеркнуть самое упоминание Циммервальда.*

Под видом стенографического отчета в № 4 от 7 января «Дело народа» преподносит самый грубый обман, самую бесстыдную подтасовку речи Чернова, вычеркивая даже упоминание имени «Циммервальда». В передаче «Дела народа» речь могилевского «циммервальдиста» звучит так: «Против войны прозвучал мужественный голос протеста социалистов всех стран. *(Шум.) Там* (выделено нами. — *Е. Я.)* социалисты борющихся лагерей поверх войны подали друг другу братскую руку».

Где же это там? Господа фальшивомонетчики из «Дела народа», почему у вас такая стыдливость, почему не смеете сказать — в Циммервальде? Не потому ли, что давно уже вы стали ближе к контрреволюционной ноябрьской ставке в Могилеве, где вы собирались бороться против партии революционного социализма, *против Циммервальда* в союзе с буржуазией?

Да, вы могилевские циммервальдисты. Вы бесстыдно прикрываетесь международным плащом в Учредительном собрании и сбрасываете этот плащ, как только вам надо говорить перед *своей аудиторией.*

Вы отказались признать декрет Совета народных комиссаров о мире, декрет, который положил конец бойне на нашем фронте, который убивает день за днем эту бойню на всех фронтах; вы пытаетесь теперь сорвать значение мирных переговоров, которые открывают перед всеми единственный путь к миру. Все это только лишний раз подтверждает, насколько вам чужд мужественный голос Циммервальда против войны.

И после того как третий месяц длящиеся мирные переговоры дали полную возможность «союзным державам» и правительствам их выявить свое отношение к нашим предложениям немедленно осуществить международный демократический мир, — что же вы делаете, «сожалея» о тех шагах, которые предприняла советская власть? Вы заявляете, что «стремление народов России к прекращению губительной войны встретит единодушный отклик в народах и *правительствах союзных государств*». Да, народы ненавидят эту бойню, но они не нашли еще прямых путей выразить эту свою ненависть к бойне в активных действиях. Но «правительства союзных государств»? Где у вас хоть малейшее доказательство их готовности вступить на путь мира? Ведь третий месяц они, эти правительства союзных держав, показывают нам, что они всеми мерами стремятся, не давая определенных ответов на предложение народных комиссаров, начать переговоры о мире. По отношению же к нашим товарищам циммервальдовцам они действуют так же, как германские империалисты.

„Социал-демократ“ № 6 от 24 (11) января 1918 г.

ЗАБАСТОВКА ВЫСШИХ СЛУЖАЩИХ

Целый ряд признаков указывает, что забастовка высших служащих подходит к концу. Господа рудневцы сделали крупный тактический промах. Слишком злы они были на октябрьско-ноябрьскую победу крестьян и рабочих. Слишком переоценили они техническое значение высших служащих для текущей работы. Им казалось, что по их слову в какую-нибудь пару недель вся жизнь остановится. И слишком преувеличенные надежды возложили они на денежную помощь капиталистов. Они не учли того обстоятельства, что капиталисты могли поддерживать бастующих и саботирующих лишь до тех пор, пока благоприятный для них конец представлялся им близким и пока можно было рассчитывать на скорое возвращение ссуд. Национализация банков нанесла забастовке новый удар, так как она подчинила строгому контролю расходование денег капиталистами. Так и случилось, что служащие, поверившие обещаниям гг. Рудневых, попали в ужасное положение. Третий месяц бастуют они, а некоторую денежную поддержку получили только в первом месяце.

В ноябре, вырабатывая план кампании против победивших крестьян и рабочих, господа рудневцы выражали надежду, что уже к половине декабря советская власть «обанкротится». Останется только нанести ей последний удар, и этот смертельный удар буржуазия и ее слуги приурочивали к грядущему Учредительному собранию. Ноябрьско-декабрьскую забастовку они называли чисто профессиональной, — и высшие служащие послушно повторяли за ними, что их забастовка отстаивает исключительно профессиональные интересы. Они уповали на то, что Учредительное собрание нанесет сокрушительные удары власти советов и, вознаградив добродетель бастующих, расправится с теми злодеями, которые остались с рабоче-крестьянскою властью в самое тяжелое для нее время. А на случай, если бы кто-нибудь посягнул на Учредительное собрание, служащие, следуя упованиям правых эсеров, обещали ответить новою забастовкой, которую они уже прямо признавали политической забастовкой. Перед этой забастовкой должно было померкнуть все, что мы видели в ноябре — декабре. Она должна была превратиться в грозный «девятый вал», который, одинаково охватив все слои населения

в городе и деревне, смоет «захватчиков» и через Учредительное собрание возвратит к власти коалицию буржуазии с соглашателями или хотя бы правых эсеров и других пособников буржуазии.

Великое раздражение заставило господ рудневцев поторопиться и совершить огромный тактический промах. За два месяца все силы и средства разных служащих были целиком израсходованы на их будто бы «профессиональную» забастовку. На ее продолжение под новым флагом политической забастовки сил не осталось.

И еще один промах совершили правые эсеры и стоящая за ними буржуазия — ошибку в учете соотношения сил. С большой легкостью устранили их от власти солдаты и красногвардейцы, рабочие и крестьяне в октябрьские дни. Но трудно им было примириться с той мыслью, что народ их разгадал и повернулся к ним спиною. От Учредительного собрания они ждали возмездия за пережитое ими. Они ждали, что за Учредительное собрание и против советов выступит вся страна — деревня и город, помещики и буржуазия, флот и армия, земцы и служащие, рабочие и крестьяне.

Они обманулись в своих ожиданиях. Широкие массы успели понять, что только в советах творится их воля, куется их будущее. Без этой широкой опоры оказалось Учредительное собрание.

С этого времени наступил перелом в настроении служащих. Они увидали, что больше им надеяться не на что и не на кого. Они увидали, что дальнейшая борьба бесполезна.

Так и случилось, что конец Учредительного собрания, который должен был вызвать мощный подъем забастовки служащих, на самом деле повел к ее быстрому разложению.

Из газетных сведений и еще больше из сообщений, пока не опубликованных, видно, что служащие земских и городских, государственных и банковских учреждений, средней и низшей школы были бы готовы немедленно ликвидировать забастовку. Кое-где она уже ликвидирована или быстро ликвидируется. Задержка происходит из-за того, что служащие, отступая, хотят сохранить вид непобежденной армии и пока выдвигают требования, которые, как и они сами знают, совершенно неприемлемы.

Как бы то ни было, окончание забастовки — вопрос близкого будущего.

Свидетельствуя об укреплении рабоче-крестьянской власти, развал забастовки в известной мере облегчит условия деятельности этой власти. Но ей необходимо все время соблюдать величайшую бдительность. Во многих случаях открытое сопротивле-

ние сменится скрытой борьбой, саботажем. Необходимо с самого начала поставить служащих, возвращающихся к работе, в условия, которые исключали бы возможность вреда с их стороны.

Особого внимания заслуживает положение школы. Великую отраву в детскую душу внесли учащие своей забастовкой. Не может быть доверия у детей и у родителей к этим учащим. Трудно представить себе, как могут наладиться здесь нормальные отношения и как рабочий класс и крестьянство могут доверить воспитание своих детей господам, обнаружившим такое пленение буржуазией.

„Социал-демократ" № 13 от 3 февраля (21 января) 1918 г.

СПАСИТЕЛИ РЕВОЛЮЦИИ

Когда Рудневы и рудневцы организовывали расстрелы рабочих в Москве и в других местах, действуя заодно с отрядами юнкеров, офицеров и белогвардейцев — они имели печальной памяти смелость говорить, что спасают общество. Но какое общество спасали руки тех наемников Каледина, которые теперь борются под командой Эрдели, Корнилова, Деникина, Алексеева, Каледина, правого эсера Савинкова и других — это все рабочие, все солдаты знают. Какое общество спасали саботажники, получавшие помощь от Рябушинского и Бурышкина — тоже всем ясно.

Когда американские дядюшки миллиардеры посылали правым эсерам деньги на то, чтобы они убеждали крестьян не трогать помещичьи земли, а эти господа брали их и писали хвалебные статьи архибуржуазному правительству капиталистов Америки, они, видите ли, «спасали» не только общество, но и революцию.

Когда они назначали наступление в июне месяце и клялись, что ни одна капля крови не прольется ради целей, чуждых свободе, они тоже, «спасали» революцию и даже полки, шедшие в бой за исполнение тайных договоров с иностранными капиталистами — даже эти полки они называли «революционными полками спасения раволюции».

Когда в июльские дни 1917 г. они называли вождей нашей партии немецкими шпионами, посадили тысячи в тюрьмы, вызвали дикую дивизию против питерских и московских рабочих — все это они «спасали» революцию.

Не все ли равно чьими руками?! Вчера это руки Церетели и Чернова, руки Бурцевых и Алексинских, сегодня — руки палачей Семеновых, Петлюр, Дениких, Савинковых, Корниловых.

И эти люди смеют теперь обращаться к вам, товарищи рабочие и солдаты, предлагая вам «послать в совет только последовательных социалистов, которые путем организованной борьбы укрепят завоевания раволюции и поведут вас по пути к социализму».

Это значит: пошлите в Совет Руднева, Керенского, Савинкова, Шубникова и др., запятнавших себя гнуснейшими преступлениями против социализма, против революции. Это они последовательные социалисты! Это они путем организованной борьбы, — борьбы с кем, с народом, с рабочими и крестьянами?! — поведут вас по пути к социализму.

Должно быть и Савинков по пути к социализму забрел на Дон? Должно быть и Керенский заблудился нечаянно и просил Каледина принять его? Должно быть путь к социализму правых эсеров лежит через разгром социализма, разгром советов, которые они пытались упразднить, против которых они шли все время, с тех пор как советы перестали быть говорильнями, а стали органами власти.

Да, товарищи, закончим мы словами право-эсеровского воззвания: спасайте революцию, ее судьба в ваших руках.

Но именно потому вы не должны выпускать этой судьбы из рук своих, именно во имя спасения революции вы на пушечный выстрел не должны подпускать к себе тех, кто только что гнал и гонят еще советы, этих саботажников, этих калединцев темных и явных, этих союзников панской рады, этих пайщиков Рябушинского, Коновалова и Смирнова, этих лицемеров, прикидывающихся сейчас спасителями революции.

Рабочие и солдаты могут проявить минуты усталости, разочарований, колебаний. Но они не дойдут до такого позора, чтобы в советах снова засели те, кто пытался сковать волю народа в интересах буржуазии всех стран. Там не должно быть места тем, кто в развертывающейся на Западе революции видит холопские «беспорядки».

„Социал-демократ“ № 22 от 12 февраля (30 января) 1918 г

КОГДА МЕРТВЫЕ ВОСКРЕСНУТ

Близость Вильгельма радует несказанно всех врагов социалистической революции. Если черная сотня обсуждает вопрос о том, кто будет на престоле — Михаил, Николай или кто-нибудь третий; если в рядах помещиков и капиталистов и просто стосковавшихся по твердой палке людей крепнет надежда на поддержку Вильгельма; если все эти господа сейчас злорадно оскалили свои пасти и говорят: вот немец придет и поможет нам свергнуть власть рабоче-крестьянского правительства, изничтожить большевиков, — то мы должны больше и внимательнее прислушиваться к тем партиям, которые так недавно были «властителями дум» крестьянских и обывательских масс.

Сейчас осмелели все враги наши. Осмелели и правые эсеры и меньшевики: им придает смелости германский штык — их невольный союзник. Как бы ни скрывали это наши противники, это проглядывает во всех их писаниях, речах, резолюциях. И для нас ясно, что они готовятся при содействии Леопольда Баварского укрепить свою власть. Они были мертвы, массы отвернулись от них. Их разбудили приближающиеся шаги армии империалистов, они спешат соединиться со своими собратьями из Украинской рады, борющейся под знаменами Австрии. Это не мешает им говорить о революционной обороне страны. Они знают, что всенародного Учредительного собрания не существует, что оно мертво, но они полагают вместе с меньшевиками, что революционная оборона будет организована этим мертвецом. Они стали «пораженцами» и полагают, что гибель власти советов, которой так добивается вместе с ними Леопольд Баварский, поможет им восстать из мертвых, воскреснуть.

И они ставят вопрос: когда восстать против большевиков с оружием в руках? На этот вопрос правые эсеры дают совершенно недвусмысленный ответ: такое восстание неизбежно и необходимо.

«Московский комитет партии социалистов-революционеров на совместном заседании с районными комитетами, фракциями совета Р. и С. Д., Городской думы, комитетов: военной, железнодорожной и студенческой организации постановил:

«Признать авантюрой вооруженное выступление против большевистской власти, покуда за последней есть поддержка части рабочего класса; таковое выступление признать неизбежным и необходимым в момент, когда завершится отход народных масс от большевиков и власть последних будет опираться исключительно на насилие»[1].

Когда же «завершится» этот отход? Где у вас, господа, мерка, позволяющая вам судить об отходе вообще и о степени его. Эта мерка — это для нас ясно — успех контрреволюции — вашей прямой союзницы.

Сейчас, в эти дни, происходит конференция фабрично-заводских комитетов. Кто там поддерживает вас и меньшевиков? Менее одной десятой доли съезда. Значит, ждете, когда девять десятых отойдут? Напрасно ждете — этого никогда не случится. Вы были свидетелями целого ряда рабочих и крестьянских съездов последних дней и знаете, что огромное большинство рабочих и трудовых крестьян — за нас. На ваших глазах происходит паление последних оплотов контрреволюции. Семиреченские, забайкальские, донские казаки, — даже они, в своих трудовых массах, — определили свое отношение к власти советов и поддерживают их. Это меньшевики и вы, прислушиваясь не к голосу трудящихся, а к голосу врагов трудящихся, думаете, что советы погибают от неудач на внешнем фронте, добившись успеха на внутреннем. Наш успех на внутреннем фронте означает именно не отход трудящихся от нас, а все более сознательную поддержку. В самые трудные минуты величайших бедствий рабочий класс чувствует, что мы — рабочая пролетарская партия, что наша гибель — это гибель надежд и завоеваний пролетариата.

И мы знаем, что вы готовитесь к вооруженному выступлению. Когда вы увидите, что можно использовать трудное положение, что вам близко подоспел на выручку Леопольд Баварский, вы объявите: рабочие массы отошли от большевиков, власть большевиков опирается «исключительно на насилие». Тогда под ваше знамя соберутся снова белогвардейцы, юнкера, офицеры, саботажники, защитники религиозного мракобесия — все алчущие гибели революции, и вы снова подымете бой в Москве.

Зачем же лицемерно требуете вы прекращения гражданской войны с нашей стороны? Пусть все видят, что скрывается за этим требованием меньшевиков и правых эсеров! *От нас требуют прекращения гражданской войны, а сами выносят решение, что вооруженное выступление против большевиков, т. е. против рабо-*

[1] «Труд» № 253 от 22 (9) февраля

чих и беднейших крестьян, надо «признать» неизбежным и необходимым. А раз это неизбежно и необходимо, значит вы готовитесь к нему, и об этом мы знаем также совершенно доподлинно. Ваше требование прекращения гражданской войны означает при этих условиях только одно: сложите оружие для того, чтобы мы могли вас задушить!

Кричите же громче: мертвецы, забитые в гроб рабочим классом, проснутся вам на помощь!

Ave Ceasar! Morituri te salutant!

Гряди, Леопольд Баварский, правые эсеры тебя приветствуют!

„Социал-демократ" № 31 от 23 (10) февраля 1918 г.

КАИНАМ РЕВОЛЮЦИИ

Нам доставлен «Листок социалиста-революционера» №1, изд. ЦК партии социалистов-революционеров. Наверху заголовок: «В борьбе обретешь ты право свое», внизу: «Вся власть Учредительному собранию».

Да, в борьбе с рабочими города и деревни, в борьбе со всей беднотою при помощи богатых правые социалисты-революционеры приобрели уже «право свое»: оно заключается в том, чтобы вместе с буржуазией, вместе с помещиком, вместе с англо-французскими наймитами расчищать дорогу царской монархии, помочь японцам и американцам, англичанам и французам ограбить полмира, а немцам развязать руки для ограбления другой половины мира. На это они уже приобрели право!

Те области, где они господствуют, где делят власть вместе с меньшевиками, с буржуазией, они называют «Свободной Россией».

Несчастная «свободная» Россия!

Оказывается, там «провозглашены все свободы». «На улицах митинги, газеты всех направлений. Настроение напоминает дни мартовской революции».

Отчего же самарские рабочие высказались за власть советов? Отчего же они отозвали своих представителей из соглашательских учреждений? Отчего же тысячи их до сих пор в тюрьме? Отчего в Уфе открытые протесты против Учредительного собрания? Отчего сами эсеры сознались, что в Сибири рабочие не признают новой власти? Отчего рабочие Омска заявляют, что не доверяют такой власти, что она не может управлять краем? Отчего они взывают к нашей помощи?

О, да! Там провозглашены все свободы. Можно свободно лишить жизни сотни и тысячи рабочих, и трупы их валялись неубранными на улицах Самары! Там выходят буржуазные газеты всех направлений и ни одной — пролетарской. Там можно устроить митинг, но только не революционному пролетариату.

Ликуйте, убийцы рабочего класса, ликуйте Каины русской революции!

«Все сказки о кадетах и Дутове — плод клеветы большевистских газет» — так пишут эсеры.

А несколькими строками выше *уличают сами себя и пишут:*

«Состав правительства не чисто социалистический». Какой же он, господа сторонники нагайки и пули, для пролетариев? Не чисто социалистический? Сказали бы уж прямо: совсем не социалистический! Значит, кто же они — не социалисты, октябристы, что ли? Или может быть черной сотни? Ведь вы сами себя бьете, лгуны вы бесстыдные! «Настроение напоминает дни мартовской революции». Чье настроение? Купцов, да. Помещиков, возвращающих земли? Да. Всех врагов трудящихся? Да.

А рабочих? А бедняков? Пойдите к тюрьмам, послушайте их стоны! Пойдите на биржу труда, где безработным отказывают в помощи. Пойдите к труженикам, которым не выплачивается жалование. Пойдите к труженикам, которым убавили жалованье. Ликуют они? Радуются?

Они клянут, проклинают день и час, когда слабостью своею посадили себе на шею чехо-словаков вместе с алексеевцами-эсерами.

Отвечать на все клеветы, на всю гнусную ложь, какую эсеры нагородили в своем листке? Это было бы ниже всякого достоинства.

Ведь теперь точно установлено, что эти господа *за деньги сфабриковали рукой шпионов те документы, на основании которых когда-то хотели обвинить большевиков.*

Им стыдиться чего-либо? Им останавливаться перед чем-нибудь?

Они дошли до последней грани. Чем ближе их союзники, несущие на острие штыка окровавленную корону Романовых, тем лицемернее кричат они: «Вся власть Учредительному собранию!»

Предатели революции нашли уже возмездие в оценке рабочего класса. Но их ждет еще худшее, каковы бы ни были их силы и средства и временные их успехи в деле укрепления реакции.

„Правда“ № 168 от 10 августа 1918 г.

ИСТОРИЯ САМАРСКОГО ПЕРЕВОРОТА

ДОКЛАДЫ ЧЛЕНОВ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ П. Д. КЛИМУШКИНА, И. М. БРУШВИТА И В. К. ВОЛЬСКОГО)

«Вестник комитета Учредительного собрания» № 49, от 6 сентября 1918 г.

Чтобы никто не мог «примазаться» к перевороту, почтенные граждане-учредиловцы теперь доказывают, что все сделано ими, правыми эсерами. Начали работу сейчас же после разгона Учредительного собрания. Трудно было работать.

«Армия была развращена, рабочие тоже... Мы устроили ряд лекций среди солдат... Произошло вооруженное столкновение между войсками, преданными большевикам и преданными нашему течению. И уже в то время можно было вызвать гражданскую войну, но мы понимали (какие догадливые! !), что это кончилось бы печально, ибо *реальных сил для поддержки движения со стороны населения и рабочих не было. Нельзя было надеяться и на самих солдат.* Лучшим доказательством этому служит тот факт, что когда большевики объявили роспуск по домам, гарнизон, несмотря на свое сочувствие Учредительному собранию, немедленно оставил Самару и распылился».

На этом закончился первый этап предательской работы правых эсеров. В результате работы реальных сил ни со стороны населения, ни рабочих, ни солдат не оказалось на стороне Климушкиных, Брушвитов и К°.

Второй этап. Разделили между собою работу и начали подготовлять «реальные силы».

«Мы начали усиленную агитацию. *Мы убедились однако, что среди рабочих таких сил создать нельзя. Мы обратили внимание на солдатскую, главным образом офицерскую массу.* Но сил было мало, ибо *никто не верил в возможность свержения большевистской власти,* все были убеждены, что она будет царствовать долго. И когда я обратился по этому поводу к одному генералу, он ответил, что считает большевистскую власть прочной и свержение ее считает авантюрой».

Теперь, когда Самару ждет через несколько дней участь Ярославля, Казани, Симбирска, всякий видит, что этот генерал понимал дело лучше, чем Климушкины и Авксентьевы; все видят, что свержение большевиков было авантюрой, но надо пригвоздить в тысячный раз эсеров их же признаниями. Они признаются, что опереться на рабочих не могли, а обратили главное внимание на офицерскую массу.

Этап третий: деревня. Но — увы! И она обманула надежды эсеров!

«*Итак на город надежды было мало. Наше внимание все больше и больше стало переноситься на деревню. Мы верили,* что крестьянство имеет еще много живых творческих сил. *Мы послали своих друзей в деревню для организации крестьянства. Работа была медленная, но неуклонная. В то же время однако мы видели, что если в ближайшее время не будет толчка извне, то на переворот надеяться нельзя.* Апатия стала захватывать все большие и большие слои. Дружины начали разлагаться. Между тем силы большевиков росли».

Период четвертый: помощь чехо-словаков.

«И вот в этот момент мы узнаем о выступлении чехов. К чехам поехал Брушвит...

Одновременно с этим нами были начаты переговоры с *социал-демократами и кадетами* (от последних в переговорах участвовали Кудрявцев и Подбельский). *Но ни те, ни другие нам не дали поддержки.* Социал-демократы настаивали на том, что большевизм изживет себя, *кадеты говорили, что если чехи не останутся в Самаре, это будет лишь авантюрой,* поэтому участвовать в перевороте они не будут, но выражают свое сочувствие.

Я должен сказать, что в первые дни мы встретились с величайшими трудностями. Несмотря на всеобщее ликование и радость, *реальная поддержка была ничтожна. К нам приходили не сотни, а только десятки граждан. Рабочие нас совершенно не поддержали.* И когда *мы ехали в городскую думу для открытия комитета под охраной, к сожалению, не своих штыков, а штыков чехо-словаков,* граждане считали нас чуть ли не безумцами».

Недурные признания! *Рабочие совершенно не поддержали, приходили десятки граждан, комитет Учредительного собрания,* столь дорогой всему населению, *должен был открыться под охраной штыков чехо-словаков — своих не было!*

И гражданин Брушвит только подтверждает это:

«*Поддержка была только от крестьян, небольшой кучки интеллигенции, офицерства и чиновничества, все остальные стояли в стороне*».

Непонятно только: если крестьяне вас поддерживали, зачем понадобились чехо-словацкие штыки? Климушкин более откровенен, когда умалчивает о крестьянах.

Что же дальше? Дальше эсер В. К. Вольский намечает только один путь:

«Путь кровавый, ибо государственная власть творится только борьбой, кровью и железом. . .»

На кого же возлагают надежды господа учредиловцы, кто выполнит их задачи?

«*Не господствующие классы*, которые не являются носителями патриотизма, ибо за «спокойствие и порядок» они пойдут на какие угодно комбинации.

И не пролетариат, которому была поставлена бессмысленная задача — господствовать над всеми, хотя пролетариат составляет только частичку народа. Пролетариату надо вернуться к основной задаче — быть авангардом рабочего класса».

Другими словами: пролетариат должен быть впереди. Какое великое открытие!

Надежда на крестьянство. Но так как деревенская беднота и значительная часть трудового крестьянства — за советы, то остается надежда на кулацкие элементы крестьянства. Только этим и можно объяснить, что автор проектов о социализации земли, сам бывший «селянский министр» Чернов — под арестом, что Когана-Бернштейна гонят из Самары. Вольскому рисуется картина: по правую сторону виселицы он повесил Вильгельма, по левую большевика, хорошо, что он по средине никого не повесил, оставив место для себя: оно ему очень скоро пригодится. И сейчас уже эти господа сами себе намыливают веревку, на которой их повесят их недавние союзники. Рабочие оценили уже их языкоблудие, поняли, какую роль им отводят господа Брушвиты, Климушкины и Вольские. Ближайшие дни покажут, кто по ним будет плакать, кто уйдет с ними из Самары. Мы убеждены, что и выступят они из Самары под охраной только тех штыков, которые осеняли их приход — под охраной чехо-словаков, небольшой кучки офицеров и чиновников.

„Правда" № 207 от 26 сентября 1918 г.

КРИТИКАМ „СОВДЕПИИ“

(МАТЕРИАЛЫ К ПРИЕЗДУ ДОРОГИХ ГОСТЕЙ)

«Большевизия», «Совдепия», — как презрительно пишутся и произносятся эти слова! В них наши враги вкладывают всю свою ненависть к коммунизму — иногда слепую, иногда сознательную. Перед «Европой» и «цивилизацией» «Большевизия» (так называет Советскую республику председатель комитета Учредительного собрания правый эсер Вольский) и «Совдепия» изображаются, как азиатские страны. Социализм в них азиатский, нравы дикие.

То ли дело страны, где господствует демократия! Например Германская республика, где убивают Либкнехта, Р. Люксембург, Курта Эйснера, а их убийцы занимают посты президентов этих «цивилизованных» европейских, а не «азиатских» республик!

Но лучше всего для ответа нашим критикам остановиться все-таки на потерпевшем крушение Учредительном собрании. На нем тем более стоит остановиться, что ни партия эсеров, ни партия меньшевиков не отказались от борьбы за него, а во многих местах они еще сейчас активно борются с империалистами за его власть: в Асхабаде и Красноводске, в Ревеле и Симферополе, в Одессе и других местах, в Берлине и Веймаре, в Будапеште и Вене...

Для иллюстрации я приведу замечательный приказ, изданный еще недавно в Самарской губ. за подписью уполномоченного комитета собрания А. Буянова.

Этот документ был напечатан в огромном количестве для рассылки по волостям и рассылался в Бузулукском уезде. Он настолько ярок, что я привожу его целиком:

«... *Волостной земской управе и сельским правлениям волости.*

УЛЬТИМАТУМ

Настоящим все население волости ставится в известность, что:

В случае непредставления в трехдневный срок, считая с.... всех новобранцев, подлежащих призыву, в силу приказа Коми-

тета членов, членов № 64 против волости, как *враждебной* власти Учредительного собрания, будут открыты боевые действия,

причем:

1. Будет установлен военно-полевой суд с исполнением приговоров на месте.

2. Все расходы по высылке экспедиционного отряда, вплоть до стоимости артиллерийских снарядов, будут возложены на все население равномерно.

3. Все убытки, понесенные частными гражданами от деятельности отряда, должны быть возмещены всей волостью и

4. Отряд не выйдет из пределов волости до тех пор, пока не будет взят последний новобранец и последний рубль произведенных расходов.

Объявляя об этом, приказываю всем волостным и сельским властям широко оповестить население.

Всю вину за имеющую пролиться кровь слагаю на ослушников законной власти, преступно идущих за изменниками родины.

Уполномоченный Комитета членов Учредительного собрания А. Буянов».

Прежде всего этот документ свидетельствует о том, что самое грубое насилие по отношению к населению было главным орудием в руках учредиловцев. Моральной силы за ними не было при вербовке ими народной армии. И если сейчас граждане Плесковы из русского «Форвертса» (юмористического органа «Всегда вперед») и Даны пытаются вместе с левыми эсерами изобразить нашу Красную армию как совершенно нереволюционную, то мы можем им указать, что только наша тареволюционная работа, а не иное что, дает нам силу создать такую могучую военную организацию. Нигде, ни в одной местности, нам не приходилось ставить населению подобных «ультиматумов».

Подумайте, до какой утонченности дошли эсеры! Если красновцы бьют шомполами тех, кто отказывается служить, то учредиловцы пошли еще дальше. Посмотрите, чем они грозили населению, если оно в трехдневный срок не представит всех новобранцев: 1) военно-полевым судом с исполнением приговоров (т. е. казней, расстрелов) на месте; 2) карательными отрядами, вплоть до артиллерии; 3) общей контрибуцией.

Но любопытен здесь особый вид уравнительного распределения артиллерийских снарядов против всех непослушных. Мало того, что учредиловцы обещают обстрелять волость снарядами,

за стоимость всех пущенных в крестьян снарядов гражданин А. Буянов, от имени Учредительного собрания, взыщет со всех поровну, и с богатого и с бедного. Вот они настоящие-то «социалисты»! До чего «уравнительность» довели — не то что коммунисты, раскалывающие деревню по классовому принципу! До этого еще никто не додумывался!

Итак, непослушное население должно оплатить все расходы карательной экспедиции «вплоть до стоимости артиллерийских снарядов», заплатить все убытки, понесенные частными лицами от деятельности отряда (т. е. уплатить например за сожженные артиллерией дома и пр.).

Но чисто по-шейлоковски, по-ростовщически, по-кулацки учредиловцы грозили крестьянам: «отряд не выйдет из пределов волости до тех пор, пока не будет взят последний новобранец и последний рубль произведенных расходов».

Разве не так поступают сейчас хищники-империалисты в оккупированных и покоренных ими странах?!

Могут сказать: да стоит ли теперь об этом вспоминать, когда сами эсеры, сами учредиловцы каются? Стоит, товарищи, и вот почему.

Каются-то они каются, да очень уж воровато, очень уж много оговорочек и хвостиков. Глядишь — один хвостик увяз в Берне и клевещет на «Совдепию» и «Большевизию», другой — в Америке шушукается с бабушкой Брешковской и Вильсоном, третий. . .

Каются-то они каются, да о многих своих грехах, по легкомыслию своему и короткой памяти, забывают. Вот мы им и напоминаем, критикам-то нашим, которые собираются нас «исправлять»: помните, что вы вчера делали! Призывали крестьян на борьбу с нами; артиллерией и поголовным уравнительным разорением грозили «ослушникам законной власти», каковой вы себя считали, лили кровь целых волостей, если в трехдневный срок они не давали вам всех новобранцев, призванных нами, да еще вину за пролитую кровь слагали на этих же крестьян, партией которых вы себя считаете! Помните это! И не беритесь нас исправлять в таких делах, где вы сами кругом виноваты!

Если вы, граждане, желаете делать сопоставления, найдите хотя бы в одной стране закон, который так широко применял бы к народу понятие о свободе совести, как наш декрет об освобождении от военной службы по религиозным убеждениям! И не укажете ли вы на этот декрет той комиссии, знатных иностранцев, которая приезжает нас ревизовать!

„Правда“ № 46 от 28 февраля 1919 г.

НЕПОМНЯЩИМ РОДСТВА

Правые эсеры ведут самую гнусную агитацию везде, где могут. Всего бесстыднее их работа в разрешенной им газете «Дело народа».

Зарвавшимся колчаковцам из «Дела народа» мне хочется напомнить их совсем недавнее прошлое, так как они бесстыдно от него отрекаются.

Вот передо мною коллекция прокламаций и воззваний, изданных учредиловцами в Самаре, Уфе, Воткинске, Хвалынске.

И мне думается, что лучше всего можно озаглавить эту коллекцию словами: *как они лгали.*

В листке к красноармейцам они писали: «*Все Поволжье, вся Сибирь, все казаки, все те, для кого слово родина не пустой звук, как один человек, встали на защиту России*».

Вам не стыдно, господа колчаковцы из «Дела народа»? Вы ведь уверяли народ в том, что все казаки (дутовцы, семеновцы колчаковцы и другие) встали на защиту родины. Так можете ли вы кого-нибудь убедить теперь, что в лице Колчака «теперь, поистине, волк идет» [1].

Сказывается ваша гнусная работа. Вы делали ее целый год (и продолжаете) рука об руку с злейшими врагами революции. Вы смеетесь горько над крестьянином за то, что он думает будто бы: «Колчак, — этот за Учредительное собрание, стало быть — за нас орудует!». Так ведь этот крестьянин ваши слова повторяет — вы их ему вдолбили — это плоды ваших трудов. И если на одной стороне знамени сочувствующих вам вы видите теперь надпись: «Да здравствует Учредительное собрание», а на другой «Долой жидов, бей жидов!» — то это тоже ваша работа, ибо вы всеми силами разжигали националистические чувства.

Забыли? Не помните родства? Напомню вам.

Вот ваша прокламация «к гражданам», где вы пишете, что, «вступив в союз с большевиками, немцы двинули полчища военнопленных мадьяр на Самару». Вы неоднократно били на чувства национальной ненависти, и теперь возрастают плоды вашего посева. Конечно не вы одни в этом повинны. Вам помо-

[1] «Дело народа» № 5, «Кто идет?».

гали и меньшевики и левые эсеры указанием на то, что в нашей Красной армии имеются интернациональные батальоны.

А вы знали, что эти мадьяры — коммунисты. Среди них были славные имена: *Бела Кун, Тибор Самуэли, Пор и др. — они стоят теперь во главе коммунистической революции в Венгрии, а несколько месяцев тому назад боролись в наших рядах против вас, против врагов Коммунистического интернционала.*

Вы их приветствуете! Да понимаете ли вы, как это бесстыдно, понимаете ли вы, что никто не поверит искренности вашего приветствия?! Ибо вы умудряетесь и сегодня на одной и той же странице вашей погромной шовинистической газеты поместить приветствие венгерской революции и говорить о «бутафорском III Интернационале», под знаменем которого идет эта революция!

Вы знаете, что первое приветствие венгерских революционеров было обращено к нам, коммунистам, к вождю оплевываемого вами III Коммунистического интернационала, т. Ленину.

А что вы писали и говорили недавно о т. Ленине — напомнить вам, непомнящим родства?

Вы называли всех, кто выступал на защиту коммунистической революции против союзнических войск, действовавших вместе с вами, «продавшимися вильгельмову лакею Ленину». Вы писали: «Ленин и вся компания предателей России убегут к Вильгельму, у них уже заготовлены заграничные паспорта и полные карманы народного золота». Какая гнусность! Но разве вы не перешли и этот предел?!

Одновременно с этим вы писали в прокламации к гражданам (листовка № 8): «К гражданам Уфимской губ. *Жертвуйте на Народную армию! .. Во многих местах владельцы недвижимой собственности облагают себя сбором (например домовладельцы г. Симбирска наложили на себя полмиллиона, Симбирский биржевой комитет дал 5 млн. руб.)*». Пусть же рабочие спросят себя, пусть деревенская беднота спросит себя: почему же это домовладельцы и купцы давали деньги на Народную армию господам эсерам из «Дела народа» — неужто они за бедняков, за трудящихся, они, награбившие эти миллионы с нищего народа?

И вы, которых поддерживала буржуазия за вашу верную ей службу, имеете теперь наглость выступать в роли социалистов!

Как верить вам после всех ваших измен, после всех ваших предательств? Вот передо мною ваша прокламация (листовка № 7 от 29 августа 1918 г.) *Россия и союзники.* Помните, Иуды, что вы писали?

Вы тогда писали:

«Союзники не только отбиваются сами, но видя, что немцы забрали себе половину России, *они решили помочь и нам освободиться* от германского владычества. С одной стороны, в Архангельске высадились англо-французские и сербские войска, с другой — во Владивостоке — японские и американские. *Те и другие идут нам на помощь...*».

Так вы писали тогда. Японские и американские, англо-французские войска вместе с чехо-словаками пришли к вам на помощь. А русскому народу что от этого было? Голод, сотни тысяч трупов, разорение, разрушенные железные дороги и взорванные вами мосты, захват Сибири и других областей.

А вы лгали и обманывали, изворачиваясь во лжи, писали:

«Некоторые люди говорят: хорошо ли, что в нашу страну придут, хотя и союзники, но все же чужестранные войска? Не захотят ли они вмешиваться в наши внутренние дела? Не думают ли возвратить землю помещикам, восстановить прежний порядок. Не будет ли от них худо крестьянам и рабочим?»

И вы отвечали: такие слухи распускают «нехорошие люди, скрытые большевики».

Вы писали:

«Итак, да здравствуют наши союзники и храбрые их войска!»

Целые месяцы вы *так* обманывали народ. Что вы скажете теперь? Вы, «хорошие люди», которые кричали: «да здравствуют союзники и их храбрые войска!»

Теперь вы лепечете что-то о близорукой политике союзников, о их вожделениях. Но разве можно вам верить?! Вот ваша газета «Дело народа». На одной стороне ее написано: «Да здравствует Учредительное собрание» — нет ли на другой стороне лозунга «Бей жидов!» Ибо эти два лозунга сочетались давно воедино, еще в Самаре в медовый месяц ваших предательств, и вы сделали все, что можно было для этого сочетания.

Приходится с вами встречаться на собраниях, где вы играете на голоде, на страданиях. Вы там отрекаетесь от прошлого, говорите я — не я, ничего не знаю. Господин Деревенский, писавший в самарских газетах, когда там расстреляно было сразу до 1 500 рабочих, говорит: это не я, это мой брат, мой однофамилец. Каин, где брат твой Авель? Спрашиваем мы г. Чернова. А он отвечает с ясным лбом: «Разве я сторож брату моему?»

Но вы получите достойный ответ. История дает вам его, несмотря на все ваши попытки исказить ее.

И может быть больней всего бьют вас факты ухода от вас об-

манутых вами. Все действительно социалистическое и честное уйдет от вас, и вы будете предметом всеобщего презрения.

Передо мною заявление одного из таких обманутых. Прочтите его:

«Я, нижеподписавшийся, бывший начальник конной саперно-подрывной команды при штабе Народной армии Хвалынского района, член партии эсеров. *Мое 6-месячное пребывание в Народной армии убедило меня, во-первых, что Учредительное собрание является только ширмой для скрытия буржуазии, ее контрреволюционных планов и не имеет под собою почвы в виде поддержки широких трудовых масс* и, во-вторых, что *текущий момент требует сплочения всех сил трудовой социалистической демократии вокруг советской власти, которая только одна может дать беспощадный отпор надвигающейся российской и мировой контрреволюции.* Через два месяца быть может грянет последний и решительный бой, в этот решительный момент я предлагаю Красной армии свои услуги в качестве военного специалиста».

Наступили дни, когда весь мир раскалывается на два лагеря. Под красным знаменем Коммунистического интернационала собираются все, кто готов встретить последний и решительный бой в рядах пролетариата. А вы, непомнящие родства, получили в удел черную, позорную работу самой злейшей контрреволюции.

Эту работу вы выполняли за все время войны, помогая царскому правительству воевать. Эту работу вы выполняли с первых дней Февральской революции, спасая отечественную и мировую буржуазию. Эту работу вы ведете и сегодня, пока еще не вымел вас, как мусор, последний вал революции.

Он идет, и берегись в этот час стать на его пути!

„Правда" № 67 от 28 марта 1919 г.

СТАРЫЙ ЗНАКОМЕЦ

«Во Владивостоке получены сведения о выезде из Парижа эсера Зензинова, который направляется для работы в Приморскую область. Передают, что Зензинов выехал по предписанию Центрального комитета партии эсеров»[1].

Для наших товарищей это сообщение имеет большой интерес. Зензинов — это член так называемого «Временного правитель-

[1] Газета «Дальневосточная республика» № 112. Верхнеудинск 22 сентября 1910.

ства» — «Директории», — которое было создано 23 сентября 1918 г. Его составили эсеры Авксентьев и Зензинов вместе с тремя представителями крупной буржуазии. Эсеры проделывали этот опыт уже позже того, как их собственный съезд партии в ноябре 1917 г. осудил коалицию с буржуазией. Вместе с ген. Болдыревым, Виноградовым и Михайловым Зензинов и Авксентьев воображали, что они призваны спасти отечество от «анархии большевизма». На деле они попросту помогли взобраться на трон Колчаку, которого пригласил в военные министры их собрат и сообщник по Директории Вологодский.

Когда они проделали эту работу, им дали совершенно непочтительно пинок, и они вылетели из Сибири с большим позором. Эсеры хотели поехать в Америку — Америка отказалась принять их, правительство Вильсона заявило им, что Америка — не свалочное место для отставных русских министров. Они уехали в Париж, получив на дорогу субсидии в 50 тыс. руб. от Колчака. В этом открыто признался Авксентьев, когда его разоблачил Бурцев, признавался в этом и Зензинов. Они оба дали честное слово, что они не будут вести агитацию против Колчака. И в то время, когда многие единомышленники Зензинова в Сибири вынуждены были взяться за оружие, Зензинов еще в сентябре 1919 г. уверял, что «Колчак несомненный демократ».

Зензинов в партии эсеров фигура совершенно определенная: он ярый, заклятый враг советской власти. Правда, в партии эсеров происходит теперь значительный сдвиг: так, закавказские эсеры на IX съезде своих организаций высказались за диктатуру рабоче-крестьянских масс в форме советской власти, за ликвидацию гражданской войны путем победы над контрреволюцией; Всеукраинский комитет правых эсеров отказался от черновско-зензиновского «народовластия» и высказался за «трудовластие», т. е. за лишение всяких политических прав нетрудовых эксплоататорских элементов. Но Центральный комитет не разделяет этих ересей, и Зензинов — правовернейший правый эсер — остается и до сих пор заклятым врагом советской власти.

И этот авантюрист теперь едет от имени ЦК ПСР работать в Дальневосточной республике. Мы предупреждаем наших дальневосточных товарищей коммунистов: с такими гостями надо быть сугубо осторожными, осмотрительными. Они не раз еще попытаются сыграть роль спасителей и избавителей буржуазии от «азиатского, пугачевского» коммунизма. Они тысячу раз предадут интересы рабоче-крестьянской революции во имя милой их сердцу «демократии».

„Советская Сибирь" № 221 от 2 октября 1920 г.

ИЗ ПРЕКРАСНОГО ДАЛЕКА

В Чехо-Словакии, в Праге, начал выходить орган эсеров, где работают Минор, Керенский, Зензинов, Чернов и другие эсеры. Так как французское правительство биржевиков еще на-днях предписывало ген. Мартелю, своему представителю в Крыму, сблизиться с эсерами, представляющими там, по его мнению, единственную антисоветскую силу, то приобретает особенный интерес писание этих господ. Мы знаем, что эсеры разбились по крайней мере на 7-8 групп, говорящих как будто на разных языках. Вот почему мы с особенным интересом прочли первые номера этой газеты, выражающей настроение тех, кто сейчас группируется вокруг ЦК ПСР.

На кого рассчитывает эта партия эсеров и ее орган «Воля России»? Лучшим ответом, по нашему мнению, служат печатаемые на страницах газеты объявления «Поземельного банка в Праге». Всю страницу газеты занимает объявление о том, что он совершает всевозможного рода банковские операции, покупает и продает *всевозможные* (ведь деньги не пахнут!) процентные бумаги, акции, *крупные и мелкие имения, участки земли и другие недвижимости,* что он предлагает на выгодных условиях посредничество при продаже и покупке недвижимостей.

Достаточно поставить вопрос: *для кого печатаются эти объявления?* Для пролетариев? Для бедняков! Но у них нет ни акций, ни процентных бумаг, ни недвижимостей, ни участков земли, ни крупных имений, которые они могли бы купить и продать. Ясное дело, что эти объявления печатаются для буржуазии. Ясно, что *газета покупается* и читается именно этой буржуазией, которая имеет и продает и покупает все это. Для нее и на ее средства газета издается, ее интересы она обслуживает. Когда в 1913 г. в Питере издавалась «Правда» на гроши, собираемые по фабрикам и заводам рабочими, она не занималась как «Воля России» посредничеством на выгодных условиях между спекулянтами всех наций и теми, кто пользуется услугами этих спекулянтов. Но одно дело — рабочая «Правда», другое — «правда» Зензинова, Минора и Чернова.

Так, усевшись между двух стульев, а вернее в одном из отделений буржуазного банка, старец Минор вкупе с другими правыми

эсерами ведут борьбу на два фронта: направо и налево. Москва и Крым для них одинаково будто бы неприемлемые полюсы: на одном — диктатура пролетариата, на другом — диктатура буржуазии. К чехо-словакам они питают влечение, похожее на своего рода недуг. Как владивостокские их братья прокламируют в образе свиньи чехо-словацкую колбасу (смотрите, не из мяса ли сибирских крестьян и рабочих и сделана она?), так Минор и Зензинов, рекламируя земельный банк, рекомендуют читателям истинный демократизм чехо-словацкого правительства и его «благожелательное» отношение к России, и это в то время, когда г. Бенеш, чехо-словацкий министр, играл такую двойную игру в вопросе о снабжении польских белогвардейцев! Кого только морочит В. Лебедев, рассказывая, что чехо-словаки в Сибири все время проявляли враждебное отношение к колчаковской реакции? Ведь их же недавний соратник Святицкий рассказывает о контрреволюционных действиях чехо-словаков во время свержения Директории, — да и кто не знает самых зверских и гнусных жестокостей, совершенных чехо-словаками над беззащитным крестьянским населением? Под крылышком всех этих Сыровых и прочих чехо-словацких «демократов» пристроилась «Воля России» — рыбак рыбака видит издалека.

Вот почему «Воля России» с удовольствием печатает статьи Филиппа Сноудена, Дитмана, направленные против Советской России, Дитмана и Сноудена эсеры превозносят до небес. Старый знакомец, кликуша А. Керенский, пишет в № 3 (от 15 сентября):

«Английский, французский и немецкий рабочий класс уже выходят на свою собственную дорогу здорового социального и революционного творчества. Завтра к ним примкнут итальянцы и, быть может, только в самых отсталых окраинах Европы сохранится еще некоторое время сила большевистского гипноза».

Так писал А. Ф. Керенский в сентябре; и через месяц в Галле, в Германии огромное большинство рабочих дало хороший пинок другу эсеров Дитману, и более 500 тыс. революционных рабочих Германии присоединились к Коммунистическому интернационалу. Воистину удачное пророчество! Как говорится, попал человек пальцем в небо.

Эсеры из «Воли России» стараются отгородиться от Бурцева, Савинкова и других сторонников интервенции, т. е. борьбы с Россией иноземными силами. В фельетоне «В. Л. Бурцев в Праге» Н. Рахманов острит:

«Скажите, — спросили мы, — как надо понимать демократию?

— Есть, — ответил В. Л. (Бурцев), — три истинных старых

демократа: я, Алексинский и Савинков. Мы занимаемся упражнениями: я — демократ, ты — демократ, он — демократ.

— Скажите, спросили мы, — подвергаетесь ли вы, Алексинский, Савинков также склонениям! ?

— Да, — ответил В. Л., — мы все вместе подчиняемся законам так называемой эволюции.

— Скажите, Бурцев, — спросили мы, — поете ли вы уже «Боже царя храни»? . .

Смешно — не правда ли? А хочется только сказать этой почтенной компании: «Над кем смеетесь? ! Над собой смеетесь, господа!»

„Советская Сибирь" № 258 от 14 ноября 1920 г.

МАЛЬБРУК В ПОХОД СОБРАЛСЯ

Еще на-днях мы имели сомнительное удовольствие читать статью гражданина А. Ф. Керенского в «Воле России», в которой этот ходульный герой Февральской револююии строит надежды на то, что рабочие Франции, Англии, Германии одумаются, отвернутся от большевиков и обратят свое лицо не к Москве, а к Праге, где приютился сейчас маленький наполеончик Керенский.

Рабочие его не слушаются. Еще не затихла борьба в Англии, а уже назрела забастовка углекопов Франции. Бастуют шахтеры Австралии, Индии, — взоры их обращены не на Прагу, а на Москву. Их знамя — наше знамя.

Но вот что надо нам всем помнить: «милые бранятся, только тешатся». Пусть Керенский бранит Савинкова.

«Его рука тянется давно к горлу, но только неизвестно к чьему горлу. Был он эсер, написал «Коня бледного», был он во Временном правительстве и вошел в корниловский заговор. Был он с Корниловым и продал его и назвал изменником. Был он на Волге и работал против Учредительного собрания. Был он при Омской директории и предал ее. Был он у Колчака и восхвалял Колчака, когда тот расстреливал его прежних товарищей и его друзей, как Григорьев, когда Колчак отдавал на расхищение Японии Сибирь. Был он при Деникине и славил его, когда Деникин топтал казаков и крестьян и разрушал страну. А пали они — и их представитель Савинков забыл и славу, и золото их, и ругает и отказывается от вчерашних хозяев. И с Врангелем

то же. И все предвиденья Савинкова, все расчеты его из измены исходили, на измене строились и изменой кончились»[1].

Но ведь мы знаем, что Керенский недавно *вместе с Савинковым* сражался в качестве добровольца около Варшавы против Красной армии. А теперь мы узнаем, что Керенский организует в Варшаве штаб для вербовки сил, зовет туда всех уцелевших офицеров-бандитов Деникина и Юденича и заявляет, что пора ему, Александру IV Керенскому стать во главе крестового похода против большевиков. Мы знаем, что с этим новым Мальбруком случится то же самое, что и с историческим Мальбруком случилось в дороге. Но какая же разница между Савинковым и Керенским? Савинковы откровеннее, прямее Керенских. Но оттого и борьба с ними проще. А господа Керенские и Черновы, как ужи скользкие, лгут и изворачиваются на все стороны. И вреднее они во сто крат.

На что они рассчитывают? На то же самое, на что рассчитывают и кадеты, которые писали сейчас же после заключения русско-польского перемирия, как П. Струве в газате «Victoire»:

«Перемирие на польском фронте позволит большевикам перебросить на южный фронт крупные силы. Мы это знаем и не боимся этого; я скажу более: мы в полной готовности ожидаем этот сюрприз. И причиной нашей уверенности являются следующие обстоятельства: с одной стороны, катастрофическое разложение Красной армии, с другой — все ухудшающееся внутреннее положение Советской России».

На это же рассчитывает и эсер Керенский. И он добивается ухудшения внутреннего положения, и он расстраивает нашу хозяйственную работу, и он стремится разложить Красную армию.

Не надо забывать, что к походу такого Мальбрука найдутся еще охотники присоединиться до тех пор, пока у них есть хоть малейшая надежда на успех их дела. Так эсер Борис Соколов пишет в «Последних известиях» (Ревель, № 145 от 13 сентября):

«Группа эсеров Вольского или иначе называемая группой меньшинства, стоит сейчас в резкой оппозиции к большевикам и полагает, что и внутри партии эсеров может вновь развиться внутреннее единство, что желательно обратное вхождение нашей группы в партию эсеров».

С чем мы и поздравляем Вольского и его единомышленников. Мы можем сказать про них словами Керенского, что «их расчеты исходят из измены, на измене строятся и изменой кончаются». Потому что можно сколько угодно колотить себя в грудь

[1] «Воля России», Прага, 10 октября.

и клясться, что являешься интернационалистом, что борешься против иноземной помощи и т. д. и т. п. Но когда организуешь штаб в Варшаве и зовешь туда погромщика Деникина и Юденича, 3 года купавшихся в рабоче-крестьянской крови, то ты такой же международный мошенник и разбойник, как и эти герои.

А раз так, то и конец этих Мальбруков будет тот же. За это мы можем поручиться тремя годами борьбы, во время которой погибли люди в партии покрупнее А. Ф. Керенского и его чехо-словацкого отделения поземельного банка.

„Советская Сибирь" № 250 от 16 ноября 1920 г.

ДВЕ МЕРКИ

Когда большевики после свержения власти царя требовали разрыва всех царских договоров с империалистами, отказа от уплаты долгов, эсеры и меньшевики говорили: как это можно! И они всячески боролись против того, чтобы мы это сделали. Как же можно было обидеть капиталистов! Ведь договоры-то были в их интересах!

Но вот теперь в Париже собирается 16 членов Учредиловки и во главе их Милюков, Минор, Зензинов, Львов, Чайковский. Старые знакомые, которые околачиваются четвертый год по передним всех врагов рабоче-крестьянского люда в качестве услужающих. И вот они заявляют: мы не признаем и требуем, чтобы и Россия не признавала концессии, заключенные между Советским государством и другими странами. Но ведь эти договоры—в интересах рабочих и крестьян России! Эсеры это знают. Они стоят во главе буржуазии, ее волю творят. И эта воля требует того, чтобы одна мерка у эсеров была для капиталистов, другая — для трудящихся. Но и в том, и в другом случае они действуют за капиталистов — против трудящихся. Такова их природа.

„Советская Сибирь" № 10 от 6 января 1921 г.

НАГЛЯДНЫЙ ОПЫТ

В Чите открылось Учредительное собрание ДВР. Как мы и предсказывали, *огромное большинство крестьян и казаков и все рабочие послали своими представителями коммунистов и беспартийных, крестьян, которые идут рука об руку с коммунистами.* Колеблющаяся мелкая буржуазия, мелкие собственники, пуще всего боящиеся коммунистической революции, ухватились за бессильную кучку меньшевиков и эсеров. *Правые элементы количественно более многочисленные, чем меньшевики и эсеры,* принимали участие в предвыборной агитации, в выборах, придавая этой кампании значение организующее для своих сил, но *они вовсе не проявляют желания подчиняться постановлениям Учредительного собрания, и до сих пор не явились на заседания,* предпочитая вести разговоры не в Учредительном собрании, а с капелевцами и семеновцами и — за кулисами с японским командованием.

Так на опыте мы наглядно видим, что всякие демократические формы являются только оболочкой классового строения государства и ни в коем случае не способны скрыть противоречий, раздирающих это государство.

Что мы видим в этом Учредительном собрании? Начинается оно с того, что меньшевики усмотрели нарушение верховности (суверенности) воли народа в том, что Учредительное собрание открыл не член Учредительного собрания, а представитель правительства ДВР. Вот если б Учредительное собрание открыл меньшевик Кабцан или эсер Трупп, а не какой-нибудь коммунист, тогда сама собой благодать духа святого снизошла бы на всех врагов трудовых масс, и волки вырвали бы свои клыки и дали б обет питаться травою! .. *Учредительное собрание будет использовано этими господами для травли коммунистической партии, для борьбы с пролетарской Советроссией, как бы они сейчас ни открещивались.*

Эсер Трупп, во Владивостоке совершенно недвусмысленно пользовавшийся помощью японского командования, теперь ликует: нетрудовые элементы затерялись среди социалистических элементов. Но ведь сам же Трупп в Приморске на собрании поддерживал именно эти *нетрудовые* элементы против пролетариата, ведь блокировались же эсеры с правыми элементами на выборах в Учредительное собрание.

Вот почему мы не верим заявлениям эсеров, когда они говорят в Учредительном собрании ДВР, что они не противополагают буфера Советроссии, что они не накопляют там сил против нее. *Мы знаем, что они сейчас на деле подготовляют то, что сейчас затевают их братья в Париже, вкупе и влюбе с Милюковым, князем Львовым и капиталистом Коноваловым. Они борются и будут бороться против Советроссии.* Кто наивно верил в то, что Учредительное собрание принесет конец гражданской войне в ДВР, тот жестоко ошибся.

Учредительное собрание — только слабое отражение классовой борьбы, идущей на Востоке Сибири. Момент сейчас крайне неблагоприятный для полного социалистического переворота — это учитывают наши товарищи, и они не ставят этот вопрос в порядок дня. Они искренне поддерживают сейчас попытку соглашения, но соглашения, направленного в сторону трудовой крестьянской массы, а отнюдь не правых контрреволюционных элементов. И если *менее решительная крестьянская фракция требует уничтожения частной собственности на землю, леса, воды и недра земли, крестьяне настаивают на немедленном отделении церкви от государства и школы от церкви, то ясно, что компартия ее в этих мероприятиях поддерживает целиком.* Но точно так же ясно, что эти вопросы являются такими, которые углубляют борьбу классов, а не прекращают ее. Правые эсеры не подчинятся решению Учредительного собрания, поднимут бунт против него. Меньшевики и эсеры будут колебаться, сплошь и рядом становясь на сторону правых.

Так обстоит дело. ДВР проделывает опыт наглядного политического воспитания. Эсер Трупп, захлебываясь от учредиловского восторга, пророчит: чего добились здесь, добьемся во всероссийском масштабе. (Синица за морем хвалилась, что хочет море сжечь...) Как он добьется, с чьей помощью, какими силами, об этом он помалкивает. Но мы все знаем, какими силами можно этого добиваться в России, какую бешено жестокую и кровавую гражданскую войну должны поднять эсеры для того, чтобы эсеровская заморская синица смогла зажечь Советское море. Мы предостерегаем от этих попыток. И мы уверены, что, наоборот, победят те пролетарии и крестьяне, кто чутьем, мыслью — всем существом поняли, что ДВР и РСФСР это — дитя и мать: у них один язык, одни исторические традиции (прошлое), самые тесные хозяйственные и географические связи и общая будущая судьба.

„Советская Сибирь“ № 38 от 20 февраля 1919 г.

НАПРАСНО ЗАПУГИВАЮТ

Партия социалистов-революционеров, которая превратилась в простой придаток, в прикрытие кадетской партии и осуществляет волю и программу именно этой партии, сознает неизбежность отхода от нее всех тех, кто искренно верил в социалистическую деятельность в рядах этой партии. Многочисленные факты говорят о все продолжающемся распаде и развале этой партии. Разоблачения, сделанные нами относительно ее связи с империалистическими правительствами, ее роль, сыгранная в бесчисленных интервенциях, ее связь с белогвардейскими кругами, материальные источники ее существования, разоблаченные письмом Виктора Чернова — все это вместе отталкивает от партии социалистов-революционеров все более честное и менее связанное с буржуазным существом этой партии.

Естественно, что когда эти работники, убедившись в мерзостях, совершаемых в недрах партии социалистов-революционеров, возмущенные ролью палачей и убийц по отношению к рабочим и крестьянам, которую играет эта партия, возмущенные бандитизмом эсеровских антоновских молодцов и погромами, устраиваемыми под флагом партии эсеров в пограничных местностях, запутанные клубком всякого рода мелких эмигрантских интриг, отдельных кружков и вождей, которые делят между собой золото из весьма дурно пахнущих источников, уходят из партии социалистов-революционеров, они не в силах молчать об этой мерзости, об этих преступлениях. И вот Центральное организационное бюро партии социалистов-революционеров 8 июня 1921 г. выпускает циркулярное письмо (см. «Воля России» № 255 от 16 июля 1921 г.) и в этом письме партия эсеров намечает меры борьбы с теми, кто покидает партию в целях заставить их молчать о преступлениях этой партии. Конечно она это делает в целях «самозащиты против практикуемой правящей партией системы использования в целях сыска и провокации лиц, уходящих из партии».

Чего же она требует от этих людей:

> «1. Не исключая возможности выхода из партии отдельных членов по причинам идейного и тактического расхождения с нею, партия требует от выходящего: а) заявления партийной организации о выходе; б) безусловного сохранения в тайне

тех сведений о внутренней партийной жизни, которыми располагает выходящий и огласка которых может быть использована розыскными организациями во вред партии.

2. Сообщение означенных в предыдущем параграфе сведений лицами, вышедшими из партии, не может быть оправдываемо условиями службы и требованиями партийной дисциплины (условия, предъявляемые РКП к социалистам-революционерам, переходящим в эту партию).

3. Каждый случай использования ушедшими означенных сведений во вред партии последняя будет рассматривать как акт предательства и провокации и бороться с этими преступлениями теми методами и приемами, которыми боролась с провокацией в дореволюционное время».

Таким образом от выходящих из партии социалистов-революционеров требуется безусловное сохранение тайны относительно тех фактов о внутренней партийной жизни, которые заставили этих людей уйти из партии социалистов-революционеров. Другими словами, партия берет с них обязательство по выходе из партии скрывать все гнусности и преступления, которые необходимо разоблачить. Предположим такой случай, весьма близкий к действительности: в районе действий антоновщины существует группа бандитов, именуемая комитетом партии социалистов-революционеров. Эта группа бандитов затевает поголовно вырезать коммунистическую организацию такого-то района; заодно конечно в списке жертв намечены и все беспартийные советские работники, которые поддерживают этих коммунистов, и также и те крестьяне, которые не захотели оказать помощи бандитам, которые в чем-либо им отказали, или входили в посевкомы и спасли население от голода. Предположим, что кто-либо из членов партии социалистов-революционеров в данной местности, узнавши об этом, выходит из партии, возмущенный этим гнусным планом, и решается спасти все эти жертвы. Как он может их спасти? Конечно он может это сделать только единственным путем: сообщив советской власти и РКП сведения о внутренней партийной жизни и о тех людях, которые затеяли этот гнусный план. Как ответит на это партия социалистов-революционеров? Она пугает смертью, террором. Она рассматривает это как акт предательства и провокации.

Само собой разумеется, что мы в этих заявлениях не видим ничего нового, ничего удивительного. Если люди сделали себе профессию из бандитизма, чего же могут ждать от них те, кто уходит из этих бандитских организаций? Но неужели думает и в самом деле партия социалистов-революционеров, что она этими

угрозами, запугиванием смертью и террором сможет остановить распад и развал своей партии, что она заставит замолчать о своих преступлениях? Этими запугиваниями партия никого не обманет. Партия не остановит своего развала, и всякий почувствует перед лицом многочисленных фактов злодеяний, совершаемых партией социалистов-революционеров на территории РСФСР, совершаемых сейчас за кулисами всяких совещаний мастерами погромного дела, ложь и лицемерие этой партии. Ибо это ложь и лицемерие, когда партия социалистов-революционеров заявляет, что все эти угрозы террором «ни в какой мере не знаменуют изменения позиции партии в отношении существующей в России советской власти, установленной постановлениями IX съезда и ЦК партии», ибо каждый знает, что, заявляя «перед лицом российского и международного пролетариата» о своем отказе от вооруженной борьбы с советской властью, партия социалистов-революционеров на деле проводила по отношению к советской власти систему белого террора, систему бандитизма, систему самого гнусного предательства, объединялась с самыми контрреволюционными элементами, поддерживала и сейчас поддерживает на деле (на словах она говорит другое) интервенцию капиталистических государств.

Значит, очень уж неладно в этой партии, очень уж много там накопилось всякой грязи, если приходится прибегать к таким запугиваниям. Рабочие Советской России и других стран сумеют по достоинству оценить эти лицемерные заявления, ибо они знают, что из себя представляет партия социалистов-революционеров, вечный и надежный спутник всех контрреволюционных нападений на Советскую Россию.

„Правда“ № 169 от 3 августа 1921 г.

О КРЕСТЬЯНСКОМ СОЮЗЕ

Ряд бандитско-кулацких восстаний, охвативших довольно обширные районы Советской России, требует от всех членов партии знакомства с руководящими силами, идеологией, программой, тактикой и силами Крестьянского союза, под знаменем которого выступает в настоящее время не только партия эсеров, левых и правых, но и откровенные дополнительные белогвардейцы.

Целый ряд документов — официальные циркулярные письма,

инструкции ЦК партии социалистов-революционеров, их статьи в «Воле России», «Народном деле» и других зарубежных партийных органах, воззвания в отдельных, охваченных повстанческим движением районах, показания арестованных членов организаций, — все свидетельствует о том, что руководящую, направляющую, организационную роль играет партия социалистов-революционеров. При этом на практике исчезают все разногласия между отдельными группировками, и правые эсеры савинкового белогвардейского толка, непосредственно связанные с французской биржей, ею субсидируемые, на деле объединяются с черновцами, которые официально, формально, в печати и на собраниях от них отгораживаются. Черновцы на Украине, в Тамбовской, Воронежской, Саратовской губерниях действуют заодно с «левыми» эсерами. На Украине эсеры объединяются с махновцами и с самыми обыкновенными уголовными бандами; в Сибири — с остатками белогвардейских колчаковских организаций. Все эти факты установлены документально. Кронштадт показал, что и организации меньшевиков, официально не раз заявлявших, что они — против вооруженного восстания, что они за советскую власть, — в моменты временного успеха движения действуют также заодно с белогвардейско-эсеровской организацией.

Официально партия социалистов-революционеров давно уже разочаровалась в возможности сломить советскую власть в России путем вмешательства вооруженных сил извне. На деле партия если не в целом, то отдельные ее организации, отнюдь не исключенные за это из партии, принимают самое активное участие во всех походах белых генералов и биржи против Советской России; так было и в армиях Врангеля, Юденича и др. Специально официальные даже органы партии социалистов-революционеров, как «Народное дело», обслуживали до конца это военное белогвардейское движение. Но для партии в целом была уже ясна безнадежность этих попыток. Она учла и то, что внешние нападения сплачивают сильнее вокруг коммунистической партии разнородные элементы пролетариата и крестьянства — и учла это вместе с наиболее дальновидной частью крупной буржуазии; учла великолепно собственнические настроения именно кулацких элементов деревни. Еще в 1918 г. партия социалистов-революционеров давала свои указания своим организациям, что надо готовить «третью силу». Диктатура пролетариата, дескать, непрочна, ее можно будет сбросить (особенно, когда есть «подсобные» силы, вроде французской биржи), а диктатура крупной помещичье-банковской буржуазии непопулярна, пролетариат при огромном экономическом потрясении страны распы-

ляется, слабеет, — за его счет и за счет сломленной крупной буржуазии усиливается крестьянство. На распылении пролетариата, на ослаблении его экономического значения, на экономическом распаде нашего народного хозяйства — вот на чем основывались надежды эсеров. Крестьянство, по их мнению, остается единственным производящим классом, в его руках сосредоточиваются и деньги и другие ценности — вот те радужные перспективы, которые внушают партии социалистов-революционеров уверенность в том, что их время недалеко. В своих резолюциях и инструкциях VIII и IX съезды партии социалистов-революционеров прямо рекомендовали искать опоры в наиболее зажиточных (точнее кулацких) элементах деревни, а в Алтайской губ. даже прямо организовали «комитет противодействия» в совнархозе.

Но так как они были как партия достаточно скомпрометированы в глазах широких масс, в особенности в районах белогвардейской оккупации — в Сибири, в Крыму, в Северно-западном крае и других, так как имя эсеров было в глазах крестьян и рабочих почти синомимом чистейшего белогвардейца-колчаковца, врангелевца, деникинца и т. п., — то надо было выступить под каким-нибудь другим именем. Начинается организация «беспартийного» Крестьянского союза.

Так, в циркулярном письме ЦК партии социалистов-революционеров ко всем местным организациям партии социалистов-революционеров от 13 июля 1920 г. рекомендуется начать работу по подготовке крестьян к организации этого союза. Сначала — вынесение приговоров на сельских и волостных сходах. Прилагается 12 примерных пунктов мужицкой «программы» и рекомендуется именно эти 12 пунктов сделать символом крестьянского настроения. При этом партия социалистов-революционеров знала, что она может найти сочувствие и направо и налево. Она ничем не брезгает. ЦК обращает внимание на то, что в деле пропаганды этого союза организации нашей партии (партия социалистов-революционеров) могут объединиться с целым рядом «соседних» по партийной принадлежности организаций, с которыми их разделяют все более конкретные формулировки общеполитических требований (народовластие, или советовластие, или трудовластие и т. д.).

Одновременно идет организация Крестьянского союза. ЦК партии социалистов-революционеров рекомендует: «Наряду с приговорным движением, способным всего шире охватить массы для одного волеизъявления, в связи с этим движением должно возникнуть другое, более узкое по охвату лиц, но более постоян-

ное по проявлению деятельности. Это должно быть движение по созданию беспартийного крестьянского союза с платформой приблизительно в духе требований приговорного движения (что не исключает дальнейшего развития и конкретизации этой платформы)». Этот союз, для которого ЦК предлагает название «Союза трудового крестьянства», должен строиться снизу путем образования по отдельным селам «братств для защиты народных прав», объединяющихся в волостные, а затем и более мирские союзы. Он должен быть беспартийным, чтобы снова сблизить между собою элементы, распавшиеся после ликвидации Всероссийского совета крестьянских депутатов, либо разошедшиеся по разным партийным группировкам (партийные эсеры, народники-коммунисты, боротьбисты и т. п.), либо отошедшие от всяких партий, или даже ушедшие от политики в «толстовство», в сектантство, в анархизм и т. п.

Партия может оказать помощь дальнейшему строительству этого союза, содействуя образованию из наиболее передовых и влиятельных, выдающихся по своим способностям крестьян разных губерний чего-нибудь вроде временной центральной группы или центрального бюро для объединения местных групп в общенациональном масштабе; при этом партия должна при организации такой центральной группы совершенно отрешиться от партийной узости и исключительности. Однако задача создания центральной группы должна рассматриваться как вторая в порядке последовательности, так как здание крестьянского объединения надо строить не с крыши, а с фундамента. Местным организациям партии ЦК предлагает собрать и доставить ему сведения о крупных личностях из рядов крестьянства, способных стоять на высоте в роли инициаторов всероссийского «Союза трудового крестьянства».

Боясь того, что другие партии могут оказаться во главе этого движения, ЦК партии социалистов-революционеров предлагает «решительно бороться» с превращением этого союза в «чисто крестьянскую партию», так как для него совершенно ясно, что в этом «крестьянском союзе» неизбежно скоро очутятся такие «крестьяне», как Керенский, Авксентьев или Савинков. ЦК в п. 12 циркулярного письма пишет:

«В тех случаях, где популярной идеей беспартийного крестьянского союза пытаются воспользоваться неудачники и отщепенцы разных партий ради того, чтобы создать политическую карьеру на превращении такого союза в новую чисто крестьянскую партию, с особой соответственно разжиженной социаль-

ной и политической программой, этим попыткам должен быть оказан самый решительный отпор».

И наконец заслуживает внимания п. 13 этого письма: «Что касается всяких других, менее определенных и продуманных попыток объединения крестьянства (как например в проекте «профессионально-производственного союза трудового крестьянства»), то ЦК предлагает отнюдь не бойкотировать их, а, напротив, входить в них, чтобы содействовать устранению всякой вредной сбивчивости в принципах их организации и выпрямлению их политики, т. е. эволюции либо в сторону организации беспартийно-политической на указанных выше началах, либо в сторону классово коперативной, собственно экономической организации трудового крестьянства. Таковы начала, на которых ЦК предлагает вести в настоящий момент самую усиленную пропагандистскую, агитационную и организационную работу в деревне. ЦК предлагает вместе с тем всем местным организациям безотлагательно сообщить ему: 1) свои соображения по содержанию данной инструкции и 2) сведения о том, в каком состоянии находится регулируемая этой инструкцией работа».

В этом письме ЦК партии социалистов-революционеров сам вскрывает, расшифровывает, что кроется под «беспартийностью»: в союз должны войти «либо разошедшиеся по разным группировкам («партийные эсеры, левые эсеры, народники-коммунисты, боротьбисты и т. п»., что скрывается под этим «и т. п»., мы отлично знаем на опыте самых причудливых сочетаний эсеров с самой отчаянной белогвардейщиной), либо отошедшие от всяких партий или даже ушедшие от политики в «толстовство», в сектантство, в анархизм и т. п. Так партия социалистов-революционеров официально расшифровывает, что такое «беспартийность» Крестьянского союза.

И опыт только подтвердил, что в лице Крестьянского союза мы имеем новую контрреволюционную организацию, основной чертой которой является непримиримая борьба с диктатурой пролетариата. Эта ненависть к пролетариату естественно сближает организацию и организаторов Крестьянского союза с самыми правыми белогвардейскими элементами.

Раньше всего организация Крестьянского союза окрепла в Сибири. С самого же начала она оказалась там в неразрывной связи с военными белогвардейскими организациями. Установлена прямая связь между организациями эсеров и бывшими колчаковскими карателями-офицерами, которых эсеры еще летом 1920 г., не износив башмаков, в которых сидели в тюрьме *своего* военного министра Колчака, снабжали подложными пас-

портами и помогали другими способами строить свою военную организацию против советской власти. Был создан сибирский центр, в который вошли правые эсеры и один энес; организация создала губернские и уездные центры, причем она связывалась с военными белогвардейскими организациями непосредственно. Организации в Сибири в низах наметились в виде создания ячеек, сельских и волостных, наподобие комячеек, затем районные съезды, связывающие целые уезды, и наконец губернские и всесибирские комитеты. Программа наметилась лишь в самых общих чертах; в общем — это программа эсеров с попыткой восстановить капиталистические отношения. В политической области — в случае успеха восстания — установления диктатуры крестьянства, при которой пролетариату отводится лишь совещательная роль, распускаются его теперешние организации и вводятся «временно» законы Временного правительства Керенского. В подготовительный период рекомендуется захват советов путем вышибания из них пролетарских элементов и замены их зажиточными, кулацко-крестьянскими. «За советы — против коммунистов» — этот лозунг дан был в Сибири эсерами еще раньше, чем в центре. Как видим, кронштадтские лозунги были выдвинуты еще раньше сибирским кулачьем. В виде завершения — Учредительное собрание на основе четырехвостки. Как понималось это, видно из того, что в некоторых местах крестьяне начинали свое выступление митингом, на котором пели «отче наш». Никакой попытки отгородиться от белогвардейских настроений не было и быть не могло.

Между прочим, для характеристики отношений меньшевиков следует отметить, что вождь сибирского крестьянского союза, бывший член северо-западного правительства Игнатьев, обращался к представителю партии меньшевиков, и тот признал организацию такого союза целесообразной.

Организаторами Крестьянского союза в Сибири явились, как мы уже указывали, эсеры. На помощь им пришли колчаковцы. В инициативной группе, по словам упомянутого уже Игнатьева, эсеры и энесы распадались почти пополам. Многих активных организаторов эти партии, по их же признаниям, черпали в «Запкупсбыте» и центральных кооперативных организациях. (Кстати сказать, кооперативы в Сибири в период колчаковщины сыграли самую реакционную роль, поддерживая колчаковщину морально и материально.) Так как в самое последнее время было установлено, что многие кооперативные организации играли роль связующего контрреволюцию аппарата, давали средства, связи и сведения о наших силах не только членам Крестьянского союза,

но сообщали эти сведения и оказывали помощь остаткам белогвардейских банд — Унгерна, Семенова и др. в Монголии, а через них осведомляли и японский штаб, — то что же удивительного, если в Сибири обострилась борьба советской власти против многих активных деятелей кооперации? И что удивительного в том, что кооперация, поддерживавшая Колчака, осталась кооперацией, поддерживающей всякое другое контрреволюционное движение? Богатые мукомолы, маслоделы, скупщики зерна и другие бывшие дельцы в мире богатой сибирской кооперации в Крестьянском союзе видели и создавали опору реставрации капиталистического строя.

Сами эсеры, руководители Крестьянского союза в Сибири, как Юдин, Игнатьев и другие, и не скрывали, что под флагом Крестьянского союза боролись всякие военные группы, руководимые колчаковскими генералами Беловым, Казагранди, офицерами вроде Алферова; устраивали Шемякин суд над захваченными в плен коммунистами и советскими работниками «именем его императорского величества Михаила Александровича».

Установлено, что эсеры в Крестьянском союзе особенно обращали внимание на аппарат связи и хозяйственные органы. В хозяйственных органах, где могли, организовывали открытый саботаж, объединяясь в этом деле с самыми откровенными белогвардейцами; где открытый саботаж проводить было трудно, там вели его систематически скрыто. Выяснилось во время недавних транспортных затруднений на Сибирской железной дороге, что чья-то злая рука систематически загоняла паровозы в один конец Сибири, а порожняк — на другой. Когда началось открытое восстание, главное внимание обращено было на перерыв железнодорожной и телеграфной связи. В одной только Тюменской губ. было сожжено несколько мостов. Эсеры, руководившие бандами, ни в какой степени не могут снять с себя ответственности за невероятные жестокости, мучительства, распиливание живых людей, замораживание их голыми в снегу в 40-градусный мороз, ибо они сами вдохновили кулацкую часть населения на эту форму борьбы за диктатуру богатого крестьянства. И все отдельные отговорки и попытки отгородиться являются жалкой попыткой снять с себя ответственность за то, что неразрывно связано с борьбой против коммунистической партии. Эта борьба против коммунистов, против пролетариата неизбежно сплачивает правые, *наиболее зажиточные, а поэтому и наиболее реакционные элементы*. Такова уже логика борьбы против пролетарской диктатуры. Конечно местами эти кулацкие элементы подчиняют своему идейному влиянию и менее зажиточные элементы. Везде, где они

успевают создать военную организацию, эта военная организация сейчас же объявляет поголовную мобилизацию населения от 18 (местами от 16—17) до 50 лет. Во главе военной организации становятся часто белогвардейские офицеры, либо авантюристы эсеровско-махновского типа; были случаи, когда участие в организации этих банд принимали авантюристические элементы из демобилизованных красноармейцев, для которых военное дело стало своего рода ремеслом (см. речь т. Скворцова на X съезде РКП).

Деяния этого Крестьянского союза в Тамбовской губ., в Саратовской и Уфимской, Тобольской, Алтайской и Тюменской войдут в историю контрреволюции в России рядом кровавых страниц. Факты, вроде выматывания у живых еще коммунистов мозга из раскроенного черепа и тому подобные зверства, истребление не только коммунистов, но и сочувствующих советской власти (в одной Тобольской губ. таких убитых самым зверским образом более 500 человек), не только взрослых, но и их детей, — все эти факты показывают истинную природу воплей против красного террора пролетарской диктатуры, свергаемой такими путями. Партия эсеров, стоящая во главе этого движения, вдохновляющая его, пытается жалкими оговорками отделаться от последствий поднимаемого движения. Так сибирский эсер Юдин, организатор и один из членов «Всесибирского крестьянского союза», пишет Чрезвычайной комиссии:

«...мое отношение к начавшимся восстаниям резко отрицательное, хотя, по слухам, они и проходят под лозунгами Крестьянского союза. Вне той работы, которая предполагалась быть проделанной Крестьянским союзом и которая ни в какой мере, за исключением разве Алтайского района, не проделана, крестьянство, оставаясь распыленным, политически и организационно аморфным, *неизбежно окажется слепым орудием в руках разного рода политических спекулянтов и авантюристов, несущих повторение колчаковщины и атаманщины, т. е. ту реакцию и военный деспотизм, от которого недавно избавились.* Я полагаю, что начавшееся движение есть дело рук белогвардейщины, не имеющей и не могущий иметь никакой связи с организациями Крестьянского союза.

Я считаю, что задача демократии в данный момент состоит в объединении для решительного отпора и ликвидации начавшейся белогвардейской авантюры, ибо хотя бы и временное торжество последней несет с собою огромное падение народного хозяйства и политический развал страны».

Над этим признанием одного из вождей эсеровского Крестьянского

янского союза стоит призадуматься. Крестьяне идут с лозунгами и знаменами: «Да здравствует Учредительное собрание». И вдруг оказывается, что оно лишь *«слепое орудие в руках политических спекулянтов и авантюристов, несущих с собою повторение колчаковщины и атаманщины»*.

В чем же дело? А в том, будто бы, что не была еще проделана предварительная организационная работа. Но вот в Алтайской губ. она проделана. И что же? Отличается там движение своими формами, своим содержанием, своей принципиальностью? Ничего подобного! Те же колчаковские офицеры во главе рядом с эсером Новоселовым, анархистом Леоновым, те же невероятные зверства, как распиливание живыми своих противников, та же подоплека-движение идет из богатейшего хлебом Сорокинского района, не выполнившего к тому времени и 3% разверстки, когда кругом в среднем выполнено более 50%, т. е. это *движение богатого против бедного.*

Наивно, когда один из вождей этого движения Игнатьев предлагает примириться с советской властью и в качестве меры к этому предлагает легально созвать съезд этих белогвардейских организаций Сибири, на котором он берется убедить своих сторонников, чтобы они отказались от вооруженной борьбы. Еще наивнее только что приведенное нами заявление другого вождя Юдина: *«Задача демократии в настоящий момент состоит в объединении для решительного отпора и ликвидации начавшейся белогвардейской авантюры, ибо хотя бы и временное торжество последней несет с собой огромное падение народного хозяйства и политический развал страны»*. Ведь сама-то эта авантюра вызвана и создана как раз эсерами, т. е. той «демократией», которую Юдин предлагает объединить повидимому с коммунистами. Нет ничего наивнее такого предложения, чтобы поджигатель тушил пожар вместе с пострадавшими.

Не говоря уже о десятках тысяч погибших с обеих сторон, об уничтожении во многих местах всех общественных организаций, созданных с такими трудностями, о сожженных мостах, испорченных железнодорожных путях, сожженных и расхищенных складах, растащенном бандитами железнодорожном, редком телеграфном и телефонном имуществе, это движение в одной только Сибири имело самые тяжелые экономические последствия, так как приостановка подачи хлеба в центр на 3 недели усилила муки голода в городах, подорвала в них промышленность, лишила возможности засеять десятки тысяч десятин земли; сорваны лесные заготовки, что лишает возможности Сибирь выполнить к сроку чрезвычайно важные экономические строительные железнодо-

рожные и другие работы, которые могли бы обеспечить не только Сибирь, но и Урал лучшим углем Кузнецкого бассейна, не только Сибирь, но и центральные губернии России солью, которой имеется заготовленной в Сибири до $20^1/_2$ млн. пудов.

Мы подробно остановились на «Сибирском крестьянском союзе», так как там он был организован раньше и движение его там было более отчетливым. Да и изучено оно гораздо лучше, чем в других районах. Товарищи на местах не придают особенно большого значения изучению таких фактов. Информация, которую они дают в ЦК, страдает бессистемностью, отрывочностью, случайностью. Никакой цельной картины. Нечего и говорить, насколько это вредно для дела, когда мы почерпаем из эсеровских заграничных газет гораздо более полные сведения, чем из сообщений с мест. Но те сведения, которыми мы располагаем, говорят о том, что и в Тамбовской и в Саратовской, и в других губерниях в основе своей — это движение богатых против бедных. То обстоятельство, что в отдельных местах часть деревенской бедноты, находясь под сильнейшим еще экономическим влиянием богатых крестьян, находясь еще в экономической зависимости от них, идет вместе с богатыми, нисколько не изменяет сущности этого чисто буржуазного, собственнического движения, направленного против коммунизма.

Вот несколько образчиков, взятых из документов эсеровских бандитских воззваний:

«*Наша задача — уничтожить коммунизм*» (воззвание к гражданам г. Тобольска уполномоченного отряда народной армии Желтовского от 22 февраля 1921 г.).

Чтобы убедить крестьян, будто собираемый хлеб идет не на прокормление голодных, этот штаб распространяет воззвание, в котором говорит:

«*И все это кому? Вы думаете для народа, для армии? Нет, нет и нет. Они меняли крестьянское добро за границей на золото, чтобы на случай бегства иметь средства к лучшей жизни...* Ведь вы знаете, что у власти сейчас стоят варвары-коммунисты. А разве для них существует что-либо кроме алчной жадности? Но вот грянул гром, и по воле божьей восстал русский народ. А потому... жертвуйте нам пимы, шубы, шапки, варежки, белье, хлеб, мясо и другие продукты!»

Без воли божьей, как видите, не обошлось здесь, в этом деле, иначе трудно было бы совершить все те гнусности и зверства, которые были совершены под флагом Крестьянского союза и Учредительного собрания. В некоторых местах эсеры начинали выступление с молебна и выступали с молитвою «отче наш».

Попы вообще играли немалую роль в этом деле. Так начальником штаба одного из самых белогвардейских отрядов (в Кокчетавском уезде) был поп. Повторяется почти буквально история (в малом размере) свержения советской власти в Сибири в 1918 г. Как только движение против коммунистов начинается, в нем берут верх самые реакционные элементы: кулачество, купечество, духовенство, колчаковские офицеры. Проявляется антисемитизм.

«*Разве вы забыли, что говорили жиды-шпионы русской армии, когда мы бросали немецкий фронт*»... (воззвание народной армии от 17 февраля 1921 г.).

Эсер Шкуратов (в Самарской губ.) выпускает воззвание: «*Уйдите от власти*» и в нем собственно упрекает нас за то, что нашим союзником является Азия, т. е., что мы привлекли на свою сторону народы Азии, что мы «*продолжали бунтовать Восток, подбивая его на борьбу с европейской культурой*».

Можно ли ярче, полнее, отчетливее подчеркнуть роль партии эсеров как лакея европейской буржуазии, защищающего дело этой буржуазии, «европейскую культуру» против диких народов Азии, которые никак не могут примириться с прелестями этой культуры.

Агитационный отдел (под руководством того же Шкуры-Шкуратова) упрекает коммунистов:

«Помочь трудовику им было некогда, как палачам, нужно было отвоевать мировую коммуну».

В довольно безграмотном «Призыве» некий Хохлов призывает:

Мы свергнем тиранов народа,
Гнездо палачей разорим
И *вместо* насильной *коммуны*
Свободу труда водрузим...

Во всех воззваниях, речах, во всех действиях эта черта ярче всего — ненависть против коммунизма, уничтожение всего, что напоминает о нем.

Тамбовский вождь Крестьянского союза эсеров Антонов призывает *стирать с лица земли* своих врагов, *вместе* со словом «*товарищ*» и их «дьявольской» грамотой, сжигать на месте их трупы, а пепел развевать по ветру.

На движении в Тамбовской губ. стоит остановиться особо. Здесь необходимо прежде всего отметить то, что сами коммунисты благодаря прекраснодушию дали возможность эсерам организовать выступление.

Кто такой Антонов? Антонов — старый эсер. Это не помешало ему занимать должность начальника Кирсановской уездной милиции и при Керенском и при большевиках. Он пользовался всяким случаем конфискации оружия и припрятывал его для эсеровской организации. Был случай кражи оружия со складов, но его замяла комиссия, тоже состоявшая на две трети из эсеров. Наконец когда за ним стали уже наблюдать, он это заметил и, получив месячный отпуск, скрылся.

В Тамбовской губ. осколки эсеровских организаций использовали целиком тяжелое положение республики и сумели поднять сначала более кулацкие элементы, дезертиров, собрать вокруг себя уголовных, а затем террором мобилизовали значительные силы крестьян.

Само собою разумеется, Антонову большую услугу оказали те неумелые работники, которые озлобили без нужды крестьян; нет также сомнения в том, что в наших советских органах немало людей, которые ставят себе прямую задачу — вызвать такое озлобление, заранее подготовляя почву для возмущения. Чтобы привлечь на свою сторону всех недовольных, эсеры изображают конечно дело так, что советская власть еле держится, что она уже во многих местах пала, что большевики-коммунисты никакой силы не имеют. Организуются убийства коммунистов и сторонников советской власти. Разграбленное добро совхозов, кооператива или советского склада раздается крестьянам, и каждый такой факт широко раздувается как средство помочь крестьянам (не только берем, но и даем, дескать). Конечно на первых порах, когда можно грабить заготовленные советами запасы, когда численность не так велика, а сопротивление, им оказываемое, слабо, бандиты имеют успех: ведь им обещают избавить их и от трудповинности, и от разверстки, и от необходимости воевать. Антонов так воспевает этот первый период, когда эсерами вырезаны коммунисты:

Новой жизни занимается заря,
Цветок красный «Коммуннистик» уж отцвел,
И начал кругом облетать.
«Народник» же весело зацвел
И спешит разноцветные розы укреплять...

Какие же розы укрепили антоновские бандиты?

Только за январь месяц разрушено 7 совхозов, попорчено 11 железнодорожных станций, разрушено 3 моста, испорчен путь на 12 пролетах, а убийствам, самым свирепым и гнусным, трудно даже произвести точный подсчет. Таковы «народнические розы». И крестьяне скоро почувствовали, разобрали, что они пахнут не

только кровью, но несут им разорение во сто раз горшее, чем то, что они пережили.

По мере того как истощались средства бандитов, а силы советской власти сосредоточивались для борьбы, бандиты все чаще и больше должны были у крестьян брать. Мобилизация всего взрослого населения, требования на фураж, продовольствие, отбирание подушек (для седел), лошадей и сбруи, — все это убеждало крестьян, что бандитизм несет им разорение и смерть. Особенно это обнаружилось к весне, к посевной кампании. Антоновцы препятствовали пахоте и засеву полей. Были случаи убийства крестьян, выехавших на пашню, так как в желании крестьян засеять землю эсеры видели сочувствие советской власти. Недовольство бандитами среди крестьян стало возрастать. Тогда начался террор по отношению к селам, районам и отдельным крестьянам за сочувствие советской власти. Не встречая радушного приема, эсеры просто перешли к самым безудержным мобилизациям, реквизициям, террористическим убийствам. На крестьян производило большое впечатление то обстоятельство, что в местностях, где бандитизм уничтожен советской властью, коммунисты прежде всего занимаются не актами мести, а, наоборот, помогают крестьянам поправить причиненное бандитами зло, оказывают всяческую помощь засеву полей даже в тех селах, где бандитам оказывалась активная помощь.

Эсеровская литература, распространяемая в районах деятельности Крестьянского союза, не в состоянии удержаться на высоте даже той архибуржуазной «программы Союза трудового крестьянства», которую мы здесь прилагаем. Приспособляясь к чисто кулацким элементам, привлекая на свою сторону уголовных и дезертиров, не брезгая союзом с колчаковцами и попами, эсеры и здесь, как и в Сибири, становятся на путь Союза истинно русских людей.

В том же стихотворении, где Антонов воспевает гибель красного цветка «Коммунистика» и расцвет желтых роз «Народника», рассказывается:

Антонов пред народом молебен отслужил,
Сам крестом свою рать осенил...
Он борется во имя веры, родины и правды...

Отсюда конечно не далеко и до «бей жидов». Такие ноты мы встречаем в ряде документов как Антонова, так и его сподвижников.

В Саратовской губ. эсеры искали опоры не только в зажиточном крестьянстве, но также и в бывших судовладельцах. Эти су-

довладельцы явились наиболее горячими сторонниками и «беспартийного» Союза трудового крестьянства и кронштадтских лозунгов.

Банды Попова и др. в этой губернии мало чем отличаются от антоновцев, Маруси, Карася, Щуся и прочих славных корифеев полууголовного эсеро-махновского мира. Тов. Зимин подводит в «Правде» итоги их «работе»:

«Играя на голоде и провоцируя на выступление на этой почве, эсеры грабили хлеб, предназначенный для рабочих.

Этими же бандами сорвана, если не полностью, то в значительной части посевная кампания.

Семенной фонд не смог быть своевременно перевезен и распределен вследствие боевых действий с бандами. Часть семенного фонда разграблена. Тем самым подорвано крестьянское хозяйство на ближайшие годы — подорвано под руководством партии, называющей себя партией трудового крестьянства.

Убито и изрезано значительное число не только коммунистов, но и честных беспартийных работников. Зверства и мучения, перенесенные несчастными, попавшими в руки озверелым судовладельцам, кулакам и эсерам, не поддаются описанию.

У живых отрубали уши, нос, руки, половые органы и лишь после этого добивали, выковыривали глаза, ложкой из разбитого черепа доставали мозги, связанных еще живых бросали к свиньям вместе с едой.

Это проделывалось под руководством партии, громче всех кричащей об ужасах «большевистского террора».

В крупном селении Баланда имел место характерный случай. Когда банды заняли селение, в котором находится элеватор с очень большим складом хлеба, крестьяне сами не дали бандам его разграбить и своим враждебным отношением вынудили банды удрать раньше, чем подоспели советские войска».

Таков этот Крестьянский союз. В общем и целом он повторяет то, что делают подобные же «крестьянские союзы» в других странах; его борьба — борьба против пролетариата. Таков Болгарский крестьянский союз, таков союз в Венгрии и Баварии. Это — союзы собственников, задача которых — бороться против коммунизма, против пролетариата. Такой союз в России — опора реакции для всей Европы, для пролетарского движения всего мира.

Вот почему с таким сочувственным интересом относится к нему почти вся правая пресса за границей, вот почему так одобряют его и помогают ему кадеты. Фактически тот союз, который был заключен в Париже между эсерами и кадетами, проводится в жизнь в Саратовской, Тамбовской, Воронежской губ. и Сибири.

В одном из воззваний эсеры убеждают крестьян, что помощь из Парижа уже не за горами.

«Знайте, что к вам на помощь идет ваша крестьянская (!) партия социалистов-революционеров. Только на-днях закончился в Париже съезд членов Учредительного собрания, на котором большинство решило всячески поддержать социалистов-революционеров, а эти, устами лучших своих вождей — Чернова, Керенского, Авксентьева, объявили, что будут вести вооруженную борьбу с большевиками. Итак, помощь не за горами».

Надо ли указывать, что мы должны вести с этим союзом самую решительную беспощадную борьбу. Всякие следы этой организации должны быть уничтожены, иначе взойдут опять антоновские «разноцветные розы» в виде массовых убийств и хозяйственного разрушения целого края.

Даже в среде эсеров мы встречаем отдельные группы, сознающие реакционность подобного движения. Так член ЦК Веденяпин пишет в сентябре 1920 г.:

«Анализ современного настроения народных масс, выявляющих огромное недовольство существующим положением вещей главным образом на продовольственной почве, нисколько не отвергает той мысли, что поднять массы сравнительно не трудно и возможно распространить это движение на большой даже район, но к такому *движению сразу примкнут все правые группировки, повторится в лучшем случае заволжская история,* так как за *спиной правых непременно будет стоять Антанта* со своей политикой, склонная всегда во имя собственных интересов сокрушить не только большевиков, но и нас. В результате, в данное время при данном соотношении сил, *политика открытой активной вооруженной борьбы может или только питать начинающий разлагаться большевизм или проложить дорогу реакционным российским силам с воинствующим империализмом Антанты в тылу.* При таких условиях думать *о каком-либо выступлении более чем странно; это только сознательно расчищать своими силами дорогу политическим группировкам из лагеря реакции и реставрации. Это теперь до очевидности ясно*».

Да, это теперь до очевидности ясно.

Лучшим средством борьбы с такими организациями у РКП остается намеченный уже нами путь: неуклонное и систематическое проведение нашего соглашения с крестьянством, нашей экономической политики, организация самой всесторонней помощи деревне, даже тех местностей, где оказывалась помощь бандитам, одновременно с беспощадным уничтожением всяких эсеровских гнезд; самая тщательная проверка состава тех органов советской

власти, которые непосредственно соприкасаются с крестьянами.

Стоит отметить особо перелом, который наблюдается в некоторых местностях, где еще недавно бушевали учредиловско-белогвардейские джеки-потрошители. В некоторых местностях Алтайской губ. замечается необычайный рост коммун и приток крестьян в партию. Целые волости «записываются в коммуну». Происходит это, как нам передают, таким образом, что все население района соглашается вести общее хозяйство, причем образуются сами собой две группы: группа богатых и группа победнее. Снимается вывеска с волсовета и заменяется новою: «Трудовая коммуна такой-то волости». Председатель исполкома переименовывается в председателя такой-то трудовой коммуны. Причем сами крестьяне объясняют это так: «Ну, что же, мы боролись против коммуны, коммуна победила. Стало быть теперь должны быть все в коммуне». Конечно здесь пока только внешнее признание определенного факта, но это признание чрезвычайно ценно, оно означает очень большой сдвиг в психологии крестьянства, убедившегося, что оно имеет дело с крепкой организацией, а не со случайным наростом, как в этом его пытались убедить эсеры. *Надо чрезвычайно осторожно относиться к факту массового наплыва в партию крестьянских элементов;* такие факты наблюдаются не в одной Алтайской губ., а местами и в Тюменской и в других, где еще недавно сотни коммунистов погибли мученической смертью, запытанные озверелыми бандами. Не надо ни в какой степени обольщаться этим наплывом в партию и чрезвычайно тщательно процеживать всех, *кто идет в партию после подавления восстания* в данной местности. Малейшее сомнение в искренности намерений, малейшее подозрение, что человек принимал участие в борьбе против нас, должно удерживать от принятия таких членов в партию. Этим мы укрепим уважение к нашей партии, крестьяне сумеют оценивать эту осторожность и одобрят ее.

Необходимо тщательно изучить это движение, знакомиться самым внимательным образом со всей его организацией, со всеми его проявлениями. Это еще до сих пор не осознано на местах.

В переходный период, переживаемый нами, такие движения будут тем опаснее, чем меньше мы будем знать его корни, его развитие, его силы и средства.

„Вестник агитации и пропаганды" № 11—12 за 1921 г.

ОБЩЕЕ ДЕЛО КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Дело Виктора Чернова и К° стало делом всей объединенной реакции. На защиту его выступили не только герои и вожди II и $2^1/_2$ Интернационалов, не только убийцы Либкнехта и Розы Люксембург, не только предатели английских, американских, немецких, французских рабочих, не только бывшие и настоящие королевские министры и лакеи вроде Вандервельде и Гендерсона, не только кадетствующие помещики Деникина и Врангеля, но и откровенные монархисты, суворинцы, нововременцы. Для облегчения борьбы кадеты передают В. Чернову свою газету «Голос России», в которой бездарный, обанкротившийся политикан, бесчестный интриган Чернов лжет за двоих, изворачивается, обливает грязью тех, кто отрекается теперь от солидарности с Центральным комитетом партии социалистов-революционеров, кто не хочет играть роль наемных слуг у Антанты по части убийства вождей пролетарской революции, по части устройства контрреволюционных заговоров, бандитских налетов, экспроприаций, взрывов и пр. в истерзанной империалистами голодной стране.

Только слепой не видит низости падения партии эсеров. От Циммервальда и Кинталя (а ведь Чернов в Учредительном собрании козырял Циммервальдом — это уже после того, как он искал в ставке реакционных генералов в Могилеве опоры против советов) — до «Голоса России», до субсидирования партии французской миссией, до уголовных взломов общественных касс, до подлого, трусливого отказа от своих собственных политических актов террора — какой поворот! От этого поворота стошнило всех честных, искренне преданных революции членов партии эсеров, потому что рядом с бесчестными политиканами Черновыми, Авксентьевыми, Зензиновыми, господами «Гоцами и Высоцкими», уходящими корнями крепко в капиталистические круги, с ними крепко связанными, — были ведь и искренние революционеры — Коноплевы, Семеновы, Краковецкие, Молотковские, Игнатьевы, Юдины, Фишманы, Либерманы и др. Этих людей тоже стошнило от политики Центрального комитета партии социалистов-революционеров в пролетарской революции. Они больше не захотели служить контрреволюции. Они ушли из партии. И многие из них в своей искренности хотят быть последователь-

ными. Они не хотят скрывать ошибки свои и партии, но — что гораздо важнее, — не хотят скрывать *преступления* своей партии. А так как эти преступления партии эсеров являются в то же время преступлениями всей буржуазии, то конечно дело Виктора Чернова и К° становится также «общим делом».

— Ренегаты! — вопит Виктор Чернов по адресу тт. Васильева-Семенова и Лидии Коноплевой и пишет об этом в том самом «Голосе России», где до сих пор еще пахнет Милюковым-Дарданельским.

— Ренегаты! — вторит ему кадет Гессен, ибо Семенов и Коноплева больше не хотят быть игрушкой в руках кадетов.

— Ренегаты! — подпевает «Новое время», ибо Виктор Чернов и К° в конце концов делают ведь дело самой махровой буржуазии, прокладывают дорогу черной сотне.

Стоит только вслушаться в этот хор, чтобы еще более убедиться в том, как неизбежно полное крушение дела Виктора Чернова, как неизбежен, обязателен уход из партии эсеров всего, что сохранило в себе искреннюю преданность революции. Пусть эти люди годами ошибались, пусть делали тягчайшие ошибки. Но что это за «клятва крови», которую нельзя нарушить членам партии эсеров, когда они видят, как Центральный комитет партии социалистов-революционеров стал явно контрреволюционной организацией! *Не только могут — они обязаны нарушить все обязательства по отношению к организации, враждебной революции.* Семенов и Коноплева были бы жалкими трусами и укрывателями гнуснейшего блока «Воли России», «Голоса России», «Руля», «Нового времени» и бурцевского «Общего дела», если б они не разоблачили сейчас Виктора Чернова и К°.

Тревога Чернова понятна каждому. Он знает, что разоблачения Семенова и Коноплевой — только начало. Недавно опубликованы были в сибирских газетах письма бывших эсеров В. Игнатьева, члена Архангельского правительства, соратника Чайковского, и Ивана Юдина — оба они были организаторами Сибирского крестьянского союза, который сразу же сделался опорой всех колчаковских элементов. И совершенно естественно, если активные революционеры, порывая с партией эсеров, считают своим элементарным долгом рассказать о преступлениях, которые совершались под флагом партии, которой они служили до момента полного с нею расхождения, с кем связана эта партия и кому она служит.

Стоит сравнить полное революционного достоинства открытое письмо Лидии Коноплевой к Виктору Чернову и жалкие увертки этого действительного ренегата революции, чтобы сразу почув-

ствовать, на чьей стороне моральная правда, на чьей стороне искренность, на чьей стороне политическая честность: она так же мало пристала Виктору Чернову, как и «Новому времени», которое солидарно с Черновым в нападках на тт. Семенова и Коноплеву.

Семеновы и Коноплевы хотят делать общее дело с революционным пролетариатом и крестьянством. Черновы делают общее дело контрреволюции в блоке с нововременцами и кадетами. Всякий честный рабочий и крестьянин это поймут теперь, когда Чернов и К° делают невероятные усилия уйти от гласного суда, а Семенов и Коноплева отдают на суд всей трудовой России поступки свои собственные и той партии, которая обманула их и всех трудящихся.

„Правда" № 70 от 28 марта 1922 г.

ГИМН КЕРЗОНУ

Дирижер: капиталисты всех стран, в частности лорд Керзон.

Исполнители: почтенные вожди II Интернационала.

Втора: эсеровская газета «Дни».

Все знают, кто такой лорд Керзон.

Свои разбойничьи подвиги в Азии он хотел увенчать не менее разбойничьими подвигами в Европе. Но ему для успеха нужны певцы-трубадуры и просто эсеровские дуры.

Раз речь зашла о походе против Советской России, эсеры тут как тут. Махнул Керзон палочкой, и эсеровские благородные джентльмены из «Дней» пишут хвалебный гимн лорду Керзону. Слушайте.

«Со свойственной английским государственным деятелям чувством действительности он под взбаламученной поверхностью официальной Европы ясно видит подлинный творящий и умиротворяющий процесс жизни» [1].

Так как никто этому поверить не может, то эсеровская прелестница выкидывает такое коленце, что вероятно сам Керзон краснеет; прямо перестаралась прелестница:

«Как это ни покажется некоторым с первого взгляда несообразным, но несомненно одно: *интернационал труда* наиболее вер-

[1] «Дни» № 157, «Навстречу будущему».

ного союзника в борьбе за умиротворение Европы нашел себе в *интернационале капитала*».

Это было бы действительно странно и несообразно, если бы мы не знали, кто состоит в том «интернационале труда», который «наиболее верного союзника нашел себе в «интернационале капитала». Но так как мы знаем насквозь Зензиновых и Черновых из желтого «интернационала труда», то нас нисколько не удивляет этот трогательный союз, ибо мы давно утверждали, что единственный верный защитник капитала против рабочих — это II Интернационал.

Теперь эти людишки прямо и открыто это признают.

Все знают про подлое, насильническое хозяйничанье империалистов. Еще не зажили раны пережитой ужасной бойни, а уже готовятся новые бойни, еще более кровавые. Рур и ультиматум Керзона Советской России — только бледный намек на то, к чему готовятся эти цивилизованные бандиты.

Но эсеры взялись ведь представить ангелами мира капиталистов. Поэтому эсеры поют умиленно:

«История установит умиротворяющую, а следовательно, и культурную роль производящего капитала. Конечно современный капитализм по самой природе своей империалистичен, т. е. стремится к беспредельному распространению своей власти. Но он предпочитает завоевывать вселенную мирными путями, предоставляя все доспехи милитаризма вырождающимся национализму европейских мещан и «социализму нищеты» кремлевских владык».

Один из товарищей недавно жаловался, что в его словаре нет слов, достаточно сильных, чтобы заклеймить подлость деятелей II Интернационала. Но приведенные строки передовой эсеровской статьи ведь подлее подлого. Ведь ничего гаже нельзя придумать, чем этот гимн желтых социалистов во славу современного капитализма, который, видите ли, не в пример кремлевским владыкам, *завоевывает вселенную мирными путями*. А горы трупов, реки крови?! .

Ты скажи мне гадина,
Сколько тебе дадено?

„Правда“ № 129 от 13 июня 1923 г.

30 АВГУСТА 1918—
30 АВГУСТА 1924

Бывают годовщины, все более и более теряющие свое живое содержание, чем дальше отходишь от факта, лежащего в основе их. Бывают годовщины, когда значение этих фактов тускнеет, мельчает и сохраняется только форма.

День 30 августа, день покушения на Владимира Ильича Ленина, относится к другого рода дням. Нет уже в живых Ленина. Нет Ленина, чьей жизни мы в этот день радовались, что выжила его могучая натура, что не убил его отравленный ядом свинец эсеровского браунинга Каплан. Под кремлевской стеной коммунаров Ленин каждый день безмолвно встречает и провожает тысячи проходящих мимо него с глубокой любовью людей. И хотя Ленина нет, и он не может вновь и вновь бросить пламенные мысли свои миру обездоленных, миру труда, но во всем мире имя Ленина стало символом освобождения, призывом к борьбе за коммунизм, к коллективному труду. Все с той же силой, как и прежде, звучат гневные, молниеносные удары его призывов к борьбе, пропитанные трепетом и бурей пролетарской революции, предчувствием, предвидением новых времен, новой эпохи, нового строя жизни.

И сегодня, оглядываясь назад, мы видим, как день 30 августа озарен новыми лучами, упавшими на него от того, что перед нами снова раскрылась в последние дни незабываемая картина этих первых недель, месяцев, годов пролетарской революции. В только что законченном процессе известного террориста и участника всех белогвардейских замыслов против пролетарской революции Бориса Савинкова покушение на Ленина 30 августа получило новое, более полное освещение. Более чем когда бы то ни было раньше стало ясно, что *покушение на убийство В. И. Ленина 30 августа 1918 г. было только одним из звеньев общей цепи, которою пытались задушить молодую Советскую коммуну — в муках и крови рожденную РСФСР — иностранные хищники-капиталисты* в союзе с эсерами — правыми и *левыми*, и меньшевиками, белогвардейскими золотопогонниками-генералами, дворянами-помещиками и капиталистами,

В искренности показаний *этого рода* Бориса Савинкова у нас нет оснований сомневаться. А он самым определенным образом доказал, что *между покушением на Ленина 30 августа 1918 г., ярославским, рыбинским, муромским восстанием, десантами на Белом море, чехо-словацким выступлением, похищением русского золотого фонда из Казани чехами и эсерами и восстанием левых эсеров в Москве (и Муравьева под Симбирском) была тесная связь, что все эти факты направлялись одной волей, одной указкой — англо-французским капиталом.*

В самом деле. Савинков определенно утверждает, что левые эсеры получили деньги от французского полковника Гренера. Лево-эсеровское восстание в Москве *приурочено* было к восстанию на *Верхней Волге* по указанию господина Нуланса. И левые эсеры и Муравьев, попытавшийся увести войска с восточного фронта, и Савинков, и меньшевик Григорьев из национального центра, — все они *творили волю господина Нуланса, волю французской биржи.* Что из того, что Борис Савинков *наивно* повторяет теперь, что он не защищал никогда интересов имущих классов: *все, кто были против нас, были объективно на стороне капиталистов, на стороне буржуазии.* День 30 августа 1918 г. был попыткой завершить эту помощь убийством вождя мировой революции, убийством того, кто вдохновлял на борьбу, кто был самым дальнозорким вождем пролетарской борьбы, чья светлая мысль освещала, осмысливала каждый шаг борьбы, облегчала путь, отыскивая слабые места противника, классового врага.

Что же стало от тех сил, что шесть лет тому назад объединились в ударе бешеной, отравленной ядом ненависти против В. И. Ленина? Они разбиты, они разоблачены. Вся моральная, духовная нищета их, все политическое их убожество перед нами встали во весь рост в эти дни процесса Бориса Савинкова. Генералы, проституирующие родину, готовые ее продать и продающие. Полубандиты и бандиты Балаховичи, которых Пилсудские предпочитают этим генералам. Господа Массарики из II Интернационала, посылающие деньги на террористическую борьбу. Правые и левые эсеры, социал-демократы, меньшевики, к которым их прежний сподвижник питает законное презрение, потому что они — жалкие пустозвоны, никчемные и бездарные нахлебники у буржуазной Европы и Америки, прикармливаемые на всякий случай, проедающие остатки украденного в Казани русского золотого фонда.

Да, трагедия «белая», трагедия «зеленая», говоря словами Б. Савинкова. Разочарование «белое», разочарование «зеленое». И вот один из тех самых непримиримых врагов советской власти,

все эти годы боровшийся с нею всеми средствами, стоит перед всем миром и говорит:

«Я признаю безоговорочно советскую власть и никакой другой. И каждый русский, каждый человек, который любит родину свою, — я говорю ему, — я, прошедший всю эту кровавую и тяжкую борьбу с вами, — я, отрицавший вас, как никто, я говорю ему: если ты русский, если ты любишь родину, если ты любишь свой народ, то преклонись перед рабочей и крестьянской властью и признай ее безоговорочно».

Услышат ли они?

Сегодня, в день 30 августа, рабочие и крестьяне нашего великого Советского союза пусть услышат и этот голос. Мы не мстим, хотя никакое другое правительство не оставило бы в живых Бориса Савинкова.

Пусть рабочие и крестьяне оглянутся назад, на страшный путь, пройденный нами. Пусть вспомнят о кровавой тропе, которая тянется от бывшего завода Михельсона, где стреляли в Ленина, к Кремлю, к могиле Ленина. Пусть не забудут они, какие силы стояли *тогда* и стоят и теперь еще против нас. Пусть с новой уверенностью идут рабочие и крестьяне по пути, завещанному нам Лениным, организуясь, сплачиваясь под его знаменем, преодолевая величайшие трудности, все побеждая. Ибо с каждым днем дело наше, дело Ленина, дело победы труда над капиталом, дело коммунизма крепнет и растет во всем мире.

„Правда“ № 196 от 30 августа 1924 г.

ЗЕЛЕНОЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ

В заключительном своем слове Борис Савинков на суде заявил, что больше всего он боится остаться непонятым: «Я уже сказал, что я знаю ваш приговор и не думаю о нем. Я думаю о другом, я боюсь другого, я боюсь только одного, потому что, как я сказал, с этим тяжко жить, с этим еще тяжелее умирать. Я боюсь только того, что найдутся в России крестьяне или рабочие, которые не поймут меня, которые не поймут моей жизни и которые подумают, что я был врагом народа».

И в другом месте он говорил: «Никогда я не защищал имущих». Савинков не раз настаивал на том, что он думал только о крестьянских интересах, что будто бы с самого начала своего участия в борьбе против большевиков Савинков думал только об од-

ном: о торжестве Учредительного собрания, которое было бы, по его мнению, торжеством крестьянской демократии, и будто бы он только для этого стремился уничтожить власть советов. Мы должны позаботиться о том, чтобы рабочие и крестьяне правильно поняли жизнь и дело Савинкова, чтобы у них не оставалось ни малейших заблуждений относительно того, за что, за кого боролся Савинков.

Мы не говорим здесь о дореволюционном периоде деятельности Бориса Савинкова. Стоит прочесть книги, которые он писал в период упадка первой революции, такие книги, как «Конь бледный», где вся революционная террористическая деятельность объясняется вовсе не интересами народа, не интересами крестьянства, а исключительно благородными чувствами, которые сам же Савинков-Ропшин выражает так:

Если вошь в твоей рубашке
Крикнет тебе, что ты блоха,
Выйди на улицу
И убей.

Люди, которых Савинков тогда посылал на смерть, думают подругому, идут из других побуждений. Савинков-Ропшин же говорит: «Я так хочу и так делаю», «на что мне чужое мнение». А теперь, когда позади столько искалеченных жизней, столько преступлений, такая чудовищная сеть измены народным интересам, Савинков приходит на суд рабоче-крестьянской власти и говорит: я — крестьянский демократ и больше всего боюсь того, чтобы кто-нибудь обо мне не подумал иначе.

Но вот пред нами империалистическая война, кровавая бойня, затеянная капиталистами. Савинков объясняет, что он в это время был за границей, во Франции, и был проникнут французской точкой зрения. Какой французской, — тех ли французских рабочих и крестьян, которые братались с немецкими солдатами в окопах, или генерала Фоша, господина Пуанкаре и других французских господ, которые расстреливали этих солдат? *Савинков целиком был на стороне имущих классов, которые заинтересованы в этой войне.*

В России вспыхивает Февральская революция. Савинков помогает Временному правительству в укреплении воинственных настроений, Савинков уговаривает на фронтах солдат наступать до победного конца, Савинков — за беспощадное подавление петроградских рабочих, которые не хотят мириться с наступлением и самой войною, Савинков считает Корнилова самым подходящим человеком для того, чтобы продолжать дело той «демократии», которой служит он, Савинков.

Савинков уверяет нас, что всегда был крестьянским демократом. После свержения Временного правительства, после создания власти советов он едет на Дон, помогает генералам Алексееву, Каледину, Деникину. Он мог бы уже тогда понять, что он защищает дело вовсе не крестьянское, а дело буржуазии. «Я сразу же по приезде, — рассказывает он, — беседовал с покойным Митрофаном Богаевским, я пытался доказать ему, — я об этом очень много и упорно говорил, и это было целью моей поездки на Дон, говорил с Калединым, Красновым, Алексеевым и всеми членами городского гражданского совета, — что совершенно невозможно бороться против вас, не опираясь на крестьянство, что настоящая Россия, в огромной степени — это крестьянство, и что надо бороться с вами, защищая интересы крестьянства для крестьянства и во имя крестьянства, иначе борьба должна окончиться неудачей. Богаевский мне на это ответил и меня это поразило: «Нет, время демократии прошло, мы рассчитываем на буржуазию и казаков».

Так вот рабочие и крестьяне неизбежно поставят вопрос: наверное, крестьянский демократ Савинков, как только услышал это от Богаевского, отказался участвовать вместе с генералами в этой борьбе против советской власти! Нет, не отказался, участвовал, приехал в Москву и стал помогать им, стал собирать людей для организации восстания. Каких же людей стал он собирать — преданных крестьянскому делу, из рабочей и крестьянской среды? Ничего подобного; опять та же офицерщина белогвардейская, полковник Перхуров, ген. Рычков, отъявленные монархисты, отъявленные старорежимники. Да, конечно они были за Учредительное собрание. Но Савинков знал, что Перхуров через Учредительное собрание хочет добиться восстановления власти помещиков. Когда был разгромлен и залит кровью Ярославль, может быть в это время Савинков подумал о том, что он ведет войну против русского народа? Нет, он поехал в Казань помогать чехам, ибо так хотели французы. Французским капиталистам нужно было восстание в Ярославле — крестьянский демократ Савинков им помогает. Понадобились его руки в Казани — и он в Казани. На Дону «тайное боже царя храни», а в Казани разве другое?

После Казани — Колчак. Уж не он ли был крестьянским демократом? Не Колчак ли, кровью заливший крестьянские поля Сибири? А Савинков в Париже — доверенный Колчака! Подумаешь, какой крестьянский демократ!

Потом польский генеральный штаб, помощь полякам и помощь Врангелю и опять и опять соратники Савинкова — ген. Черемыкин и Булак-Балахович. Уже в это время Савинков мечтает о чи-

сто зеленом движении, т. е. о том, чтобы поднять чисто крестьянские восстания. Об этих сподвижниках своих в этом деле сам Савинков повествует: «Я удалил ген. Глазенапа, но на его место был назначен ген. Бобошко, такой же золотопогонник, как Глазенап. Я удалил ген. Бобошко, и на его место стал ген. Перемыкин — тоже золотопогонник, как и оба первые. Не было никакого выбора: или — золотопогонные генералы, или просто бандиты. Я вызвал тогда Пилсудского, и Пилсудский поставил мне такой вопрос: почему вы не имеете дела с Балаховичем? Я ему сказал то, что я думал про Балаховича, т. е. что Балахович — бандит. Помню, он рассмеялся и сказал: «Да, бандит, но не только бандит, а человек, который сегодня — русский, завтра — поляк, послезавтра — белорусс, а еще через день — негр».

Всякий крестьянин и рабочий подумает: наверно после этого Савинков плюнул на Пилсудского, на всех этих бандитов и полубандитов и отказался от такого подлого дела! Нет, Савинков признается в другом: «Я познакомился, — говорит он, — с Балаховичем и вынужден был его назначить». А чем был поход Балаховича — с грабежами, с поркою крестьян, с погромами, с зверствами, неслыханными пытками, вплоть до сжигания на кострах, — об этом лучше знают сами крестьяне. Напрасно Савинков сейчас говорит: «Как мог я допустить, что эти люди в значительной мере просто сделаются полубандитами, а иногда и бандитами, я этого предвидеть не мог, многое делалось не так, как я хотел, а как раз наоборот». Вот именно так, делалось как раз наоборот, — а именно так, как хотел этого англо-французский капитал.

И крестьяне и рабочие поймут теперь яснее, что и белое и зеленое движение — только разные способы вернуть к власти генералов, помещиков. Лучше всего это доказал сам «крестьянский демократ» Борис Савинков. Сейчас Борис Савинков дело изображает так, как будто бы он пошел в этот балаховский поход со стесненным сердцем. А зачем же шел? — может спросить всякий рабочий, крестьянин. «Я помню, — вспоминает он, — как я вошел в белорусскую деревню, где-то во мху, в лесу. Ко мне подошли крестьяне; я, помню, задал такой вопрос: «Врангеля вы знаете?» Имейте в виду, что я в того Врангеля верил, во Врангеля вся эмиграция верила (т. е. живущие за границей помещики и генералы), иностранцы верили (вот видите, даже иностранцы верили. — *Ем. Я.)*. Я помню, стоял там седой старик, посмотрел и говорит: «как же, Врангеля знаю». — «Что же вы думаете о нем?» Он махнул рукой: «пан». И тогда для меня совершенно и безусловно стало ясно, что Врангеля нет».

Ушел ли после этого Савинков от белогвардейщины? Нет, не ушел. Нет, он после этого пишет открытое письмо ген. Врангелю, в котором превозносит его. «Мы, русские патриоты, без различия партии, — пишет он, — монархисты, республиканцы и социалисты (как видите, все у них спутались. — *Ем. Я.)*, видим в вас носителя русского национального флага, мы желаем вам и вашей доблестной армии полного успеха в святом деле освобождения родины от большевиков».

*

Все это в прошлом. Сейчас пред нами проходят все эти дела Савинкова, дела многих Савинковых, которые прикрывали свою борьбу то пышными словами родины и свободы, то Учредительным собранием, то защитой крестьянских интересов, то, в самое последнее время, советской властью без большевиков. Рабочие, крестьяне должны знать, что всякое зеленое движение, т. е. всякая попытка направить крестьян против рабочих, разделить крестьян и рабочих, есть не что иное, как попытка предать и рабочих и крестьян в руки помещиков.

В вышедшем недавно журнале «Жизнь» бывший социалист-революционер Иван Вольнов рассказывает, что он пережил под Самарой:

«Снилось ли мне, — спрашивает он, — 16 лет назад, за тюремной решеткой, что я увижу русскую мастеровщину и русских мужиков, свободно под музыку расхаживающих по большому губернскому городу с красными знаменами в руках и во всю глотку горланящих сердитые песни, которые мы бывало передавали друг другу на ухо, — снилось ли? Идут чумазые, потные, распоясанные, прозревшие, кричат неистово: «Это есть наш последний, решительный бой». Со всеми, на всех — смерть или победа!

Снилось ли, что они будут идти по зубы вооруженными, что у них будут пушки, гранаты, аэропланы, танки, железные дороги, радио, телефоны и броневики, деньги, дредноуты, подводные лодки, — снилось ли?

Не снилось. Иначе ужас прошлого не казался бы таким тяжелым.

И снилось ли, могло ли сниться, что в эти великие страшные дни я, жизнь и душу отдавший народу, пойду вместе с попами, царскими офицерами, помещиками, казаками, палачами первой русской революции, вместе с деревенскими лавочниками, урядниками, и пойду усмирять освободившихся из ярма братьев своих, этих чумазых, этот «обнаглевший негосударственный сброд», — снилось ли?

Не снилось. Не могло сниться. Не должно сниться. Это — безумие или кошмар или подлость. Не снилось.

«Красноармейцам — земля и воля,
Попам-буржуям — черная доля».

А мне — пуля в спину, как казнят итальянцы самых подлых, самых презренных изменников отечества».

Этот вопрос задает и Савинков: «Как произошло, — спрашивает он, — то, что я, Борис Савинков, друг и товарищ Ивана Каляева и Егора Сазонова, сподвижник их, человек, который участвовал во множестве и множестве покушений при царе, — как случилось, что я сижу здесь, на скамье подсудимых, и вы, представители русского народа, именем его, именем рабочих и крестьян судите меня? За что? За мою вину перед крестьянами и рабочими».

Мы можем ответить Борису Савинкову. Это случилось потому и оттого, что никогда Борис Савинков не понимал, в чем заключаются интересы рабочих и крестьян. Что всегда Борис Савинков боролся за установление буржуазно-демократического порядка. Самая эксплоататорская республика, вроде французской, казалась ему до самого последнего дня идеалом. Уже будучи арестованным, он писал, что у него остались только идейные разногласия: *диктатура пролетариата или свобода.* Это у нас — диктатура пролетариата, а в других странах, видите ли, — свобода. То, что случилось, случилось оттого, что Савинков защищал интересы имущих классов, и напрасно он сейчас старается представить дело так, что основа его движения была — крестьянская демократия. Крестьяне и рабочие на опыте савинковского дела поймут, куда заводят такие крестьянские демократы, как Борис Савинков. Если бы крестьяне и рабочие хотя бы на время доверились таким крестьянским демократам, они бы очень скоро почувствовали тиски, на которые жалуется теперь Борис Савинков, — тиски иностранного капитала.

Борис Савинков боялся, что рабочие и крестьяне его не поймут. Мы считаем себя обязанными сделать все, что в силах, чтобы рабочие и крестьяне до единого поняли, какая цена его разговорам о свободе, о защите крестьянских интересов, о крестьянской демократии.

Вот почему мы думаем, что было бы лучше, если бы Борис Савинков, вспоминая о своих делах недавно минувших дней, оставил в покое Ивана Каляева и Егора Сазонова и постарался бы понять, что его «зеленое разочарование» оттого, что он с самого начала защищал негодное дело, вредное интересам рабочих и крестьян.

„Правда“ № 198 от 2 сентября 1924 г.

БАРСКИЕ БЛАГОДЕТЕЛИ

(О БОРИСЕ САВИНКОВЕ)

Наверное кое-где до деревни дошли уже вести о том, что советская власть арестовала Бориса Савинкова, что военный суд присудил его к смерти и Центральный исполнительный комитет СССР постановил заменить ему смертную казнь 10 годами тюремного заключения. В газетах об этом помещены были подробные отчеты, и речь Савинкова на суде, и его показания, и приговор, из которого видно, какие преступления перед рабоче-крестьянской властью совершены были Борисом Савинковым. Крестьянам надо знать об этом деле потому, что Борис Савинков все свои дела прикрывал народными интересами, себя выставлял крестьянским защитником. В последнем своем слове на суде он, ожидая смертной казни за свои дела, говорил, что будто ему всего тяжелее думать не о смерти, а о том, что найдутся такие рабочие и крестьяне, которые не поймут, за что он умирает.

Как видите, помереть ему не пришлось еще (как в песне поется: «Устюшкина мать собиралась умирать — помереть не померла, только время провела») и помереть не пришлось потому, что советская власть вовсе не мстит, она только того предает смертной казни, кого считает для рабочего и крестьянского государства опасным. А раз Савинков на суде заявил, что он в своем прошлом раскаивается, что он безоговорочно признает советскую власть и только ее одну и к этому призывает и других, раз Савинков на суде уличил всех, кто ему помогал, то советская власть не имеет нужды уничтожать этого человека.

Однако хотя и мягкий был приговор советской власти, этот приговор вбивает осиновый кол в барское дворянское дело; хотел или не хотел этого Борис Савинков, а именно этому барскому дворянскому делу он служил.

В самом деле, кто такой Борис Савинков? При царе он, вышедший из чиновничьей семьи, считался революционером, принимал участие в убийстве царского министра фон-Плеве, великого князя Сергея, генерал-губернатора Дубасова и во многих других покушениях и даже одно время готовился взорвать яхту-корабль, на которой плавал царь, был приговорен даже к смертной казни за убийство адмирала Чухнина, но бежал из тюрьмы. Все это ему

создало в прежнее время славу защитника народных интересов, потому что он был против тех, кто угнетал народ. Но вот начинается империалистическая война, та грабительская война, которая унесла миллионы людей и которая была затеяна помещиками и капиталистами для наживы, для ограбления. И вот Савинков в этой войне начинает помогать Антанте, т. е. английскому, французскому и другим правительствам, отдает свой ум, свои знания, свои таланты на то, чтобы защищать эту войну. После свержения царя, когда образовалось Временное правительство, Савинков приехал в Россию и здесь он все время помогал уговаривать солдат воевать до победного конца за французских, американских и английских капиталистов и, когда против этого поднялись питерские рабочие, Савинков требовал, чтобы их беспощадно расстреливали как бунтовщиков. Когда ген. Корнилов поднял свой мятеж и всем было ясно, что это поднимает голову дворянство, Борис Савинков стал на сторону Корнилова. Он помогал Керенскому вернуть власть, но из этого ничего не вышло. Тогда он получил деньги от чехо-словаков, чтобы убить Ленина. Этого ему сделать не удалось. Тогда французское правительство через своих генералов передало ему несколько миллионов рублей и другие средства, чтобы устроить восстания в Ярославле, Рыбинске, Муроме. Это было в 1918 г .Вы знаете, чего стоило это восстание, разрушили и ограбили г. Ярославль и сколько народу погибло из-за этого восстания. Потом Савинков отправился в Казань и сам рассказывал, как он там подготовлял уничтожение рабочих и крестьян, которые защищались против чехо-словаков. Он помог чехам и эсерам вывезти деньги из Казани, золотой запас, который нами был там спрятан, чтобы его не увезли немцы, и таким образом помог ограбить нашу страну иностранцам. Потом его помощь на Дону добровольческой армии генералов Каледина, Богаевского и Деникина. Сам же он рассказывает, что ему было ясно, что эти люди защищают не крестьянские интересы, а интересы богатых казаков и буржуев.

Процесс Бориса Савинкова является одной из ярких страниц борьбы советской власти с силами объединенной реакции. То, что самая отъявленная контрреволюция, то, что самые неприкрытые монархисты, прожженные мошенники, вроде Пуанкаре, фашисты вроде Пилсудского, избрали своим орудием бывшего террориста партии социалистов-революционеров, — это вовсе не случайность. На наших глазах произошел этот процесс объединения всех антибольшевистских, антикоммунистических сил. Буржуазия была бы безнадежно глупа, если бы она не сумела выдвинуть на аванпосты людей с «хорошим именем», с револю-

ционной фразеологией, с демократической репутацией. Отъявленным мошенникам народ не поверит. Черновым и Савинковым кое-кто еще поверит. Если весь II Интернационал является в настоящее время лишь придатком в буржуазной диктатуре, лишь органом, содействующим укреплению этой диктатуры, то буржуазия все же нуждается в людях, которые буржуазные интересы затушевывают словами о родине, о свободе и тому подобных хороших вещах. Таким человеком был Борис Савинков, соединивший в себе уменье конспиратора-заговорщика, беззастенчивость в средствах для достижения цели с революционной фразеологией и именем врага «старого режима» (в прошлом).

Издавая материалы, относящиеся к процессу Бориса Савинкова, обвинительный акт, показания Савинкова, стенограмму (почти полная) судебного заседания, речь на суде, приговор по делу Савинкова и ряд статей, дающих оценку как этому процессу, так и всей деятельности Бориса Савинкова в целом, мы хотели бы помочь тем рабочим и крестьянам, которые еще не научились различать, что скрывается за словами меньшевиков и социалистов-революционеров о свободе, что скрывается за их ненавистью против диктатуры пролетариата.

Урок, данный Савинкову, гласит так: «либо диктатура пролетариата, либо диктатура буржуазии» — третьего исхода нет. Кто против диктатуры пролетариата, тот за диктатуру буржуазии. За словами о народовластии, за Учредительным собранием, за советами без коммунистов и другими лозунгами, выдвинутыми за это время контрреволюцией, скрывается хитро притаившаяся диктатура буржуазии. Вся история борьбы Савинкова этому яркий пример. Он неизменно попадает в руки самых отъявленных контрреволюционеров, хочет он этого или не хочет. И когда он на суде восклицает, что его со всех сторон стиснули иностранцы и иностранцы, т. е. иностранные капиталисты, помещики и банкиры, он этим сейчас предостерегает всех трудящихся, которые верили ему и ему подобным.

Процесс Савинкова — это есть процесс развала, распада, еще недавно сильной эмигрантской клики, которая собралась за границей с тем, чтобы оттуда с помощью ненавидящих нас капиталистов всего мира организовать нападение на Советскую страну.

В 1921 г. Савинков уже чувствует себя среди этой эмигрантщины в царстве теней. «В царстве теней» так озаглавил он свою статью, напечатанную в № 100 «Свободы» (8 мая 1921 г.). Он спрашивал тогда: «Но ведь если бы русский народ, рабочие, казаки и крестьяне ощущали эмигрантов, как любимых своих сынов, очутились ли бы мы за границей? Ведь нас не защищала де-

ревня, не защищали фабрики, не защищала Красная армия, а сами мы защищаться не смогли, не сумели».

В сентябре 1924 г., когда дело Савинкова обнажено перед всей рабоче-крестьянской Россией, рабочие и крестьяне видят это царство теней во всем его безобразии, и если еще в этом царстве теней есть хоть что-нибудь живое, хоть что-нибудь честное, способное принести пользу рабоче-крестьянской России, — эти люди должны будут уйти из царства теней, навсегда оставить мысль о борьбе с СССР.

Дело Бориса Савинкова тем и важно, что оно обнажает социальные корни борьбы этих лет, срывает все прикрасы с дела контрреволюции, которыми это дело прикрывалось в своей борьбе против диктатуры пролетариата.

Когда Колчак залил крестьянской кровью Поволжье, Урал и Сибирь и увез русский золотой запас из Казани, Савинков, вы думаете, пошел против Колчака. В том-то и дело, что этот горе-защитник крестьянский сделался уполномоченным Колчака в Париже, обивал пороги у французов и у других правительств, уговаривал их послать побольше войск и оружия против России. Потом поехал в Польшу и стал строить армию в помощь полякам и Врангелю. Сам же он рассказывает, что встретил крестьянина и спросил его, знает ли он Врангеля, а крестьянин ему сказал: «Как же не знать, знаю — пан». С кем же пошел Савинков? Да с этим самым паном — Врангелем против крестьян и рабочих нашей страны. Конечно он говорил, что идет против большевиков. Так говорят все белогвардейцы, не один Савинков. Когда они вели войну против нас на Волге, в Самаре, Казани, они тогда говорили, мы ведем войну против немцев. А где они там немцев видели? А разве чехи у нас против немцев воевали, разве не русских убивали они? Так и Савинков, — слова одни, что против немцев, а на деле была война против рабочих и крестьян, которые свергли царскую и барскую власть. Уже после перемирия с поляками Савинков пошел с Булак-Балаховичем и ген. Перемыкиным новым походом. На этот раз прикинулся он защитником родины и свободы и хотел вызвать крестьянское восстание, и сам же Савинков теперь признает, что это были просто-напросто бандиты и полубандиты. Так до конца измерил Савинков глубину предательства народных интересов. Хорошо ли ему теперь, к лицу ли прикрываться тем, что он когда-то шел против царя? И тогда он был баричем, который думал облагодетельствовать народ учредилкой. Баричем вошел он и в новую революцию и барские интересы защищал до самого конца.

В последнее время плохо стало дело за границей. Войной против

нас сунуться опасно, да и никто не хочет воевать. Правительства денег дают мало белогвардейцам, действующим против нас. Савинков, как он сам рассказывает, отошел уже немного от борьбы, но потом решил попытать счастья, поехал опять в нашу страну, не удастся ли ему собрать новые силы, чтобы воевать против рабоче-крестьянской власти. Да не дремлет ГПУ. И попал он, как говорится, как кур во щи, прямо на военный суд. Суд, разобравши его дело, считал, что его надо казнить за эти преступления, но так как Савинков раскаялся в них, признал свою ошибку («заблудился я», — говорил он на суде) и так как он заявил, что готов служить рабоче-крестьянскому правительству, то смерть ему была заменена 10 годами тюрьмы.

На примере Савинкова крестьяне могут видеть, какая цена таким барским благодетелям. Они должны еще и еще раз понять, что только советская власть охраняет их от возврата помещичьей власти, что если бы послушать таких барских благодетелей, то крестьяне должны были заплатить новыми грудами трупов, тысячами повешенных, сожженных на кострах, годами рабства, разделением нашей страны между заграничными банкирами, капиталистами.

Вот чему учит нас дело Бориса Савинкова.

(Сборник «Дело Б. Савинкова». Гиз, М.-Л. 1924 г.)

МАНИФЕСТ КУЛАЦКОЙ ПАРТИИ

Речь в Международном аграрном институте по докладам:

«ВРЕДИТЕЛЬСТВО В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ»

Товарищи, я хочу вас познакомить с одним интересным кулацким манифестом, который вышел в 1920 г., был напечатан нашим Государственным издательством и сопровожден довольно хорошим марксистским предисловием покойного т. Воровского. Одно время наши издательства издавали вещи, которые по существу дела не следовало бы издавать даже с самыми лучшими предисловиями. Кулацкий манифест даже с хорошим предисловием остается кулацким манифестом. Я говорю о книге Кремнева (т. е. А. Чаянова) «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии». Если между Кондратьевым, Чаяновым и Сухановым и между их группами существуют известные теоретические разногласия и они представляют может быть различные про-

слойки буржуазии, то во всяком случае на одном они сговорились — на организации контрреволюционной кулацкой партии. И именно потому, что мы имеем дело с организацией кулацкой партии, в основу ее программы положен этот самый кулацкий манифест.

Идеи, изложенные в этом литературном произведении в 1920 г. Чаяновым, за последнее время более или менее конкретно развивались на практике Чаяновыми и Кондратьевыми. И эти идеи они пытались осуществить.

Чаянов начинает свою утопию с одной цитаты из Герцена: «Слабые, хилые, глупые поколения протянут как-нибудь до взрыва, до той или другой лавы, которая их покроет каменным покрывалом и предаст забвению летописей. А там? А там настанет весна, молодая жизнь закипит на их гробовой доске, варварство младенчества, полное недостроенных, но здоровых сил, заменит старческое варварство, дикая, свежая мощь распахнется в молодой груди юных народов, и начнется новый круг событий и третий том всеобщей истории» (стр. 4). Это место ему особенно понравилось. Остального он у Герцена не заметил.

Перелистав в стране утопии какой-то пятый том «Практики социализма» В. Шера, — это кажется известный меньшевик, — «ренессанс кринолина, опыт изучения современной моды», — он перемахнул через 60 лет и углубился в чтение газетного листка.

«Прошлая эпоха городской культуры, — читал он там, — печальной памяти государственный коллективизм».

Для Чаяновых переживаемая нами эпоха — «печальной памяти коллективизм». Он иначе его не характеризует, как «систему насилия над личностью». Чаянов тогда уже, в 1920 г., открыто ориентировался на свержение пролетарской диктатуры и установление кулацкого господства — царства «крестьянской утопии», которое Чаянов надеялся создать в совсем недалеком будущем. *Он полагал тогда, что уже в 1934 г. диктатура пролетариата будет свергнута.*

Между прочим, в «Стране крестьянской утопии» Чаянова история каким-то образом стирает все политические разногласия между классовыми партиями сегодняшнего дня. На площади около Большого театра, где сейчас Метрополь, на барельефе Чаянов помещает рядом фигуры Рыкова, Коновалова и Прокоповича *(смех)*. Он видит над Большим театром фигуры Ленина, Керенского и Милюкова *(смех)*.

И эта пошлятина могла выйти в советском издательстве! Правда, это издание Госиздата 1920 г., снабженное предисловием

Воровского! Но такую пошлятину не следовало бы печатать даже с хорошим предисловием.

Итак Чаянов в 1920 г. допускал мысль, что в 1934 г. советская власть будет свергнута и власть окажется в руках крестьянской партии. И Чаянов и те, кто помогал Чаяновым, конечно не были созерцателями, не просто *ожидали* прихода этой «утопии», — они *работали* над тем, чтобы это осуществить, чтобы из реакционных кулацких элементов создать такую организованную силу, которая могла бы взять власть в свои руки. Мы знаем на опыте других стран, что такая власть — власть фашистская.

Но важно отметить, что уже тогда Чаянов связывал возможность свержения советской власти с расколом в нашей партии. В своей «утопии» Чаянов пишет, что захватить власть удалось лишь благодаря расколу партии на две коммунистических фракции. Раскол в партии в конце концов помог, по Чаянову, этим народникам, опираясь на фракцию правых в ВКП(б), создать такое положение, когда враждебные коммунизму кулацкие элементы получили большинство голосов и полную власть в советах.

Стремясь к свержению пролетарской диктатуры, к установлению кулацкого государства, управляемого контрреволюционной группой «обновленной» аристократии, Чаянов выявил свою ненависть к пролетариату в проекте уничтожения городов.

«В 1934 г., — рассказывает Чаянов, — когда власть оказалась в руках крестьянской партии, правительство Митрофанова, убедившись на многолетней практике, какую *опасность* представляют для демократического режима огромные скопления *городского населения,* решилось на революционную (?!) меру и провело на съезде советов... декрет об *уничтожении городов* свыше 20 тыс. жителей» (стр. 14—15).

Конечно раз нужно уничтожить большие города, то нужно куда-то девать фабрики. У Чаянова это неясно выражено, куда девались фабрики. Неизвестно, куда, в какие глубинные центры были перенесены эти фабрики так, чтобы не было большого скопления пролетариата в одном месте.

Правда, Чаянов предвидит борьбу. «В 1937 г. в этой стране «крестьянской утопии», — раcказывает Чаянов, — было варваринское восстание: большевики пытались бомбардировкой разрушить все уездные центры крестьянской партии, но это им не удалось». С тех пор «крестьянская партия» крепко взяла власть в свои руки, причем фактически управляет страной кучка кооператоров, кучка буржуазных интеллигентов. И когда одного из участников этой утопии, воскрешающего *для себя* дворянскую культуру, для «народа» — нравы «античной Руси», спрашивают, как

же это у них в конце концов управляет страной небольшая группа интеллигентов, он объясняет: «Мы управляем по принципу «Und der Kaiser absolut, wenn er unser Willen tut», т. е., управляем по воле народа, и, если народ не захочет, мы править не будем». Но мы ведь знаем, что «волей народа» управляет и Муссолини, и Пилсудский и т. п.

Чаянов проявляет, как будто желая привлечь на свою сторону, «все классы», полное безразличие к *формам* государственной власти. Он готов мириться и с монархией. «Впрочем мы далеко не ригористы, — говорит он, — даже в проведении этой механики в жизнь, и охотно допускаем местные варианты: так в Якутской области у нас *парламентаризм*, а в Угличе любители монархии завели «*удельного князя*», правда, ограниченного властью местного совдепа, а на Монголо-алтайской территории единолично правит *генерал-губернатор* центральной власти».

Как же в этой «утопии» организовано сельское хозяйство? Прежде всего хозяйство там по сути дела остается *мелким крестьянским индивидуальным хозяйством*. Для характеристики я прочту вам следующее место из этого кулацкого манифеста:

«Вы спрашиваете о тех новых началах, которые внесла в нашу экономическую жизнь крестьянская власть. В сущности, нам не нужны какие-либо *новые* начала, наша задача состояла в утверждении *старых* вековых начал, испокон веков бывших основою крестьянского хозяйства» (стр. 28).

Контрреволюционеры типа Кондратьева, Чаянова, Громана стремились создать такое государство, в котором частнохозяйственная деятельность являлась бы *превалирующей*. И Чаянов на всем протяжении книжки старается доказать необходимость частнохозяйственной деятельности. Характерно, что все элементы капитализма остаются в этой «крестьянской утопии» даже через 60 — 80 лет, как например остаются классы, деньги и т. д.

Как же обстоит дело с той огромной работой, которую мы проводим по машинизации сельского хозяйства, по механизации его? Оказывается, что и этого не нужно в стране крестьянской утопии. Здесь процветает самый пошленький мелкобуржуазный идеал мелкого крестьянского хозяйства. Американец в стране утопии спрашивает Чаянова: «За каким чортом вы затрачиваете такое количество человеческой работы? Неужели ваша техника бессильна механизировать земледельческий труд и освободить рабочие руки для более квалифицированных занятий?» (стр. 21). И Чаянов ссылается на непреложный и непреодолимый якобы «закон убывающего плодородия почвы», на то, что идеальное хозяйство — ручное, а не машинное, что при малоземельи нужна

«чуть ли не индивидуализация ухода за каждым колосом». Потому что, видите ли, «против закона убывающего плодородия почвы далеко не пойдешь».

Так в царстве Чаянова разрешается вопрос об освобождении человека от тяжести физического труда!

Чаянов пытается доказать, что они, противники пролетариата, избегают насилия. Но чувствуя, что это у него не выходит, он делает оговорку: «Впрочем, — говорит он, — мы никогда не были тупо принципиальны (что они не были принципиальны — это пожалуй правда)... и когда нашему делу угрожало насилие со стороны, а целесообразность заставляла вспомнить, что в наших руках была государственная власть, то наши пулеметы работали не хуже большевистских» (стр. 31). В этом не может быть сомнения, что если бы нам пришлось столкнуться с Чаяновыми и в их руках оказались бы пулеметы, то они вероятно крошили бы нас, коммунистов-пролетариев как следует — пощады бы нам не было.

Очень интересны «интернациональные» взгляды кулацкой партии. Как Чаянов представляет себе в дальнейшем международные отношения?

Чаянов рассказывает о том, что, после того как почти во всех странах утвердилась диктатура пролетариата и власть советов, она очень долго не могла продержаться, главным образом потому, что немцы не могли никак оставить идеи реванша. Поэтому, придрались к какому-то пустяшному поводу из-за угля в Саарском бассейне, немцы начали борьбу против соседней республики, и снова заварилась каша. В отдельных государствах снова утвердился монархический строй, произошел возврат к капитализму.

Чтобы судить, каков духовный культурный уровень этой страны утопии, приведу маленький отрывок о тех развлечениях, о которых мечтал Чаянов для своей утопии.

«Когда они вышли на улицу, плотные толпы народа заливали собою площади, парки, сады, расположенные по берегу Москва-реки. Получив в руки программу, Алексей прочел, что общество имени Александра Смагина, празднуя окончание жатвы, приглашает крестьян Московской области прослушать следующую программу, исполняемую на кремлевских колоколах в сотрудничестве с колоколами других московских церквей.

ПРОГРАММА:

1. Звоны Ростовские XVI в. 2. Литургия Рахманинова. 3. Звон Акимовский (1731). 4. Куранты Борисяка. 5. Перезвон

Егорьевский с перебором. 6. Прометей Скрябина. 7. Звоны Московские» (стр. 54).

Эта «программа» развлечений для «народа» показывает, насколько глубоко реакционна идеология этих людей, с которыми пытались вступить в некоторый смык отдельные наши товарищи-коммунисты.

Разумеется, нам приходится сейчас и вероятно еще долго придется использовать знания, накопленные буржуазией, нам еще приходится у нее многому учиться. Но чему мы могли научиться у Чаянова, т. е. у человека, который в 1920 г. выпустил такую реакционную книжку, такой кулацкий манифест, такую кулацкую программу, которую он мечтал воплотить в жизнь? Как можно было в течение очень многих лет пытаться этого реакционера превратить в какого-то помощника по переделке крестьянского хозяйства, как это делали некоторые наши товарищи? Эта история с Чаяновыми, Кондратьевыми, Громанами должна нас научить очень многому. Мы конечно и сейчас не думаем отказываться от использования знаний буржуазных специалистов. Никакие вредительства, которые они нам устраивают, не заставят нас отказаться от использования специалистов. Мы убеждены в том, что успехи нашего социалистического строительства заставят очень и очень многих из них стать на сторону советской власти. Но вместе с тем мы не должны забывать о классовой природе этих людей, о классовых их симпатиях, об их действительно реакционных политических идеалах.

Ведь то, что вы здесь слышали, эти отдельные отрывки говорят о том, что вся наша работа по социалистической переделке народного хозяйства глубоко враждебна этим людям. Ведь они мечтают о совершенно другом строе жизни, ведь всякое наше действительно революционное мероприятие встречает отпор у такого человека, как Чаянов, который мечтает, что в 1934 г. или в 1937 г. он будет слушать концерты ростовских звонов в Москве, свергнув диктатуру пролетариата. Ведь это реакционнейшая из реакционнейших программ. Для Чаянова является крайне обидным то, что сняли колокола, к которым он привык прислушиваться, потому что эти колокола говорят о том, что для него является родным, близким. Ну, конечно такие люди, как Чаянов, Кондратьев, Громан, Суханов, — это по существу дела обреченные люди *обреченных классов*. Они такие же сторонники марксистской теории, как Каутский, который написал недавно книжку в прямую защиту фашизма. Что эти люди перешли бы к фашистским методам борьбы с нами, к фашизму, нет никакого сомнения.

А если это так, для всех нас вытекает необходимость и обязанность бороться не только с такими течениями, но и с примиренческим отношением к ним. А примиренчества у нас, к сожалению, было и осталось еще очень много. Я думаю, что мы обойдемся без таких людей, как Кондратьев, Чаянов, Громан и др. А надо вам сказать, что некоторые товарищи считали возможным обращаться к Кондратьеву и Чаянову за материалами для выступлений в партийных организациях, а те подсовывали им такой материал, который искажал действительность и давал неправильные перспективы и неправильное направление работе.

Когда-то Громан имел большое вредное значение для работы Госплана и ЦСУ, он подсовывал нам цифры, совершенно искажающие действительность и наши перспективы. Точно так же Чаянов и Кондратьев не могли нам помогать там, где нужна была идеологическая четкость.

Самый важный, по-моему, вывод, что там, где дело идет о нашей идеологии, не может быть никакого сотрудничества с такими людьми, никакого использования этих людей, там нужна непримиримая классовая бдительность.

Сборник „Кондратьевщина, чаяновщина и сухановщина", 1930 г.

МЕЧТЫ ЧАЯНОВЫХ И СОВЕТСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

В том блоке буржуазных реставраторов, который объединялся вокруг Громана и Кондратьева, А. Чаянов занимает довольно видное место. Поэтому особый интерес представляют литературные произведения А. Чаянова, опубликованные им в прежние годы при советской власти. В них один из вождей этого блока пытался еще несколько лет назад дать довольно развернутую программу буржуазной реставрации. 10 лет назад, когда еще недобиты были остатки эсеровской партии, когда в ряде районов эсеры руководили организацией кулацких восстаний (антоновщина и т. п.), Чаянов выпустил своего рода кулацкий манифест. Обнародован он был, этот манифест, Гизом под заголовком «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии». Автор — Иван Кремнев — и есть А. Чаянов, член контрреволюционной кондратьевской группировки.

Теперь, после раскрытия этой подпольной организации буржуазных реставраторов, этот кулацкий манифест приобретает особое значение. В нем в 1920 г. еще довольно недвусмысленно намечалась схема замены пролетарской диктатуры властью буржуазии. То что в 1929—1930 гг., надеясь на интервенцию империалистов, пытались осуществить Кондратьевы — Громаны — Чаяновы, об этом мечтал и писал в 1920 г. А. Чаянов. Форма утопического произведения давала возможность в 1920 г. Кремневу — Чаянову под легальным прикрытием тогдашнего Гиза, хотя и в сопровождении довольно резкого критического предисловия П. Орловского (В. В. Воровского), выступить в печати с пропагандой реакционнейшей мелкобуржуазной утопии.

Мотивом этой утопии Чаянов берет слова Герцена: «Социализм разовьется во всех фазах своих до крайних последствий, до нелепостей. Тогда снова вырвется из титанической груди революционного меньшинства крик отрицания, и снова начнется смертная борьба, в которой социализм займет место нынешнего консерватизма и будет побежден грядущей, неизвестной нам революцией».

Войдем и мы в это царство «крестьянской утопии», куда нас приглашал 10 лет назад А. Чаянов, тем более что сроки, которые намечались Чаяновым, уже наступили. Вот как сам Чаянов изображает в этой утопии «историю России» последних лет, начиная с организации советской власти. Основная движущая сила в этой истории, само собой разумеется, для народника — не пролетариат, а крестьянство, под которым подразумевается кулачество. Это «крестьянство» туго поддавалось коммунизации, и через 5—6 лет после прекращения гражданской войны «крестьянские» группы стали получать внушительное влияние как в местных советах, так и во ВЦИК. Правда, были обстоятельства, которые несколько мешали этому. Оказывается, что этому мешала «соглашательская политика пяти эсеровских партий, которые не раз ослабляли влияние чисто классовых, крестьянских объединений». Мы не знаем, сколько эсеровских «партий» 4, 5 или 6, но мы знаем, что все эсеровские оттенки проникнуты величайшей ненавистью к пролетарской диктатуре, и если что можно противопоставить как серьезную политическую силу, влиянию всех и всяческих мелкобуржуазных организаций, начиная от меньшевистских и кончая эсеровскими, то это единство и железную волю коммунистической партии.

Но как раз *на раскол, на ослабление этого единства, на борьбу внутри этой коммунистической партии и рассчитывали в свое время эсеры и меньшевики.* Чаянов в 1920 г. представлял себе

дело так: «В течение 10 лет на съезде советов ни одно течение не имело устойчивого большинства, и власть фактически принадлежала двум коммунистическим фракциям, всегда умеющим в критические моменты сговориться и бросить рабочие массы на внушительные уличные демонстрации». А как мечтал Чаянов о расколе! При этом в 1920 г. Чаянов рисовал такое положение, «при котором *правые коммунисты остались победителями ценой установления коалиционного правительства и видоизменением конституции уравнением крестьян и горожан.* Перевыборы советов дали новый съезд советов с абсолютным перевесом чисто классовых, крестьянских группировок, и с 1932 г. крестьянское большинство постоянно пребывает во ВЦИК и съезде, и режим путем медленной эволюции становится все более и более крестьянским».

Но ведь это как раз то, на что рассчитывали позже и кондратьевцы, — на возможность коалиции с правыми, на раскол партии, на усиление влияния кулачества в органах советов и других общественных организациях.

А как же быть с крупными промышленными центрами, как же быть с политически выросшим, объединившимся пролетариатом, с влиянием больших городов, больших промышленных центров? Идеолог кулацкой демократии разрешает вопрос довольно «просто». В 1934 г. организуется «впервые чисто классовый крестьянский Совнарком и проводит декрет через съезд советов об уничтожении городов». Декрет сводится к тому, что запрещается существование городских поселений больше чем в 20 тыс. человек. Рабочие, фабрики и заводы и мастерские разбрасываются по стране. Повидимому, рабочие не очень охотно примирятся с этим, потому что мы читаем о восстании Варварина в 1937 г., «которое было последней вспышкой политической роли городов, после чего они растворились в крестьянском море».

Мечты, мечты, где ваша сладость!

Какие же новые начала внесла эта кулацкая демократия? Оказывается, что и не нужно ничего нового вносить: «В сущности, нам были и не нужны какие-либо *новые* начала. Наша задача состояла в утверждении *старых*, вековых начал, испокон веков бывших основой крестьянского хозяйства» (стр. 28). Само собой разумеется, что кулацкая демократия против коммуны, против коллективизации. «В основе нашего хозяйственного строя, — мечтал Чаянов-Кремнев, — *так же как и в основе античной Руси*, лежит индивидуальное крестьянское хозяйство. Мы считали и считаем его совершеннейшим типом хозяйственной деятельности».

И вот этакие люди, которые в основу своей деятельности клали

идеалы «античной Руси», которые считали индивидуальное крестьянское хозяйство с его недородами, с голоданием, нищетой, вековыми предрассудками «совершеннейшим типом хозяйственной деятельности», — этакие люди претендовали на то, чтобы быть творцами нового государства! Чаянов не говорит о том, какими путями им, буржуазным реставраторам, удалось сломить сопротивление пролетариата. Он не представлял себе этого ясно. Он туманно говорит о «варваринском восстании 1937 г.», о бомбометах Варварина, но сами они, просвещенные кооператоры, конечно действуют иными средствами. «Мы стремились, — повествует Чаянов-Кремнев, — завоевать мир внушительной силой своего идеала и своей организации, техническим превосходством своей организационной идеи, а отнюдь не расшибанием морды всякому инакомыслящему» (стр. 30).

Ну, а как же быть, если пролетарии Варварина не согласны на такую нищенскую организационную идею, не хотят возврата к античной Руси, — тогда как? «Впрочем, — отвечает на это Чаянов, —мы никогда не были тупо принципиальны, и когда нашему делу угрожало насилие со стороны, а целесообразность заставляла вспомнить, что в наших руках была государственная власть, то наши пулеметы работали не хуже большевистских» (стр. 31).

Само собой разумеется, что при таком идеале античной Руси Чаяновы против «высоких форм крупного коллективного хозяйства», против «старой идеи о фабриках хлеба и мяса». Они не прочь еще допустить кооперацию, но при этом «частная инициатива капиталистического типа у нас все же существует» (стр. 33). Заметьте, что это говорит Чаянов-Кремнев, проснувшийся в стране крестьянской утопии *через 60 лет, в сентябре 1984 г.* Вот уж подлинно: фантазер ты большой, а фантазия у тебя совсем маленькая!

В каких же областях Чаянов оставляет «частную инициативу капиталистического типа»? А вот послушайте: «в тех областях, в которых бессильны коллективно управляемые предприятия, и в тех случаях, где организаторский гений высотой техники побеждает наше драконовское обложение. Мы даже не стремимся ее прикончить, ибо считаем необходимым сохранить для товарищей-кооператоров некоторую угрозу постоянной конкуренции и тем спасти их от технического застоя. Мы знаем, что и у теперешних капиталистов щучьи наклонности, но ведь давным давно известно, что «на то и щука в море, чтобы карась не дремал».

Таков идеал кулацкой утопии А. Чаянова. Классы остаются, общество делится на классы — на щук и карасей. Щука существует для того, чтобы карась не дремал, и для того, чтобы брать

прибыли за высокую технику, которой не могли за 60 лет достигнуть «коллективно управляемые» предприятия кулацкой демократии Чаянова. Чувствуя неловкость от этого, идеолог кулачества пытается приукрасить этот «остаточный капитализм». «Однако этот остаточный капитализм, — рассказывает он, — у нас весьма ручной, как, впрочем, и кооперативная промышленность, более склонная брыкаться»... В чем же дело? Оказывается, что в этой стране кулацкой демократии «законы о труде лучше спасают рабочего от эксплоатации, чем даже законы рабочей диктатуры». Еще бы!! Если есть дураки, которые хотят поверить Чаяновым, подходите и любуйтесь, как через 60 лет капиталистические щуки обрабатывают карасей в царстве кулацкой утопии А. Чаянова!

Раз античная Русь составляет идеал этой «утопии», то соответственно поставлено и народное хозяйство. Крестьяне ведут почти карликовые хозяйства с применением каторжного интенсивного труда, без машин. «В районах хуторского населения, где семейный надел составляет 3 — 4 десятины, — мечтает Чаянов,— крестьянские дома на протяжении многих десятков верст стоят почти рядом друг с другом». И когда попавший в страну этой «утопии» едет мимо полей, он видит этот каторжный труд и невольно задает вопрос: «за каким чортом вы затрачиваете на поля такое количество человеческой работы? Неужели ваша техника, легко управляющая погодой, бессильна механизировать земледельческий труд и освободить рабочие руки для более квалифицированных занятий?». А в ответ ему Чаянов бормочет что-то о «законе убывающего плодородия почвы, против которого далеко не пойдешь». «Наши урожаи, — мечтает Чаянов, — дающие свыше 500 пуд. с десятины, получаются чуть ли не индивидуализацией ухода за каждым колосом. Земледелие никогда не было столь ручным, как теперь, и это не блажь, а необходимость при нашей плотности населения». Прямо замечательно! Да ведь это же «грядковая культура» китайского мелкого крестьянина! Ведь это же означает гигантское увеличение рабочего дня! Ведь это полное закабаление крестьян во «власть земли». Здесь, в этом плане, все «стройно», все продумано именно с точки зрения кулацкой программы.

В царстве кулацкой демократии классы не уничтожены. Частная промышленность не уничтожена. Крупная промышленность как раз находится в частных руках (у «организаторских гениев», у высокой техники). Крестьяне попрежнему бьются на полосках в 3 — 4 десятины, сгрудивши свои домики один к одному, только каторжным трудом имея возможность увеличить урожайность

своих полей. Крупные города уничтожены. Фабрики и заводы разбросаны так по стране, чтобы пролетариат не был объединен, чтобы легче было подавлять выступления непокорных пролетариев. В случае необходимости прекрасно работают пулеметы. Однако есть же и иные средства воздействия. Оказывается, что даже *церковь* в этом царстве кулацкой утопии действует в помощь Чаяновым, и конечно соответственно этому создавалась и культурная надстройка.

«Нас неотступно преследовала мысль, — повествует Чаянов, — возможны ли высшие формы культуры при распыленном сельском поселении человечества». Но само собой разумеется, что Чаянов такую культуру создает. «Оставалось только, — рассказывает он, — найти достаточно мощные технические средства к этому». Для этого пускается в ход все «*вплоть до церкви*» и как добавление ко всему, еще союз Чаяновых с церковью (стр. 49). И это не случайная обмолвка. «Культура» страны кулацкой утопии Чаянова насквозь проникнута византийщиной, реакционной поповщиной. Вот о каких «развлечениях» мечтает Чаянов через 60 лет: «Плотные толпы народа заливали собой площади и парки, сады, расположенные на берегу Москва-реки... Общество имени Александра Смагина, празднуя окончание жатвы, приглашает крестьян Московской области послушать следующую программу, исполняемую на кремлевских колоколах в сотрудничестве с колоколами других московских церквей. Программа: 1) Звоны Ростовские XVI в. 2) Литургия Рахманинова. 3) Звон Акимовский (1731 г.). 4) Куранты Борисяка. 5) Перезвон Егорьевский с перебором. 6) Прометей Скрябина. 7) Звоны московские. Через минуту густой удар полиелейного колокола загудел и пронесся над Москвой. Ему в октаву отозвались Кадаши, Никола Большой крест Зачатьевского монастыря, и Ростовский перезвон охватил всю Москву. Медные звуки, падавшие с высоты на головы стихшей толпы, были подобны взмахам крыла какой-то неведомой птицы. Стихия ростовских звонов, окончив свой круг, постепенно вознеслась куда-то к облакам, а кремлевские колокола начали строгие гаммы рахманиновской литургии».

Вы подавлены, читатель, величием этой «культурной» программы. Воистину: за что боролись!!

★

Мог ли Кремнев-Чаянов обойти в этой кулацкой утопии вопрос о международных отношениях? Может быть в этой области, хотя бы в этом царстве кулацкой утопии, разрешены противоре-

чия, раздирающие капиталистический мир, порождающие войны, взаимоистребление народов, ограбление одной страны другою? Нет и нет! Оказывается:

«Мировое единство социалистической системы держалось недолго, и центробежная, социальная система весьма скоро разорвала царившее согласие. Идея военного реванша не могла быть вытравлена из германской души никакими догматами социализма, и по пустяшному поводу раздела угля Саарского бассейна немецкие профессиональные союзы принудили своего президента Радека мобилизовать немецких металлистов и углекопов и занять Саарский бассейн вооруженной силой впередь до разрешения вопроса съездом Мирсовнархоза».

Оказывается дальше, что «Европа снова распалась на свои составные части, что после новой кровопролитной войны, после которой произошел новый раздел мира на 5 замкнутых народнохозяйственных систем, причем «каждая изолированная система получила различные куски территории во всех климатах, достаточные (??!!) для законченного построения народохозяйственной жизни»... При этом в одних странах воцарился капиталистический режим, в других — социализм; Япония и Китай вернулись к монархизму и т. п. Здесь что ни слово, то перл. Здесь Чаянов довел до самой рафинированной пошлости мелкобуржуазное, шовинистическое представление о «германской душе». Здесь национальная ограниченность получает полнейшую завершенность. Мысль мелкого буржуа бессильна представить себе иной строй взаимоотношений между государствами, чем тот, который существует в капиталистическом мире.

Вот почему и в области разрешения национального вопроса внутри страны он не идет дальше тех образцов, которые дает ему этот строй частной собственности. В царстве кулацкой утопии Чаянова каждая область имеет свое собственное государственное устройство.

«Итак в Иркутской области у нас парламентаризм, а в Угличе любители монархии завели «удельного князя», правда, ограниченного властью местного совдепа; на Монголо-алтайской территории единолично правит генерал-губернатор центральной области» (стр. 47).

Таковы национальные и международные идеалы Чаяновых — Кондратьевых. Если за одну компанию с ними идут социал-демократы, меньшевики, Громаны — Сухановы, которые до сих пор еще имеют наглость на своих меньшевистских знаменах сохранять лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», то это потому, что в лице меньшевиков мы имеем одну из наиболее бес-

принципных разновидностей мелкобуржуазных политиков, давным-давно ставших на путь контрреволюции.

★

Вот довольно подробное изложение этого кулацкого манифеста. Человек с такими взглядами все же в течение нескольких лет пользовался доверием у органов советской власти. Пользуясь тем, что кое-кто из окружавших его работников потерял классовое чутье, Чаянов мог претендовать на «обволакивание» даже партийцев. Чаянов мог всегда сказать по поводу этого кулацкого манифеста: «ведь это лишь всего-навсего утопическое литературное произведение». Правда, сопровождая этот кулацкий манифест предисловием, П. Орловский писал в 1920 г.:

«Пролетариат старается вести крестьянство за собой к социализму. Но эта задача требует большой внутренней работы в крестьянине, и на пути этого внутреннего перерождения крестьянство не раз и долго еще будет проявлять тенденции к проявлению своих особых, узко крестьянских, по существу реакционных, идеалов, будет стараться цепляться за старое, сохранить отмирающее, восстановить ушедшее, приукрашивая его обрывками социалистической идеологии. В этой борьбе будут возникать разные теории крестьянского социализма, разные утопии. Одной из таких утопий и является печатаемая ниже. Она имеет те преимущества, что написана образованным, вдумчивым человеком, который, приукрашивая, как все утописты, воображаемое будущее, дает в основе ценный материал для изучения этой идеологии. *Он пишет искренне, во что верит и чего желает,* и это придает его утопии бесспорный интерес».

Мы и не сомневаемся в том, что изложенные выше взгляды Чаянова в 1920 г. были им изложены искренне, что он писал то, «во что верит и чего желает». А в последующие годы он пытался, формально выступая с защитой советских мероприятий, на деле противопоставить им свою организацию кондратьевско-громановско-чаяновскую, враждебную советской власти, враждебную коллективизации, враждебную индустриализации нашей страны, рассчитанную на помощь извне, со стороны капиталистических государств, рассчитанную на кулачество, на буржуазию. В свете сегодняшнего дня это литературное произведение Чаянова поэтому приобретает особый интерес.

Чаяновым — Кондратьевым — Громанам, несмотря на то, что они пытались опираться на значительные слои вредителей, несмотря на то, что они могли рассчитывать на помощь со стороны бешено ненавидящих Советскую страну империалистов, пороха

нехватило, чтобы задержать неумолимый ход революции. Тем-то и сильна эта пролетарская революция, что даже в стране отсталой, даже при наличии такого тяжелого наследства, которое мы получили после империалистической и гражданской войн, эта революция разбудила такие гигантские творческие силы, которые перемелют на своих жерновах всякую вредительскую группу.

Мы видели, что *еще в 1920 г. Чаяновы рассчитывали на фракцию правых в коммунистической партии.* В 1929 — 1930 гг. они определенно ориентировались на поддержку правых оппортунистов. В этом быть может одно из наиболее ярких доказательств правильности решения партии о том, что на данном этапе правый оппортунизм является главной опасностью. И если Чаяновы так остро ненавидят курс партии на создание фабрик хлеба и мяса (т. е. совхозов), если они с такой ненавистью говорят о коллективных хозяйствах и с такой любовью воспевают частную инициативу и индивидуальное хуторское хозяйство, то и в этом отношении они рассчитывают на то, что их поддержат правые оппортунисты внутри партии. Правый оппортунист иногда обижается, когда его называют кулацким агентом. Нечего обижаться: с кем поведешься, от того и наберешься. А что в течение известного периода времени была определенная близость у многих правых оппортунистов с политиками типа Кондратьева — Чаянова — это теперь совершенно ясно.

Да, советская действительность не оправдала мечтаний Чаяновых. Летом 1930 г., когда Чаяновы и Громаны мечтали о близости переворота, четверть крестьянских хозяйств на деле показала успех своего перехода под руководством партии и пролетариата к коллективным формам хозяйства; а фабрики зерна и мяса получили вполне реальное осуществление.

Чаяновым не дождаться времени, когда народные массы будут слушать концерты на колоколах рахманиновской литургии и когда «Прометей» Скрябина станет национальным гимном. Вопреки всем Чаяновым, Коммунистический интернационал сплачивает под свои знамена миллионные массы не только в нашей стране. Гигантский опыт социалистического строительства в нашей стране становится уже сегодня величайшим средством агитации и пропаганды за советскую власть во всем мире, за социалистическое устройство во всех странах. Капиталистическая система задыхается в тисках противоречий, ею самой порожденных. Мы присутствуем *при распаде* этой капиталистической системы. И весь мир увидит, как рядом с ней — пока еще на одной шестой части земного шара — «дикая, свежая мощь распахнется в моло-

дой груди юных народов и начнется новый круг событий и третий том всеобщей истории».

Этот том всеобщей истории начинается с крушения капиталистической системы и гигантского буйного молодого роста социализма. Через три недели Страна советов откроет новую страницу этого тома, встретит XIV годовщину пролетарской диктатуры, встретит ее полная бодрости, уверенности в победе коммунизма.

„Правда“ № 288 от 18 октября 1930 г.

Куда свернули наши „попутчики" левые эсеры

ДРУЗЬЯМ МАРИИ СПИРИДОНОВОЙ

После амнистии за авантюру в Трехсвятительском переулке, полученной от ВЦИК, Мария Спиридонова выступала уже несколько раз на больших собраниях, развивая свои взгляды на современное положение, определяя политику по отношению к развивающейся борьбе.

Слушая эти речи М. Спиридоновой, иногда забываешь, что это говорит человек, называющий себя «интернационалистом». То же самое могла бы говорить кадетка, меньшевичка, самая правая эсерка. Меньшевики Абрамович и Дан являются после сегодняшних речей М. Спиридоновой настоящими революционерами (пусть хотя бы и на словах!). Это прежде всего перебирание всех тех «маленьких и больших недостатков механизма», о которых пишут ежедневно сами большевики, отнюдь не скрывая перед народом всех больных сторон нашей жизни, обнажая перед народом язвы Советской России, ибо эти язвы — язвы самого народа, мучительно проклдаывающего себе путь среди неслыханных трудностей. А. М. Спиридонова, опираясь на часть недавно еще саботировавшей интеллигенции и самые шкурнические претензии обывателей, торжествующе подносит «истины», от которых опять-таки отдает Трахсвятительским переулком. Мы помним, как тогда на съезде М. Спиридонова *обманывала* крестьян заявлениями, будто бы мы платим миллиарды немцам, чтобы нам позволили провести национализацию земли. Мы помним эти придуманные чудовищные цифры десятков миллиардов рублей, миллионов аршин тканей и миллионов пудов хлеба, вывезенных будто бы большевиками для немцев — чудовищные цифры, которыми М. Спиридонова пыталась захватить и поразить воображение крестьянских делегатов июльского съезда советов. Мы помним, как она и ее друзья вскружили головы несчастным матросам

отряда Попова, захватили телеграф и разослали бессовестные телеграммы о том, что их поддерживает вся рабочая и красноармейская Москва, что власть находится в их руках, что все распоряжения за подписью Ленина и Свердлова недействительны. Может быть многое из этого забылось бы, но М. Спиридонова своими речами снова все это воскресила.

Вот она говорит перед пестрой аудиторией: «Большевики упрекают империалистов за то, что они посылают против нас зуавов. А сами большевики разве лучше? Разве они не послали против восставших крестьян на усмирение мадьяр, латышей?» Аудитория рукоплещет. Мария Спиридонова ни слова не говорит о том, что восставшие были организованы теми же белогвардейцами, часто помещиками, иногда агентами тех же империалистов, что во главе стояли кулаки-мироеды, что они зарывали живыми в землю деревенских бедняков. Мария Спиридонова ни слова не говорит, что эти «мадьяры и латыши», которые защищают советскую власть в России и за эту рабоче-крестьянскую власть положили не одну свою буйную головушку, — что эти мадьяры и латыши-интернационалисты, что не только в России, но и у себя на родине они ведут самоотверженную борьбу за торжество коммунизма. За что бросает в них камнем «интернационалистка» М. Спиридонова? Разве не краснеют ее бывшие и сегодняшние товарищи, видя, как ей рукоплещут люди, в душе которых эта «интернационалистка» разжигает самый голый шовинизм, самый неприкрытый национализм? Разве не рукоплескали ей в аудитории Московско-курской железной дороги те самые господа, которые брали взятки со своих же братьев, железнодорожных рабочих за незаконную доставку продуктов? Разве Гофманы и Вильсоны в этот полный драматизма исторический момент не скажут: «браво, Мария Спиридонова!» в ответ на ее комические и неопрятные выпады против стиснутой ими Советской республики?! Разве не на их мельницу — вода? Не на ими подкладываемый костер — огонь речей М. Спиридоновой?! Она этого не понимает — тем хуже для нее, но от этого нисколько не легче рабоче-крестьянским массам, которым она оказывает чисто медвежью услугу своими сегодняшними речами.

Мучителен процесс ломки, переживаемый значительной частью интеллигенции! Революция развивается быстро, каждый день все резче раскалывая весь мир на два борющихся лагеря? В России партия коммунистов-большевиков как передовой отряд рабочего класса в мировой революции выдерживает наиболее яростные удары желтого и черного интернационала. Как партия класса, поднявшегося к жизни, партия коммунистов вобрала в

себя все истинно революционное, в том числе и немало бывших друзей и соратников М. Спиридоновой. Но М. Спиридонова не может забыть неудачи июльского переворота Трехсвятительского переулка. Она и ее группа сторонников беспомощно мечутся между двумя борющимися лагерями, ищут сочувствия в обоих, не находят настоящего отклика ни в одном, отстают от идущих впереди, безнадежно пытаются опереться на отсталых.

В ответ на ее неприличные выпады против коммунистической партии мы только еще последовательней будем проводить свою линию социалистической революции — развития гражданской войны во всем мире, социалистического строительства в городе и деревне, объединения рабочих, бывших меньшевиков, левых эсеров, бундовцев, максималистов и других рабочих под знаменем коммунистической партии и усилим нашу работу по объединению русских рабочих с рабочими — чехами, мадьярами, латышами, немцами, французами, англичанами и др.

Нам стыдно за убожество положения М. Спиридоновой, и мы верим, что развитие революции толкнет ее наконец в ту или иную сторону более определенно: либо с коммунистической партией против желтого интернационала, либо с желтым интернационалом капиталистов против коммунистов-большевиков! Третье положение невозможно на сколько-нибудь значительный период деятельности не только целой группой интеллигенции, но даже и для отдельной личности — М. Спиридоновой.

„Правда" № 276 от 19 декабря 1918 г.

ТРЕХСВЯТИТЕЛЬСКАЯ БОГОРОДИЦА МАРИЯ

К концу V Всероссийского съезда советов в июле 1918 г. партия левых эсеров совершила свое знаменитое восстание. Центральный комитет их партии руководил этим восстанием. Убийством германского посла в Москве они хотели всю Россию поставить перед неизбежностью новой кровопролитной войны, хотели вызвать занятие немцами Великороссии. Это была *провокация* в самом подлинном значении этого слова.

Какими силами они располагали тогда? Отряд Всероссийской чрезвычайной комиссии под руководством эсера Попова, хорошо

вооруженный, да несколько десятков привлеченных разного рода обещаниями красноармейцев, несколько пулеметов, орудий. Ни один полк не перешел на их сторону, ни один завод, ни одна фабрика их не поддержала.

Тем не менее эти хвастунишки, выступив из Трехсвятительского переулка, сумели на несколько часов обманом захватить телеграф. Захватив его, они разослали телеграммы о том, что власть находится в руках партии левых эсеров, что действия партии левых эсеров приветствуются всеми трудящимися.

Несколько десятков убитых в этой мальчишеской авантюре с обеих сторон, несколько десятков раненых, разбитый вдребезги штаб авантюристов, из которого с позором разбежались господа Камковы и Черепановы, — вот чем окончилось восстание.

Полный раскол этой партии, уход из нее наиболее честных, революционных социал-революционеров и переход многих сотен левых эсеров в коммунистическую партию — таков результат этого восстания.

Душою его была лево-эсеровская богородица Мария Александровна Спиридонова.

Она была задержана в Кремле. Но революция в Германии позволила нам надеяться, что эти люди поймут свою ошибку, одумаются и станут нам помогать в нашей великой коммунистической борьбе или по крайней мере не мешать.

Мы ошиблись.

I

Мария Спиридонова распоясалась.

Всю свою истерику она обрушила на «самую контрреволюционную, буржуазно-царистскую, провокаторскую, палаческую, шарлатанскую, негодяйскую партию коммунистов», как она изящно выражается. Временами ее стыд берет: тогда она начинает расхваливать отдельных коммунистов «идейных, чистых, умных, преданных революционеров» и т. п. Но такие минуты ясности приходят только налетом, сменяясь тотчас же отборнейшей, хлесткой клеветой и руганью.

Я хочу поделиться с товарищами своими впечатлениями и спокойно разобраться в той галиматье, которую поднесла Спиридонова под соусом своей истерической революционной фразеологии.

Сначала выступает перед нами овечка, желающая мира, — на нас надвигаются со всех сторон империалисты, и мы должны быть едины со всеми их врагами. Потом идет объяснение в любви большевикам, какими они были до Октября.

Но, увы! Большевики изменились! Они стали контрреволю-

ционной партией! И трехсвятительская богородица Мария начинает бешеную атаку на коммунистов.

Первое: земельный вопрос. Коммунисты обещали проводить социализацию, а проводят национализацию. Насаждают коммуны, а в коммуны идет пришлый элемент.

Рабочие, которые идут теперь в деревню вследствие разрухи в промышленности, должны знать, что Мария Спиридонова подстрекает против них богатых крестьян. Коммунисты помогают пролетариям заняться сельским хозяйством, дают им землю, инвентарь, оказывают денежную помощь; Мария Спиридонова и другие левые эсеры стараются против них восстановить богатых крестьян, борясь против коммун, против коллективного общественного хозяйства, отстаивая мелкобуржуазную собственность.

И опять выплыли «отбросы деревни, лодыри, не имеющие уважения». Сколько здесь барского презрения именно к бедноте! В коммуны, видите ли, «идут те, кто раньше не пользовался уважением в деревне». Но кто же раньше пользовался уважением в деревне? Поп, кулак, торговец. Они пользовались огромным уважением всех «хозяйственных мужичков» и они же задавали тон по отношению к бедноте, к маломощным, к безземельным, к безлошадным — эти не пользовались уважением в деревне. И вот богородица из Трехсвятительского переулка снова подымает эту барскую и кулацкую травлю бедноты деревенской, пролетариев. Спиридонова не жалеет черных красок для этих пролетариев, обвиняя их в дармоедстве.

Советские имения вызывают особенную злобу Спиридоновой. Эти «хлебные фабрики», где впервые будет поставлен опыт широкого социалистического хозяйства, разрушают все мещанские мечтания Марии Спиридоновой, и она рвет и мечет. И Столыпина-то вспоминала, и царя-то пожалела — при царе ей лучше было, — одним словом, докатилась до весьма подозрительных вещей.

Но она не сказала рабочим, что из всей отобранной земельной площади 81%, т. е. более четырех пятых, перешли к крестьянам, что советские имения занимают всего 4% всей площади отобранной в Октябре земли, что под коммуны занято всего 1% этой земли, что 14% составляют еще нераспределенный фонд. Она не сказала, что в прошлом году у бедняков нечем было ни вспахать, ни засеять, а нынче зерно для посева распределено между всеми, как и инвентарь.

Сама говорит, — надо лет 15, по крайней мере, статистических (т. е. учетных) работ, подготовительных разверсток, чтобы можно было осуществить социализацию. Но через 15 минут впадает

в истерику и заявляет: мы могли бы уже провести теперь социализацию, и в два года наша страна стала бы неузнаваемой.

Приводила выдуманные, взятые с потолка цифры организованных коммун — 500 коммун для всей России. Недавний съезд земотделов показал, что число их достигает в настоящее время около 2 500.

Итак, выводы, по мнению богородицы из Трехсвятительского переулка: «контрреволюционная, шарлатанская, негодяйская пролетарская партия», просуществовав один год, сумела уничтожить дворянское сословие, распределить почти всю землю между крестьянами, организовать 2 500 трудовых сельскохозяйственных коммун, помочь деревенской бедноте, помочь городским пролетариям, вынужденным уйти в деревню.

Да понимает ли эта особа, что она величайшую похвалу нам сказала как коммунистам? Понимает ли она, что она себя шельмует как социалистку самым безжалостным образом?

Думаю, что не понимает. Ибо «се — птица сирин. Голос ее зело силен. Когда господа воспевает, сама себя позабывает».

II

Мы давно уже не видали такого беззастенчивого обращения с фактами, как у Марии Спиридоновой. Я уже приводил ее слова о том, что 15 лет надо, по крайней мере, чтобы провести социализацию земли и через четверть часа утверждение, что ее можно было бы провести в два года. Спиридонова обрушивается на коммунистов за то, что мы «за уши тащим крестьян к социализму» (это все проделывает буржуазно-царистская контрреволюционная и прочая партия коммунистов!)» А через минуту рассказывает о том, как она улещивала право-эсеровских депутатов и (буквально ее слова) «за уши тащила их к социализму».

Но всего возмутительнее оказалось ее отношение к «этапникам». Она очень гордится, что у нее «каторжанская душа». За 12 лет скитания по тюрьмам, каторгам и ссылке я видел множество этих «этапников». «Народнице» Спиридоновой не мешало бы знать, что среди них были сотни и тысячи аграрников, тех самых беднейших крестьян, которые не пользовались уважением спиридоновской деревни. Среди них было много высланных по приговорам — неспокойных, т. е. наиболее революционных крестьян, которых пользовавшиеся уважением кулаки, торговцы и просто зажиточные крестьяне спроваживали из деревни, пользуясь полицейской услугой царизма. За что же так подло обру-

шивается на них Спиридонова после всего того, что они вынесли?

Здесь с такой обнаженностью выступает защита экономически сильных против экономически слабых, что лучшего нельзя было и желать. Каждый бедняк, каждый пролетарий, каждый безлошадный должен знать, что уважением левых эсеров он ни в каком случае пользоваться не может, что душа их богородицы Марии из Трехсвятительского переулка совсем уже перешла к богатому крестьянству.

Как на один из приемов М. Спиридоновой, не могу не указать на ее пользование именами потерпевших и якобы потерпевших. Она рассказывает о пытках, которым подвергся будто бы анархист Гаврилов, участвовавший в ограблении Центротекстиля. Она описывает его грудь, изрезанную на части. Она описывает, как она все это видела, смакует и сладострастно расписывает подробности. И кричит истерически: записывайте фамилию, записывайте — Гаврилов. А через две минуты заявляет: я сама не видала Гаврилова, мне другие рассказывали. Что это такое? Как это называется? И не прав ли был один из товарищей-рабочих, подавший записку т. Бухарину: «Тов. Бухарин, зачем вы даете такой с...... вести контрреволюционную агитацию среди рабочих и крестьянских масс?».

Мы видели уже, как сильны познания М. Спиридоновой в вопросе землеустройства. Не менее сильны ее познания и в вопросе о промышленности. Она знает, чем вызвано разрушение промышленности, она знает, что мешает ее востановлению, она знает, как мучительно борется трудовая Россия со всеми коммунистами над ее налаживанием, и как много сделано для этого, несмотря на печальное состояние промышленности. И она сознательно извращает факты, когда говорит, что все дело в системе заводоуправлений, которая вводится теперь.

Спиридонова говорит самый невероятный вздор, предлагая уравнительное распределение всех продуктов фабрично-заводского производства. Хотел бы я посмотреть, как она равномерно распределит между всеми паровозы и рельсы, телеграфные аппараты и другие машины. А у нее именно это и получается. Она извращает факты, говоря, что рабочие без инженеров лучше поставят производство, чем с инженерами. Не вперед зовет она, а назад.

В вопросе о заводоуправлениях, о профессиональных союзах левые эсеры целиком примыкают к меньшевикам. М. Спиридонова совершенно умалчивает, что вопросы рабочей жизни решаются теперь советом профессиональных союзов, сильных и организованных, как никогда. Она не укажет ни одной страны, где профессиональные рабочие союзы приобрели бы такое огромное

влияние на организации производства, как в Советской России. Надо поистине быть ослепленным, чтобы этого не видеть. Рабочие должны знать, что левые эсеры, не меющие никакого опыта в рабочем движении, никаких заслуг перед ним, никакого понятия о рабочем строительстве, сумеют только разрушить то, что с таким трудом создано коллективными силами всего рабочего класса. Рабочие должны знать, что лево-эсеровские журавли, летающие в лево-эсеровском небе, просто-на-просто мыльные пузыри, которые так же легко лопнут, как лопнуло их идиотское восстание в Трехсвятительском переулке.

Насилие и свобода! На эту тему лево-эсеры вообще, а Мария Спиридонова в особенности, разводят очень пикантные узоры. *Они за свободу, за полную свободу, против всякого насилия.* Свобода слова, печати, собраний и пр. и пр. требуют они от коммунистов. Что может быть лицемернее этих речей лево-эсеров?

Я напомню только отрывок речи М. Спиридоновой на V съезде советов.

«Вы знаете, — говорила она, — что мы также не толстовцы. В процессе борьбы, в процессе обострения войны за свое право мы *допускаем* тот *же метод* (т. е. способ), который допускают и большевики, и прав т. Свердлов, когда он говорит, что в комиссии Дзержинского участвуют наши товарищи, левые эсеры. Мы не отрицаем эту борьбу и всецело принимаем на себя все последствия ее и ответственность за то, на что мы идем».

Запомним же эти ее слова, когда она позволяет теперь говорить о чрезвычайках. Ее товарищи и до сегодняшнего дня были бы в чрезвычайке, если бы их оттуда не изгнали после того, как они воспользовались своим положением для своего провокаторского выступления в июле 1918 г. И всем, против чего она так теперь неистовствует, левые эсеры пользовались в полной мере до тех пор, пока им позволяли.

Марии Спиридоновой не мешало бы вспомнить один очень интересный эпизод из ее недавнего прошлого, когда она ехала после разгона Учредительного собрания с т. Бухариным по улицам Питера в автомобиле. Уже самый разгон Учредительного собрания, который одобрили левые эсеры вместе со Спиридоновой, — был ли он актом насилия? Конечно да! Всякий младенец это знает, — как и *всякий социалист знает, что насилие есть повивальная бабка истории.* Тогда левые эсеры были членами рабоче-крестьянского правительства. И я заявляю: наиболее свирепых мер по отношению к меньшевикам и правым эсерам требовали именно они. Спиридонова об этом позабыла... Но вот Спиридонова едет в автомобиле (как она об этом сожалеет!) с т. Бу-

хариным и дорогу им преграждает группа рабочих, работающих по расчистке снега. Спиридонова выхватывает браунинг и хочет стрелять в рабочих. Автомобиль окружила тотчас же толпа, которую т. Бухарин с трудом успокаивает и спасает Спиридонову от самосуда.

Помнит ли этот эпизод М. Спиридонова и что она думала о насилии, когда хотела убивать ни в чем неповинных рабочих? А вот, когда они из Трехсвятительского переулка повели идиотское наступление на рабочую Москву с пушками, пулеметами и прочим оружием — не было ли это насилием? Когда Саблин бил по голове Венглинского, начальника особого отряда, за то, что он не захотел присоединиться к мальчишескому восстанию Камковых и Спиридоновых, — не было ли это насилием? Когда т. Смидович, Лацис[1] и другие были арестованы друзьями Спиридоновой, — не было ли это также насилием? Когда левые эсеры всем арестованным большевикам угрожали расстрелом, не было ли и это насилием? И не было ли самым возмутительным насилием над всей совестью и политическим сознанием народа, когда левые эсеры разослали провокаторскую телеграмму о том, будто их июльская авантюра горячо приветствуется всем народом, всеми фабриками и заводами Москвы, всеми красноармейскими частями? А теперь, когда левые эсеры пушками громят петлюровцев (и действуют заодно с большевиками), что они насилием или свободой заставляют петлюровцев уступить власть? А ведь петлюровцы «даже трудовой конгресс» созывают!

Обо всем этом даже как-то неловко писать, когда живешь в 1919 г. в разгар самой острой гражданской войны не только в нашей стране. Для Спиридоновой ее разговоры о свободе и насилии, как и для меньшевиков, с которыми она до конца солидарна в своих речах, — только средство политической борьбы, как и ее разговоры о «чрезвычайках».

Я прекрасно понимаю всю беспринципность критики Спиридоновой. Вы против чрезвычайки? Но великолепно ею пользовались для своих целей. Начальником особого отряда Чрезвычайной комиссии был левый эсер Попов, его сотрудниками были левые эсеры.

Мария Спиридонова это прекрасно знает. И все же она сейчас говорит: дайте полную свободу слова, собраний, печати! Кому? Левым эсерам, меньшевикам и правым эсерам? Хорошо! А кадетам? А монархистам? Тоже дать? Почему же им не дать тогда открыто организовать монархическую партию? Почему им не

[1] В числе арестованных был и Ф. Э. Джерзинский.

дать открыто вести агитацию? Вы не согласны? Но тогда — чистейшая болтовня весь ваш пылкий разговор о полной свободе, который вы ведете перед массами. Вы чувствуете, что вас может теперь поддержать подавленная буржуазия, и лакействуете и стараетесь ее ободрить и поднять ее; она вам бешено аплодирует и об одном только жалеет, — что руки у вас коротки, что вы только безнадежные болтуны.

Красная армия! Не нравится левым эсерам Красная армия. И вид-то у нее унылый и «наемная» она, и коммунистические ячейки в ней следят за всеми, и духовная цензура установлена. Всякий красноармеец знает, что никогда ни одна партия, ни один класс не затрачивал столько средств и усилий, чтобы воспитать социалистическое сознание армии. Всюду школы, театры, клубы, газеты, библиотеки, кинематографы. И опять в этом вопросе подозрительное сближение Спиридоновой с меньшевиками и белогвардейцами: Спиридонова повторяет все гадости про Красную армию, которые были придуманы Красновыми. И опять в чем дело? Да в том же: зелен виноград! Руки коротки у Спиридоновых повернуть Красную армию против коммунистической России, а если б могли, они сделали бы это и потопили бы в рабочей крови коммунистическую партию, т. е. партию бедняков города и деревни.

Не все у нас хорошо в Красной армии? Так разве мы этого не знаем? А в тех повстанческих отрядах, которые формировали левые эсеры, — все хорошо? В них нет расстрелов за неподчинение боевому приказу во время боя? В них нет перебежчиков, дезертиров с поля битвы? Да ведь мы же знаем, что все это имеется в тех отрядах, которыми командовали и левые эсеры.

Не в том дело! М. Спиридонова видит, что Красная армия побеждает, что она скоро победит, и старается посеять панику, поколебать ее, расстроить ее, ослабить ее; а говорит еще об усилении обороноспособности. О, лицемерие!

Внешняя, международная политика коммунистов меньше всего представляет почву для словесных упражнений Спиридоновой после революции в Германии.

Но она предупреждает: коммунисты готовятся к новому Бресту, к заключению мира с империалистами Франции, Америки и Англии. Коммунисты конечно не дают зарока, что они не пойдут ни на какие уступки. Рабочим надо теперь же обдумать и серьезно дать ответ; если будет возможность на каком-нибудь фронте приостановить военные действия, не должны ли мы это сделать? А Спиридонова нам рекомендует другой путь: воевать до полного истощения всех сил, если не удастся победить.

Но она молчит вот о чем: о том, что партия русских коммунистов приобрела исключительные симпатии мирового пролетариата. Не назвали ли себя Либкнехт и Роза Люксембург коммунистами? Не вместе ли с нами выработали они свою программу? Не нашими ли учениками и сторонниками являются венгерские, латышские, эстонские, литовские, финские, польские коммунисты? Не создается ли сейчас новый коммунистический III Интернационал? Какое место в этом Интернационале занимает партия левых эсеров, от которой отвернулась большая часть их же товарищей?!

И неправда, будто от партии левых эсеров откололись только интеллигенты. Сотни рабочих и тысячи крестьян перешли в ряды коммунистов после лево-эсеровской авантюры. Спиридонова хочет втереть очки, будто этих товарищей заставили, застращали. Мы все знаем десятки старых партийных работников и работниц левых эсеров, перешедших в ряды коммунистов потому, что они увидели: есть единственная массовая партия революционного коммунизма — партия коммунистов-большевиков.

И неправда, что под угрозами коммунистов или за их обещания благ их выбирают в советы и другие органы рабоче-крестьянской власти и управления. Пусть ответит тогда Спиридонова, почему же в Киеве в совет выбрано было 90% коммунистов, когда коммунисты были загнаны в подполье? Почему в Харькове было выбрано огромное большинство коммунистов при тех же условиях? Тогда было наоборот: массу запугивали коммунистами, а она рвалась всей душой к этому алому, коммунистическому знамени, хотя рядом развевалось другое, — кричащее, шумливое, хвастливое знамя левых эсеров.

У Спиридоновой — это она говорит — имеются списки бывших охранников, полицейских и жандармов, находящихся на службе коммунистов. Мы не верим ей. Она знает, что мы их не пощадим. И если она тем не менее их хранит у себя, она покрывает их. Мы спросили бы ее только: вот эти все гады-люди, списки которых она будто бы имеет, вступили до июля, до февраля или после этого? Не поинтересовалась ли она этим? Не прошли ли многие из них так же, как прошел к ней в партию некий господин Деконский, так хорошо ей известный! Почему она так бесстыдно всю эту грязь, которая может прилипнуть ко всякой партии, преподносит, как сущность нашей партии? Почему она теперь повторяет все те гнусности, которые про нас распускали Алексинские, будто мы приняли к себе на службу Щегловитовых и иных, которые потом оказались расстрелянными?

На страданиях, на голоде масс разыгрывает она свои мелодии,

самые бесчестные приемы пускает она в ход; оплевывает единственную в мире силу, перед которой в бешеном испуге мечутся эксплоататоры всего мира. Слова «большевизм», «русский большевизм», «коммунист» — пугало для буржуазии всех стран. Все это знают.

Мария Спиридонова приходит на помощь этой буржуазии.

И что за диво? Ведь была же М. Спиридонова целые месяцы в одной партии с Б. Савинковым, с Керенским, бабушкой Брешковской, Черновым, Авксентьевым, Рудневым!

Ведь покрывала она своим именем поддержку империалистов! Ведь еще в августе месяце 1917 г., когда у нас происходил в Питере *нелегальный* съезд, ибо нас хотели раздавить ее друзья по партии, — ведь в это время ее портреты продавались буржуазным дамам с аукциона вместе с портретами Керенского, и буржуи платили по 20 тыс. руб. на аукционе за ее портрет, а эти деньги шли на империалистическую бойню!

Не мешало бы поэтому Спиридоновой помолчать насчет рабочих, которые теперь покупают портреты Ленина.

Ведь портрет Ленина на аукционе буржуев не продавался и продаваться не будет, и ни один буржуа не приобретет себе его портрета за 20 тыс., как покупали портреты Керенского и Спиридоновой.

Я касался лишь самого главного, о чем говорила Спиридонова на собраниях. Она делала вид, что разоблачает коммунистов. Да если бы она честно относилась к нам, она сказала бы: эти люди не боятся сознаться в своих ошибках. То, о чем все умолчали бы, эти люди бесстрашно пишут в собственных газетах. Почти все, что рассказывала Спиридонова, взято из «Правды» и «Известий ВЦИК», которые она называет «Полицейскими ведомостями». Не плюй в колодец: пригодится воды напиться, сказал бы ей, если б верил в ее способность понять в настоящую минуту все то преступление, которое она совершает.

Сея невероятный умственный и политический разврат, работая целиком на благо контрреволюции, раскалывая массы, она в то же время говорит о единстве. Позвольте, трехсвятительская богородица: ведь вы же признали, что коммунисты — это «самая контрреволюционная буржуазно-царистская, провокаторская, палаческая, шарлатанская, негодяйская» партия! *После этого вам нечего и думать о единстве с коммунистами, с III Интернационалом коммунистов.*

Вам подадут руку помощи наши враги — враги III Интернационала, в объятия которых вы прямехонько скатываетесь!

Мария Спиридонова говорит о необходимости единения. Она

лицемерно говорит о поднятии обороноспособности, подрывая эту обороноспособность. Она знает, что наш путь — это путь жестокой борьбы и рассусоливает насчет неограниченной свободы в этой борьбе для всех: принципиальные мешечники, политические ничтожества и неудачники, вчерашние саботанты, домовладельцы, лишенные своих домов и своей мебели, взяточники и спекулянты, у которых руки обрезаны чрезвычайками, — все они бешено аплодируют ей. Но эти аплодисменты заражают и часть честных, измученных голодом, холодом, войною и гражданской борьбою рабочих.

Для них пишу я. Пусть не поддаются чувству, которое может привести только к поражению революции. Пусть хорошо продумают — ведь они знают левых эсеров не только по их пышным словам, но и по их жалким делам вроде идиотского восстания в июле 1918 г., пусть хорошо продумают, куда ведет Мария Спиридонова. И они поймут тогда, что она ведет к распаду рабоче-крестьянской коммуны, которая строится, вопреки всем препятствиям, энергичнее всех и честнее всех — именно Российской коммунистической партией.

„Правда" № 18 от 26 января 1919 г.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ ЛЕВЫМ ЭСЕРАМ

«Только диктатура пролетариата вместе с диктатурой крестьянства, — только такая диктатура дает силу (*Возгласы:* «Пролетариата и беднейшего крестьянства»). Не говорите «беднейшего». В этом наш коренной раскол. Другие разногласия временны, но в вопросе о крестьянстве мы готовы дать бой».[1]

Мария Спиридонова в цитируемой речи отчетливо формулировала основную линию раскола: «Не говорите «беднейшего». В этом наш коренной раскол».

Тогда многим казалось, что это — только кратковременная ссора коммунистов с левыми эсерами. Тов. Ленин тогда же отметил, что это гораздо глубже.

Он сказал:

«Здесь говорилось о ссоре с большевиками. Я отвечу: нет, то-

[1] Из речи М. Спиридоновой на V Всероссийском съезде советов, «Известия ВЦИК» от 6 июля 1918 г.

варищи, это не ссора. Это действительный бесповоротный разрыв, — разрыв между теми, кто, перенося тяжесть положения, говоря народу правду, не позволяют опьянять себя выкриками, и теми, кто себя этими выкриками опьяняет и невольно выполняет чужую работу провокаторов» [1].

Прошло полгода, и Спиридонова заявляет на собраниях, что в лице партии коммунистов социалистический мир имеет «самую контрреволюционную, царистско-буржуазную, шарлатанскую, палаческую, негодяйскую партию». Теперь все видят, что в июле месяце произошла не ссора левых эсеров с большевиками, а бесповоротный разрыв.

Тем не менее, если вы возьмете выходящую в Харькове газету левых эсеров «Борьба», где пишет та же Спиридонова, вы там прочтете пламенные призывы к объединению с этой самой «контрреволюционной, буржуазно-царистской партией коммунистов». На городской конференции в Харькове левый эсер Васильков говорит: мы требуем единый революционный фронт, который приведет нас к победе». Эсер Гришин убеждает своих товарищей: «Наша оппозиция должна быть только дружественной, почему нам нужен единый фронт во имя интересов революций. И наконец Общегородская конференция — так гласит принятая почти единогласно резолюция — одобряет шаги ЦК Украинской партии левых эсеров, сделанные для единства действий с украинскими коммунистами» [2].

Что же это такое? Здесь, в Москве, лидер партии, член центрального комитета этой партии, клеймит советскую власть самыми черными красками, а орган Харьковского комитета партии левых эсеров пишет:

«Советская власть в России, несмотря на все многочисленные ошибки, ею совершенные, сплотила вокруг себя всю революционную энергию трудовых классов, весь их революционный энтузиазм, и все те, кто был не с нею, тот фактически играл наруку контрреволюции» [3].

Всюду, где выступают левые эсеры, я советую товарищам задать им вопросы:

1. Если советская власть в России такова, какою ее рисует М. Спиридонова и другие ее подголоски, как *могла она, по признанию самих же левых эсеров, сплотить вокруг себя всю революционную энергию трудовых классов, весь их революционный энтузиазм»?*

[1] Из речи Ленина.
[2] «Борьба» № 14, Харьков, 22 января 1919 г.
[3] «Борьба» № 5, Харьков, II, I, 1919, М. Шелонин, «Новые союзники».

2. Так как левые эсеры были не с советскою властью России, а против нее, не играли ли они, по их же собственному признанию, фактически наруку контрреволюции?

3. Если коммунисты являются «контрреволюционной партией и даже буржуазно-царистской, палаческой, негодяйской, шарлатанской», как ее называет М. Спиридонова, — зачем левые эсеры зовут к объединению с нами?

Разоблачайте, товарищи, всю безнадежность, шаткость позиции левых эсеров, их нечестное отношение к фактам.

Теперешние выступления левых эсеров, равно как и меньшевиков, сводятся к тому, *может ли быть осуществлена в России диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства.* Вся борьба меньшевиков и правых эсеров за «демократию» и за Учредительное собрание была борьбой против *такой* диктатуры. В процессе борьбы мы заставили их занять новые позиции: в заявлениях правых эсеров и меньшевиков мы слышим признания, что новое Учредительное собрание (от которого они совершенно не отказываются) должно состоять из трудовых (социалистических) элементов. Украинская петлюровская директория вынуждена строить демократию, подделывающуюся под советы: «трудовой конгрресс» крестьян, рабочих и трудовой интеллигенции заменяет Учредительное собрание прежней Рады.

На V съезде советов левые эсеры заявляли, что не признают деления крестьянства на трудовое и беднейшее. Они боролись против противопоставления интересов этих групп. Камков заявлял: «А все же беднейшее *крестьянство объединено и прочно спаяно с трудовым крестьянством.* Это мы всегда утверждали». Всегда утверждали! Да, это вы утверждаете очень давно, уверяя нас еще в 1902 г. в газете «Революционная Россия (статьи Иностранцева), что *у нас нет сельской буржуазии.*

Но что вы утверждаете теперь, — вот что любопытно и важно! А теперь вы утверждаете вот что:

«Объединить трудовую деревню (значит она еще не объединена!) и *противопоставить ее паразитам и мироедам крестьянства, нанести первый беспощадный удар сельской буржуазии* (объявилась-таки!) и водрузить на трудовых низах красное советское знамя — вот задача дня» [1].

Левые эсеры признали очередной задачей дня «нанести первый беспощадный удар сельской буржуазии», а раньше они отрицали самое существование этой сельской буржуазии. Раньше

[1] «Борьба» № 7, Харьков, 12 января 1919 г., Талин, «Крестьянская стихия».

они заявляли устами Камкова, что «беднейшее крестьянство давно уже объединено и кровно спаяно с трудовым крестьянством», а теперь заявляют, что «создать это объединение — задача дня».

Вот, как запутались эти люди! Через полгода они приходят к тем же делениям крестьянской массы и повторяют за нами, что надо беднейшее крестьянство объединить с средним и бороться против кулацких элементов деревни. Нашим добром да нам же бьют челом. А в то же время делают вид, что они сделали величайшее социологическое открытие!

Но, сделав это открытие, партия левых эсеров, у которых, как и у всякого мелкого буржуа, в груди живут две души, никак не может выбраться из противоречий.

11 января М. Шелонин («Борьба» № 6) пишет:

«Неумный фарс, разыгранный эсерами в Уфе, пытавшимися перебросить мост соглашения между двумя классами... окончательно доказал, что *победителем из величайшей схватки труда с капиталом,* свидетелями которой мы являемся, *может выйти только тот или иной класс, а не* промежуточные его нюансы (переходы, оттенки, группы его).

Какой же класс должен победить? Лево-эсеровская газета «Борьба» признает, что «борьба ведется сейчас восставшим пролетариатом». Вот видите! А нас упрекали в узости, когда мы считали, что борьба должна закончиться диктатурой пролетариата и близкого к нему беднейшего крестьянства.

11января, отмечая явный поворот мелкобуржуазных партий, левые эсеры пишут:

«Наш долг не оттолкнуть ее (мелкую буржуазию), а принявши ее в свои ряды, ассимилировать ее (сделать ее подобной нам. — *Ем. Я.)*, зажечь ее революционным пафосом (вдохновенным чувством) советской власти, необходимо увеличить свои силы, расширить свой социальный базис (общественную основу)».

А 21 января, забыв про все это, та же газета в статье «Не складывайте оружие», упрекает нас, коммунистов, в том, что мы «сливаемся с меньшевиками». Газета пишет:

«Слияние с меньшевиками приобретает вполне реальные основания. Социальный базис большевизма переносится с беднейшей части населения на его зажиточные слои, главным образом на мелкую, сельскую и городскую буржуазию».

Всякий, не спятивший с ума человек только посмеется словам о «слиянии» коммунистов с меньшевиками. Но посмотрите, как заблудились эти несчастные левые эсеры! То они писали 10 дней тому назад, что надо не отталкивать мелкую буржуазию,

которая идет к нам, а потом они нас упрекают за то, что мы эту, переходящую на сторону революции мелкую буржуазию не отталкиваем!

Итак, мы можем установить, на основании признаний левых эсеров, следующие бесспорные истины:

В деревне есть обширный слой мелкой буржуазии. Эта мелкая буржуазия становится революционной. Наша задача — не оттолкнуть ее, а объединить с беднейшим крестьянством для очередной задачи дня. Задача дня — направить эти две силы против кулацкой буржуазии деревни. Победителем же из этой борьбы может быть только тот или иной класс, а не промежуточные слои (мелкая буржуазия). Может, значит, утвердиться или диктатура буржуазии, или диктатура пролетариата.

Товарищи скажут: да ведь это азбука. Да, товарищи, азбука; но что же делать, если мы имеем дело с политически малограмотными или даже неграмотными противниками.

„Правда" № 24 от 2 февраля 1919 г.

ЧЕГО ХОТЯТ ЛЕВЫЕ ЭСЕРЫ?

Левые эсеры хотят восстания против коммунистов, против Совета народных комиссаров.

Они начали подготовительные шаги к этому: они ведут устную и *письменную* агитацию за это восстание. Они выступают всюду на собраниях с самой недобросовестной, самой клеветнической, самой недостойной агитацией против нас. Еще на V съезде М. Спиридонова рассказывала сказки, будто мы согласились заплатить немцам 3 млрд. золотом за то, чтобы они разрешили нам проводить национализацию земли; будто мы вывезли на миллиард мануфактуры и миллион пудов хлеба. Тогда т. Ленин отметил эту чудовищную ложь.

Прошло 7 месяцев, а Спиридонова и ее друзья пользуются этим способом оклеветания коммунистов еще больше, чем прежде.

И теперь они прибавили к этому довольно ловкий прием. Это — подделка под обывательские толки и слухи, под обывательское недовольство, а иногда и под самую черносотенную агитацию.

Левые эсеры хотят восстания и призывают к нему. От их имени какая-то будто «группа красноармейцев левых эсеров» г. Москвы распространила воззвание.

Они лгут в воззвании, будто коммунистические ячейки в полках живут в особых привилегированных условиях, лучших, чем все красноармейцы. Мы расследовали и это обвинение, и оно ни в одной части не подтвердилось.

Они лгут, что смогут и будут бороться против Краснова, англичан и американцев, если сбросят коммунистов, — ибо они составляют горсть жалких, никчемных, ни на что неспособных болтунов.

Чего вы хотите, господа погромщики, говорите ясно! Вы призываете: долой смертную казнь!

А двумя строчками выше пишете: «Расплата крестьян и рабочих, а также наша ждет вас, изменники народа: кровь крестьян и рабочих никому не прощается».

Господа левые эсеры! Вы внушаете мысль красноармейцам, что они должны расплатиться с коммунистами и деревенскими лодырями. Вы призываете их к расплате. Как же смеете вы говорить: долой смертную казнь!

Разве не призываете вы красноармейцев предать смертной казни рабочих и крестьян-коммунистов (деревенские «лодыри» это ведь вся беднота деревни!). Вы распоясались, вы развернулись во-всю, и все видят черносотенную вашу природу, все видят, что вы зовете к погрому.

Левые эсеры хотят восстания. Они сбивают с толку красноармейцев, как левый эсер Попов, начальник отряда Всероссийской чрезвычайной комиссии сбивал своих солдат и матросов.

Что может быть в результате лево-эсеровской агитации? Еще большее кровопролитие.

Конечно они лгут и бесстыдно обманывают, будто они создадут иные порядки в армии, ибо в своих собственных партизанских отрядах *они назначают командиров, а не выбирают их, у них нет ни ротных, ни других комитетов,* потому что боевая обстановка требует иного устройства армии.

Иначе, как предательством по отношению к борющейся на революционном фронте армии, нельзя назвать агитацию, которая ведется сейчас левыми эсерами. Они знают, что мы бьемся против контрреволюции, что нас окружают империалисты; они знают лютую ненависть этих врагов к революции, к партии коммунистов, передовому отряду ее — к нашей Красной армии, вооруженной руке революции. И к ударам империалистов они присоединяют свое ослиное копыто; к лютой ненависти всемирной революции против нас, большевиков, присоединяют они яд своих речей и воззваний.

Надо раскрыть всем трудящимся, куда зовет их партия левых

эсеров. *Надо показать всем, что левые эсеры хотят восстания против рабочего класса и беднейшего крестьянства.* Надо показать всем, что за левыми эсерами потянулись уже теперь все те, кто раньше скрывался под флагом учредиловки.

„Правда" № 27 от 6 февраля 1919 г.

НИ ОДНОГО ГОЛОСА!

На заводе Амо на предвыборном собрании выступили со своим наказом «левые» эсеры. Что они «левые», об этом они сами говорят, хотя абсолютно ни из их речи, ни из наказа, ни из их «дел» не видно проблеска действительной, ни словесной, левизны. Наоборот, они договариваются в своем наказе до истин, чрезвычайно смахивающих на передовицы из покойного черновского «Голоса России» и заживо-смердящего кадетского «Руля».

Не угодно ли: «*Трудящиеся Советской России сейчас переживают момент небывалого спада революционной волны и необычайного усиления политической реакции*». Ну, еще бы: когда трудящиеся России с небывалым еще воодушевлением, необычайным революционным подъемом идут не только на свой праздник пятилетия Октябрьской революции, но с тем же революционным подъемом свершают свои трудовые будни, день за днем увеличивая производительность труда, усиливая производство — разве это не доказательство правоты лево-эсеровских болтунов?

Конечно эти господа, безуспешно пытавшиеся летом 1918 г. свергнуть из Трехсвятительского переулка власть пролетариата, бесстыдно объявлявшие в телеграммах, что они уже свергли эту власть, теперь горюют о «затяжке мирового социального движения, торжестве мирового меньшевизма, общем поправении международного движения и вступлении Коминтерна на путь соглашательской политики». Когда Коминтерн переходит к завоеванию большинства в рабочем классе, когда, как в Германии, от меньшевиков ежедневно откалываются новые и новые группы рабочих и становятся на путь активной борьбы — это поправение. Поистине, эти «лево-революционные» болтуны разучились даже отличать левое от правого, если договариваются до таких благоглупостей. Факт поправения буржуазии они выдают за поправение рабочего класса.

Но рабочий класс чувствует, что к нему пришли чужие ему люди, и когда левые эсеры, путающие буржуазию с пролетариатом, предлагают голосовать за свой наказ на заводе Амо, *ни одна рука не голосует за них.* Левые эсеры ошиблись: их наказ написан не для пролетариата, а для буржуазии.

Горько плачет лево-эсеровский наказ. «С болью и горечью» жалуется на то, что *«сейчас, после пятилетия Октябрьской победы, не осталось почти и следа от основных завоеваний Октября, а именно: отмена смертной казни».* Пусть каждый пролетарий вдумается только: сколько либеральной пошлости и мещанского кадетского языкоблудия заключается в том, чтобы считать главным основным завоеванием Октября — отмену смертной казни! Можно подумать, что левые эсеры крепко спали эти 5 лет. Для них не существовало белогвардейских заговоров, им неизвестно об оскаленных штыками фронтах вокруг Советской России, им неизвестно ничего о той бешеной, злобной, звериной ненависти, которая двигала против нас мировую белогвардейщину, против которой мы и выдвинули смертную казнь, как выдвигаем ее против всех опаснейших врагов рабочего класса. А теперь, когда мы казним злостных взяточников, хищных нэпманов, загребающих обманом с трудом созданное в национализированных предприятиях, срывающих усилия рабочего класса выбраться из тяжелого материального положения, — вы, господа, требуете отмены для них смертной казни? О них стараетесь? Им, вероятно, неизвестно и то, что *их партия выдвинула против рабочего класса таких людей, как Черепанов,* который в дни Октября сидел в Московском совете и говорил, что не может (боялся запачкать руки) принимать участия в гражданской войне *против белогвардейцев,* но зато организовал *бросание бомб в собрание рабочих и коммунистов в Леонтьевском переулке,* чтобы взорвать мозг Советской России, чтобы убить Ленина, Бухарина и других руководителей рабочего класса.

Вот почему, закрывая глаза на все это, лево-эсеровский наказ твердит право-эсеровские и кадетские зады, лжет и за тех, и за других и требует «чисто классовых рабоче-крестьянских советов», отлично зная, что нерабочие и некрестьянские элементы у нас не пользуются избирательным правом.

Вот почему они требуют свободы «революционно-социалистического слова, печати, собраний, союзов» и т. д., «амнистии заключенным социалистам, анархистам и всем борцам за интересы трудящихся», а несколькими строками ниже это требование превращается уже в свободу для «социалистического» слова вообще, без всяких прибавлений о «революционности».

За кого вы хлопочете, господа? Не требуете ли вы освобождения Гоца и К°? Не освободить ли тех «социалистов» и «анархистов», которые солидарны с вашими бомбометателями из Леонтьевского переулка и революционерами из Трехсвятительского, с убийцами Урицкого и Володарского, с сподвижниками белых генералов?

Грош цена всем вашим наказам, всем вашим программам, всей вашей болтовне! Рабочий класс Москвы и всей России вам ответил уже голосованием на заводе Амо: ни одного голоса этим людям, которые болтают о поправении рабочего класса, о политической реакции, о соглашательской политике Коминтерна, а сами требуют, чтобы мы встали на путь соглашения с врагами пролетарской революции, попавшими в тюрьму.

Ни одного голоса этим людям, которые устраивали восстания против пролетариата и только два года тому назад выступали с требованиями новой экономической политики и свободы торговли, а теперь лицемерно плачут о торжестве нэпа.

„Правда" № 275 от 5 декабря 1922 г.

V. За дымовой завесой меньшевиков и правых эсеров

(СИЛУЭТЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ)

РАБОТА БУРЖУАЗИИ

ВОССТАНИЕ БЕЛОЙ ГВАРДИИ В МУРОМЕ

В ночь с 8 на 9 июля в г. Муроме Владимирской губ. выступила белая гвардия. Ее царство в Муроме продолжалось несколько часов, но она рассчитывала несомненно на более длительный и глубокий успех.

Муромских белогвардейцев окрылило и вдохновило выступление левых эсеров в Москве. Когда они узнали о нем, когда получили телеграмму Лихобабина, чтобы задерживались телеграммы Совнаркома, это их несказанно обрадовало, как и всюду буржуазию обрадовало это известие. Работа их шла давно, они получали от штаба Алексеева деньги, вербовали добровольцев из офицеров, юнкеров, реалистов, купеческих сынков и бывших чиновников. Слабых людей привлекали они жалованьем в 300 руб. в месяц солдатам и выдачею 30 руб. суточных в день восстания каждому участнику. Воспользовавшись слабостью муромской милиции и слабостью красноармейской охраны в совете, они легко овладели Совдепом, захватили арсенал — винтовки, пулеметы и одно 3-дюймовое орудие.

Захватили вокзалы и все правительственные учреждения вплоть до помещения Высшего военного совета в Муроме; арестовали более 100 человек советских работников или заподозренных. Из базисного склада забрали 900 пуд. муки, сахар и другое продовольствие, 100 пуд. муки выдали железнодорожным мастерским, обещая назавтра выдать еще больше (1 тыс. пуд.), а остальные 800 пуд. рассовали по своим близким. В кассах советских учреждений забрали 187 тыс. руб. Пытаясь расширить свое влияние, перерезали провода, разобрали в нескольких местах же-

лезнодорожный путь. Всеми действиями руководил штаб из следующих лиц: 1) полковник *Перхуров,* 2) временно исполняющий обязанности уполномоченного национального правительства, представитель центрального штаба при восточном отряде *Н. Григорьев* и 3) командир восточного отряда Северной добровольческой армии *Н. Сахаров.*

Эти господа выпустили в ночь с 8 на 9 июля 4 воззвания и распространили их по городу. Первое из них: «*Приказ № 1*». В нем сообщается, что войсками Северной добровольческой армии командует бывший военный министр *Б. В. Савинков;* верховное командование всеми армиями принадлежит *ген. Алексееву.* В нем хвастливо объявляется военное положение: «в г. Муроме, Арзамасе и прочих пунктах, занятых в ночь с 8 на 9 июля». Между тем в Арзамасе им удалось лишь разбросать по городу прокламации, а в «прочих городах» так и не пришлось выявить себя; объявили всеобщий учет и мобилизацию офицерства, призвали всех с 18 лет вступать *в добровольческую армию; военно-полевыми судами* пригрозили всем, кто прямо или косвенно за советы.

В другом обращении «к населению» *Н. Григорьев* обещает, что *Учредительное собрание* установит новые основные законы; призывает возобновить деятельность городских и земских дум, а «до выбора новых представителей в думы к работе призываются члены думы и комиссары, находившиеся на своих постах при бывш. Временном правительстве», *Отменяется хлебная монополия:* «все ограничения советской власти при продаже и покупке хлеба отменяются. Хлеб продается по вольной цене». Как обрадовались бы этому спекулянты и кулаки! Как затрещали бы спины бедняков под их напором!

Третий документ — *воззвание «к рабочим и крестьянам».* Читаешь это воззвание и кажется, будто слышишь речь левого эсера Камкова. Тут и упреки в том, что «Совет народных комиссаров из Великой России сделал клочок земли, политый кровью мирных граждан и обреченный на муки голода». Тут и отголоски речи М. Спиридоновой, будто Совет народных комиссаров отдает хлеб Германии. Тут упрек, что «Совет народных комиссаров — игрушка в руках германского посла графа Мирбаха». Тут и указание на наши продовольственные отряды — все в духе последних речей левых эсеров на V съезде советов. А заканчивается воззвание призывом «да здравствует Учредительное собрание!» и подписью: «Союз защиты родины и свободы». Вот какие бывают за последние дни неприятные совпадения!

Четвертый документ — «*Извлечения из Устава Северной добровольческой армии*». Там вводится чинопочитание, титул «ваше

превосходительство», восстанавливаются чины и знаки отличия, обязательная молитва, отдание чести, разделение на низших и высших и наказание для них разное: низшим — высшее наказание, а их начальникам — низшее.

Недолго длилось их царство. Уже к утру стало известно, что на помощь Мурому идут красноармейские отряды из Колюбак, Москвы, Коврова, Владимира, Навашина и Павлова. Белогвардейцы стали отступать, разбирая путь за Климовым и Селивановкой. Побросали оружие и стали разбегаться. По дороге грабили встречных крестьян.

Преследование идет очень дружно: в нем принимает участие все почти трудовое население. Все понимают, чего хотели эти люди с белыми повязками на рукавах. Крестьяне говорят: мы лучше заполнили бы все канавы кровью, чем дали бы им возможность взять верх над народом. Шлют депутации, телеграммы Муромскому совету, благодарят за энергичную борьбу и подавление мятежа. Сейчас, когда пишу это письмо, в редакцию «Муромских известий совдепа» принесли сообщение, что настигнут отряд беглецов (кажется во главе со штабом) около Цыксы, и в перестрелке с ними убит один из коммунистов.

Белогвардейское восстание в Муроме подавлено, подавлено выступление буржуазии, одного из ее отрядов. Прочитывая выпущенные воззвания, мы должны отметить, что буржуазия рядится в одежды правых социалистов и даже кое-что заимствует у М. Спиридоновой. Буржуазия учитывала слабость вооружения коммунистов и уроком ее выступлений помимо беспощадного подавления участников мятежа должно быть поголовное вооружение коммунистов и создание из них настоящих, организованных отрядов. Необходима более основательная и надежная охрана советских учреждений.

А главное — необходимо самое широкое выяснение перед крестьянской и рабочей массой смысла этого мятежа. Товарищи из Мурома отмечают перелом симпатий у крестьянства, даже отсталого: выступление белой гвардии подвинуло эту массу к коммунистам. Нам остается со своей стороны подойти к этой массе ближе и помочь ей сорганизоваться. И совершенно правильно Муромский совет наметил основную линию своего поведения к буржуазии в «воззвании к рабочим, бедноте города и деревни»:

«Муромская буржуазия, как железными тисками, должна быть придавлена диктатурой пролетариата и деревенской бедноты».

„Правда“ № 148 от 18 июля 1918 г.

СИБИРСКИЕ АКУЛЫ

«На торгово-промышленном съезде были сделаны очень важные сообщения об образовании Союза возрождения России, в который входят не только правые группы, но и все так называемые оборонческие социалистические партии».

Так сообщает восторженно в передовой статье «Сибирская речь», газета кадетов, издаваемая в Омске [1].

Когда мы утверждаем, что правые группы, правые партии объединились теперь с так называемыми оборонческими «социалистическими партиями» — с правыми эсерами и меньшевиками, эти последние принимают обиженно-негодующий тон, и в лице П. Б. Аксельрода и Н. Русанова обращаются с «манифестом» к западноевропейским социалистам и спрашивают их: правы ли большевики, когда утверждают, что такой блок существует? Конечно правы, отвечает им один из их союзников — омская кадетская торгово-промышленная «Речь».

Когда мы утверждаем далее, что меньшевики и правые эсеры действуют в этом случае не только в союзе с правыми в России, но заключили блок с западноевропейскими империалистами, они еще больше негодуют.

А в том же номере «Сибирская речь» повествует:

«В настоящее время, судя по тем же сообщениям на торгово-промышленном съезде, попытка образовать Союз возрождения встретила не только широкое сочувствие внутри России со стороны различных групп ее населения, но также со стороны держав «противо-германской коалиции».

А дальше сообщается о том, что в Москве происходили совещания правых партий с оборонцами-социалистами и на этих совещаниях пришли к соглашению относительно создания блока.

Против кого направлен этот блок, охотно выбалтывает опять-таки та же «Сибирская речь». Этот блок направлен *против рабочих.*

В то время как сибирские кулаки-кооператоры, правые эсеры и меньшевики, купцы, промышленники разогнали советы, они знали, что *рабочие* будут против них.

[1] «Сибирская речь» № 45 от 23 июля 1918 г.

И кадетская газета с негодованием сообщает:

«Рабочие в некоторых сибирских городах, в самые трудные дни борьбы с большевизмом, выносят резолюции не порицания большевистскому варварству а, вопреки желанию других слоев населения, — о восстановлении советов.

Какой цинизм, какой невероятный позор!

Ради своих узких, ложно притом понятых интересов эти рабочие стоят за тот режим, какой погубил всю Россию» [1].

Вот как рабочие-то относятся! Какие они неблагодарные! Никак не хотят лезть снова в капиталистический свиной хлев, восстановления советов требуют!

То ли дело торгово-промышленники! Вот полюбуйтесь, как они сами описывают свой съезд:

«Собрались кряжистые сибирские люди и, по старому русскому обычаю, начали с молитвы. . .

Служил архиерей. Было торжественно и чинно. . .

А потом начались речи и приветствия, каких давно, давно не приходилось слышать». . .

Читатель конечно уже настроился после архиерейского молебна — «торжественно и чинно».

Что же они сделали, эти кряжистые сибирские люди?

1. Они отвергли не только Октябрьскую революцию, но и Февральскую. Сам «левый» глава сибирского правительства, гражданин Вологодский, назвал Февральскую революцию «злосчастной».

2. Они решили призвать «союзников» на помощь в деле укрепления угодного им порядка, а взамен обещают тем воевать «до победного конца».

3. Решили устранить от выборов во все органы городского и земского самоуправления и Учредительное собрание (о котором хлопочут даже самые черные — правые сибиряки) всех, не достигших 25 лет и всех солдат.

4. Боясь рабочих, они требуют создания особой армии, «состоящей из *владельцев недвижимых имуществ, предприятий, промыслов, лиц, имеющих образование не ниже 4 классов средних учебных заведений,* служащих в правительственных и общественных учреждениях».

Ну, что же — скажут нам: ведь вы тоже создаете, вооружаете классовую армию. Совершенно верно. Пусть только товарищи рабочие и крестьяне поймут: мы вооружаем *рабочий класс и кресть-*

[1] «Сибирская речь» от 17 июля 1918 г.

янство против буржуазии, а там, где власть советов уничтожена, стремятся создать *вооружение буржуазии против рабочих.*

Я знаю, изложенные в этой статье факты по-разному будут восприняты: враги рабочего класса будут им рады. А когда рабочий укажет на них меньшевику или правому эсеру, он отмахнется обеими руками, — он скажет, что не имеет никакого отношения ко всему этому.

Но его уличают новые и новые факты.

Вот передовая статья из «Сибирской речи», где пишут о восстановлении власти попов.

Принимая во внимание отмену всех декретов советской власти, *Совет министров* вполне правильно заключил, что вместе с тем отменен и большевистский декрет об отделении церкви от государства. Отсюда *совет логически сделал вывод о восстановлении* кредитов *на содержание духовного ведомства,* именно — консисторий, и кроме того *постановил принять на счет казны,* поскольку позволят средства Сибири, и часть расходов по содержанию духовных учебных заведений.

Но ведь Совет министров в Сибири — дело рук именно этих «оборонцев» социалистов. Областная сибирская дума больше чем наполовину состоит из таких горе-социалистов. И вот т. Шаталов, министр туземных дел Сибирского временного правительства, заявляет в Томске:

«На решение правительства об упразднении советов в значительной степени повлияла угроза определенных политических группировок обрушиться на рабочий класс имеющейся в их распоряжении силой» [1].

Расшифруйте-ка немного, господа хорошие, маргариновые социалисты эту фразу. Тогда рабочие увидят: 1) вы — трусы; 2) вы — только вывеска для буржуазии; 3) вы распустили советы, потому что этого хотела буржуазия; 4) у вас нет никакой реальной силы в Сибири; 5) сила в руках буржуазии.

К черно-желто-зеленому блоку этой буржуазии, — этих кряжистых сибирских кулаков, — присоединились и вы, пришив розовый лоскут к их знамени. И этот-то гнусный союз вы называете «Союзом возрождения России».

„Правда" № 175 от 18 августа 1918 г.

[1] «Сибирская речь» № 44.

ШЕСТЬ НЕДЕЛЬ СРОКУ

Неделю тому назад телеграфное агентство «Рейтер» сообщало из Владивостока, что «главнокомандующий чешскими войсками обратился к представителям держав Согласия с просьбой о немедленной присылке помощи в большом размере, так как только в таком случае возможен поход на Иркутск. *Если чехам с восточной стороны в течение шести недель не удастся занять Иркутска, все чешские войска, находящиеся в Западной Сибири, нужно будет считать погибшими»*.

По поводу этого сообщения не лишне будет напомнить то, что обнаружено из перехваченных документов в последние дни: *надежда* Учредительного собрания — *только на чехо-словаков: не будь чехо-словаков, вся авантюра право-эсеровских белогвардейцев терпит полное поражение.*

Этими двумя положениями должна определяться наша тактика на войне. *Быстрота натиска — вот условие победы.* Остается пять недель сроку, который сами чехо-словаки назначили себе. *Мы должны показать им гораздо раньше, что их надежды напрасны, что сопротивление бесполезно,* что они погибнут не через пять недель, а гораздо скорее. Для этого *надо преодолеть длящуюся вялость, нерешительность, медлительность нашей борьбы, энергичнее развить наступательную силу, увеличивать тревогу в рядах противника, не давать ему ни минуты отдыха.*

К борьбе на Байкале сейчас должно быть приковано наше внимание в особенности. Мы почти не имеем возможности оказать помощь нашим товарищам между Иркутском и Владивостоком реальной живой силой бойцов. Но мы окажем им огромную помощь, мы можем спасти их положение, если разовьем стремительную и более решительную борьбу сейчас между Симбирском и Екатеринбургом, а затем и далее на восток. Из приведенной в начале телеграммы агентства «Рейтер» видно, что Кругобайкальская дорога оказалась для чехо-словаков и белогвардейцев алмазным ядром, крепким орехом, который пришелся им не по зубам. Чтобы не дать им продвигаться вперед, наши товарищи взорвали большие тоннели на юго-восточном берегу Байкала. Они могут на горных высотах этого берега поставить артиллерию, и ни один пароход не высадит своих отрядов из

Иркутска, ни один значительный отряд не проскользнет по гвардейцам алмазным ядром, крепким орехом, который пришелся им не по зубам. Чтобы не дать им продвигаться вперед, наши товарищи взорвали большие тоннели на юго-восточном берегу Байкала. Они могут на горных высотах этого берега поставить артиллерию, и ни один пароход не высадит своих отрядов из Иркутска, ни один значительный отряд не проскользнет по узким береговым проходам старого кругобайкальского конного тракта. С 14 июля по 15 августа — за месяц — они не взяли этой дороги и между ними и их дальневосточными союзниками простираются не только бурные воды Байкала, но и горы Забайкалья, и огромное пространство между Забайкальем и Никольск-Уссурийском. Как сибиряк я знаю, *насколько ненавидят сибирское население японцев*. Даже враждебные большевикам сибиряки (кроме конечно явных реакционеров) встретят этих непрошенных гостей с ненавистью, будут с ними бороться.

Идя вперед, мы должны помнить: в стане врагов — разложение, тревога. Главная сила — чехо-словаки — тает и на пути к полному уничтожению. Не наша вина, что она оказалась орудием в руках контрреволюции: оно должно быть выбито из рук противника, уничтожено.

Если сами чехо-словаки назначили крайний срок — шесть недель, они несомненно взвесили силы свои и нашу возможность продвижения с востока. Их телеграмма имеет только один смысл: хотя и очень трудно в шесть недель притти к нам на помощь, но вы, японцы, должны это сделать, если хотите нас спасти.

Мы должны сделать все, что в силах, чтобы противник опоздал. И, идя вперед, мы должны помнить: чем сильнее наш напор, тем сильнее не только разложение сил противника, *но тем скорее мы соединимся с нашими союзниками — с пролетариями и полупролетариями Поволжья, Урала и Западной Сибири.* Мы должны спешить на соединение с ними, зная, что каждый разбитый укрепленный пункт врагов развязывает наши силы, освобождает их для дальнейшей борьбы и не дает противнику расширить фронт.

Исторические силы работают за нас — за коммунистов, но надо, чтобы и мы, коммунисты, не отставали от требований жизни.

Враг мечется перед разрушенными тоннелями Кругобайкальской дороги, дальше их он не должен пойти!

„Правда“ № 179 от 23 августа 1918 г.

СЕРЕДИНЫ НЕТ

Наша Красная армия, одушевленная твердой уверенностью в неибежности своей победы над паразитами, идет все дальше, вперед, гоня перед собою казанских, симбирских, хвалынских, сызранских и самарских белогвардейцев всех мастей. Волга от Казани до Симбирска очищена по обе стороны, и наша флотилия, заняв с. Богородское против устья р. Камы, движется по Каме и Волге, преследуя противника. Все переправы через Дон заняты и укреплены красными полками, и армия наша — точно туго натянутая тетива — вот-вот ударит стройными ударами по всем направлениям.

В то же время в Уфе созываются съезды наших врагов. Самара находится под ударами революционной армии: «самарское правительство», знаменитый Комитет Учредительного собрания, — тоже под ударом. В Уфе собралось «государственное совещание», где жалкие людишки лепечут давно изжитые и опрокинутые жизнью формулы о «единой демократии», о коалиции, о сотрудничестве классов и прочих сданных в архив принадлежностях мелкобуржуазных предателей социалистической революции. Бессилие, дряблость, безжизненность этих формул лучше всего подчеркнуты Всероссийским торгово-промышленным съездом, открывшимся в той же Уфе 7 сентября. Вслушиваешься в вступительную речь председателя съезда князя А. А. Кропоткина и кажется, будто присутствуешь на совещании промышленников в Москве летом 1917 г. Опять *призывы к военной диктатуре:* «Нужна сильная власть с каменным сердцем и твердым разумом. Должна быть единая власть — военная». Что должна защищать эта власть? Свое (т. е. капиталистов) имущество, свою собственность. И в прочитанных приветствиях от отдельных промышленных организаций звучит один мотив: *жажда единоличной военной диктатуры и создание армии, могущей быть оплотом собственников.*

Но еще определеннее торгово-промышленный съезд высказался устами бывшего обер-прокурора святейшего синода Временного правительства Львова (все старые знакомые! соратники Керенских, Чхеидзе и Церетели!):

«*Надо* наконец, — сказал он, — *освободиться от социалистических заблуждений.* Надо же наконец *вернуться на старый*

проторенный и верный путь. В строительстве государственности *мы должны положить основным принципом право собственности.* Но это может сделать не мечущаяся власть, которая сегодня гонит большевиков, а завтра готова их звать обратно. *Если социалисты заявляют нам, что они одни справляться с государственным строительством не могут и ищут нашей помощи, то государственная мудрость торгово-промышленников должна им ответить: «освободите наши места, мы справимся без вас!» (Бурные аплодисменты.) Необходима твердая единая власть. Такой властью может быть только власть военного диктатора».*

Здесь все ясно, обнажено, закончено. Сейчас осень и отцветает кратковременная любовь Львовых к Веденяпиным, Ленским, Кибрикам, Лихачам, Черновым и другим помощникам их белогвардейских восстаний. Подхлестываемые наступлением Красной армии, они видят полное бессилие той смехотворной коалиции, которую в десятый раз создают правые эсеры и меньшевики. Собственники надеются в Сибири удержаться — надеются уже не на соглашателей, а на японские, американские штыки и на классовую армию, созданную из собственников, — армию, которая защищала бы собственность. Промышленники совершенно правильно говорят господам Майским, Прибылевым и другим предателям социалистической революции: «Господа, ведь вы совершенно бессильны, вы никакой своей творческой идеи не внесли, вы сами призываете народ к капитализму». А если же создавать и укреплять разрушенный капиталистический порядок, то мы сами, без вас сделаем это лучше. Вы помогли нам сбросить диктатуру рабочего класса и беднейшего крестьянства. Перестаньте мечтать о примирении интересов. Никакого примирения быть не может: на место диктатуры пролетариата торгово-промышленный класс считает необходимым создать сильную власть с каменным сердцем и твердым разумом. Это не ваша власть, это — военная диктатура торгово-промышленного класса».

Давно сказано: реакционеры — не краснобаи, а люди дела. Тут не до красноречия! Скоро в Уфе заговорит рабочий класс, скоро по эту сторону Урала не будет места соглашениям, будут прогнаны Львовы и Кропоткины. Революция не остановится перед Уральскими горами, она смело шагает через горы и реки. И она скажет господам Львовым: мы справимся без вас! Но самой жалкой, самой позорной ролью в этой борьбе двух сил является — это уже теперь ясно для всех — роль партии эсеров, проституирующей с февраля месяца в русской революции социалистические принципы. Бесславно будет она раздавлена создав трагедию целого поколения людей, попавших между мо-

лотом революции и наковальней контрреволюции. Без творчества, без яркой мысли, эти люди будут измолоты, вызвав презрение в душе их сегодняшних союзников, — проклятие в душах тех, кого они обманывали своей социалистической фразеологией.

Пролетарий же пойдет своей дорогой по пути разрушения всех преград к социализму, — по пути великого творчества новых форм жизни трудовой республики.

„Правда" № 201 от 19 сентября 1918 г.

САМАРСКИЙ СОВЕТ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ

Гони природу в дверь,
Она влетит в окно.

Не дано «победителям» видеть отрады от рабочего класса, нет для них в нем опоры. Меньше всего радует белогвардейцев рабочий класс Самары.

В самом деле. Совет рабочих депутатов и все профессиональные организации были настолько разгромлены, что не осталось ни одного неарестованного правления профессиональных союзов. Рабочий класс не успокоился, не сдался, и господам Ленским, Кабцанам и К° пришлось создавать вновь совет в Самаре.

Они все сделали, чтобы совет не воскресил былой власти рабочего класса. Большевиков или расстреляли, или запрятали в тюрьму, нельзя было никому назваться большевиком в царстве полковника Ребенды, Авксентьева и мосье Жанне. Ограничили совет задачами очень узкими, и однакоже — какой скандал! Большинство и в этом совете оказалось не на стороне Ленских и Кабцанов. Эта *«беспартийная крайняя левая»* вызывает теперь непрестанную тревогу одних, бешеную ненависть более откровенных.

Всего только было два заседания совета, а крайняя левая провела уже требование, принятое большинством Самарского совета, крайне опасного свойства, а именно:

1) *всеобщее вооружение рабочих;*

2) *снятие военного положения;*

3) *немедленное прекращение политических арестов, обысков, расстрелов, самосудов и пр.;*

4) *немедленное освобождение из тюрьмы всех политических заключенных;*

5) *отстаивание всех декретов, изданных Совнаркомом, как то:*

8-часовой рабочий день, контроль рабочих над производством, страхование от болезни, безработицы, инвалидности за счет предпринимателей и т. д.;

6) *отстаивание постановления III Всероссийского съезда советов о земле.*

А ежели власть и буржуазия будут противоречить сим требованиям то «провозглашенные выше лозунги Совет рабочих депутатов Самары будет отстаивать всеми имеющимися у него средствами» [1].

И это еще не все. В декларации, по поводу покушения на т. Ленина, говорится, что если Ленин умирает, остается жить идея его, если гибнут большевики, то большевизм не может погибнуть. Наконец «Совет посылает привет большевикам, объявленным правительством врагами народа, требует их освобождения и заявляет, что от власти руководительства отказываться не следует!» [2].

«А дальше что будет? Ведь это только начало. Это результаты двух только первых заседаний!»

«Что же еще нужно?» — так спрашивает «Утро Сибири» по поводу этих грозных для врагов трудящихся фактов.

«Уфимская жизнь» тревожно озаглавила статью свою: «Начинается» и спрашивает:

«Мыслимо ли это, чтобы в нашей столице теперь так бесстыдно и беспардонно раздавались такие речи, чтобы в разгар всенародного напряжения в борьбе с большевиками друзья Ленина и Троцкого открыто звали массу на новые большевистские подвиги?»

Да, начинается. В гимне гарибальдийцев поют: «Bastone tedesco l'Italia non doma» — Немецкая палка не укротит Италии». И палка учредиловцев не укротит самарских рабочих, готовых «всеми средствами» отстаивать свои классовые интересы, ни омских, посылающих от себя на съезд большевиков, ни рабочих вообще. В этом порукой — поведение Самарского совета, созданного меньшевиками, в этом порукой — предательская политика социал-шовинистов, врагов рабочего класса всех мастей, торгующихся сейчас на Государственном совещании в Уфе.

Привет нашим самарским товарищам, томящимся в тюрьме, привет самарскому пролетариату!

„Правда" № 207 от 26 сентября 1918 г.

[1] «Наш день», Самара, 8 сентября 1918 г., № 65.
[2] «Сибирская речь» № 70.

месяц несчастное население пряталось по арыкам, садам и оврагам; отряд Иванова охотился за обезумевшими от голода и несчастья людьми и довел их до того, что женщины разбивали своим детям головы о камни, чтобы не переживать их страданий.

Вся территория города Джизака была конфискована и распределена по такой таксе: за кровь начальника уезда — 400 десятин, за кровь русского — 100 десятин, за кровь чиновника-туземца землю не трогали.

За эти свои подвиги полковник Иванов назначен был при царе Ферганским военным губернатором. Он зорко следил за революционным движением младосартов, действуя в контакте с местной охранкой. Летом 1917 г. документы об этом печатались в ферганских газетах.

Как только разразилась Февральская революция, этот герой заявил себя приверженцем ее, но все же его арестовали в Скобелеве, перевели в Ташкент, откуда он выпросился на фронт.

Этот человек теперь решает судьбы трудящихся в Сибири, он — уполномоченный того правительства, которое социал-предатели выдвинули властью вместо рабоче-крестьянских советов. Он — «спасет» Россию.

Да, это — бриллиант в короне! Он достоин украсить теплую компанию. . .

«Иеглама, Иванова бироман — молчи, Иванову отдам!»

„Правда" № 208 от 27 сентября 1918 г.

НЕ ЗАДУШИТЕ!

Подходит осень, остаются короткие недели, в Сибири — даже дни, когда наши враги могут рассчитывать на военные успехи. Надо спешить! Не сегодня-завтра падет Сызрань. Все яростней, непреклонней напор наших уральских товарищей на Екатеринбург и Уфу, все тесней сжимается полукруг, в котором барахтаются и лгут, и клевещут, и насильничают над трудящимися враги пролетарской революции. Надо спешить: скоро сибирские морозы остудят порывы англо-американцев, двинувшихся в легкий поход на помощь чехо-словакам и учредиловцам.

Все как будто шло хорошо: наглые приказы японского командования расклеиваются в Чите. Уфимское государственное сове-

щание и партия эсеров послали делегатов приветствовать союзников, идущих душить тружеников Советской республики. Вот уже должны были появиться на путях от Байкала к Уралу вспомогательные отряды архангельских бандитов.

Но пролетарий, задушенный, расстреливаемый, запертый в тюрьме — пролетарий остается той силой, которая разрушает планы наших врагов. Уже протянутые руки врагов он отводит прочь и говорит хищникам: Нет, не дадим вам убить Советскую республику, нет, не задушить вам рабочей революции.

«*Из Омска сообщают по телеграфу, что Временное сибирское правительство объявляет во всех подчиненных его власти областях осадное положение. Эта мера вызвана забастовкой служащих, приостановивших работу с целью воспрепятствовать передвижению чехо-словацких войск*».

В то же самое время Южный Китай формирует революционную армию против реакционного китайского правительства, поддерживаемого Японией. Япония стоит перед возможностью и неизбежностью большой войны.

И ее положение осложняется явно осмелевшими выступлениями американских империалистов. Эти мировые ростовщики, эти мировые хищники теперь почувствовали силу, ибо их войска сейчас стоят в Америке, их флот господствует, их капиталы, их сырье питают войну. И они протягивают свои жадные руки к Восточно-китайской железной дороге. Но ведь к этой же дороге тянутся и другие, не менее жадные руки китайских и японских капиталистов. В тот час, когда казалось, хищники могут спокойно взять беззащитную страну, их противоречивые интересы сталкиваются, вот-вот они готовы будут схватиться, как враги, за горло и душить друг друга, как сейчас они душат германских и британских империалистов.

Мы следим за развертывающейся перед нами трагедией мировой войны и наблюдаем переход ее в драму мировой революции.

Мы видим, как дорогу наступающим хищникам заграждает восстающий пролетариат, и говорим уверенно, бодро: нет, господа, вы нас не задушите!

И горячим сердцем нашим откликаемся мы на борьбу наших омских товарищей и шлем им горячий привет от авангарда мировой революции — свергнувших власть буржуазии пролетариев Советской республики!

„Правда № 211 от 2 октября 1918 г.

РАСКОВАННАЯ БУРЖУАЗИЯ

В подлом страхе перед надвигающимся крахом предательских комбинаций, созданных в Самаре, Уфе, Челябинске, Омске и других местах, партия меньшевиков становится прямо отвратительной, то умоляя буржуазию забыть о классовых интересах, то обещая ей полную свободу, то угрожая ей «единым фронтом демократии». Меньшевики признают, что

«...освобожденная от большевиков Сибирь чем дальше, тем все больше лишалась основных завоеваний революции и становилась игралищем в руках безответственных реакционных генералов. Политический режим освобожденной Сибири все больше становился режимом военной диктатуры» [1].

Они знают теперь, что

«...убожество политической мысли и оголенность классовых вожделений буржуазии говорят сами за себя».

Они спрашивают: отчего бряцает оружием буржуазия? О чем шумят господа Львовы и иже с ними? Разве преследуют буржуазию? *Разве ее лишают собственности?* Разве ее подвергают всем ужасам политического безмолвия и рабства? *Разве ее сковали по рукам и ногам и она не может проявить своей творческой инициативы не только для блага России, но и для блага класса.* Нет, все это не так. *Силами демократии буржуазия раскована для каких угодно деяний. Ей идут навстречу, для нее расчищают огромное поле деятельности.* Так почему же она все-таки недовольна? Может быть, демократия, вставшая у власти, возглавляемая всенародным Учредительным собранием, ведет страну к гибели? Нет, об этом не заикнулся до сих пор ни один самый отъявленный реакционер.

Да, господа предатели: вы не преследуете буржуазию, — вы развязали ей руки для преследования рабочего класса. Вы не лишаете ее собственности, вы защищаете ее всеми силами, ценою гибели передовых сил рабочего класса. «Всем ужасам политического безмолвия и рабства» вы подвергаете не буржуазию, а рабочий класс, который вы запрятали по тюрьмам. Вы развязали буржуазии руки *для блага ее класса.* Но кто же не знает, что это

[1] «Вечерняя заря», № 143, 10 сентября, Самара.

благо буржуазии становится источником мук рабочего класса? Да, силами *вашей* социал-предательской демократии «*буржуазия раскована для каких угодно деяний*». В нашем царстве «*ей идут навстречу*, для нее расчищают огромное поле деятельности».

Эти дурачки в подлом страхе спрашивают униженно: чем ты еще, душенька, недовольна? Ведь всем ублажаем тебя, Тит Титыч! Рабочих сократили, буржуазию расковали, буржуазия на воле, рабочий в тюрьме.

А тем, отвечает князь Львов, что опостылили вы мне, жалкие никчемные людишки, болтуны вы отчаянные и никакой за вами силы нет. Справиться без нас не можете, зовете нас к власти, а мы и без вас великолепно обойдемся.

Тогда меньшевики становятся в грозную позу. Но нет ничего комичнее и отвратительней, когда общипанная мокрая курица, только что нарядившаяся в павлиньи перья, становится в угрожающую позу.

Чем же грозят меньшевики буржуазии? «*Единым фронтом демократии*». Святители! А мы до сих пор думали, что там, в светлом блаженном царстве меньшевиков и правых эсеров, уже восстановлен единый фронт, — они так нас уверяли в этом.

«*И если буржуазия* в результате своей изменнической политики, столь же безбрежной по классовым заданиям, сколько ограниченной по стремлениям и целям национальным, *вызовет к действительности единый фронт демократии, если, провоцируя гражданскую войну, она пробудит в рядах демократии готовность отстоять родину от окончательной гибели,* — пусть тогда пеняет на себя за тяжесть расплаты».

Так пишет Ал. Бович в «Вечерней заре».

Это прямо великолепно!

Значит, *до сих пор в рядах вашей демократии не было готовности отстоять родину от окончательной гибели? Значит, пробудить эту готовность в вас может только гражданская война?*

Большего банкротства социал-предательства нельзя было ожидать самым смелым мечтателям.

Великое дело сделано было в Чехо-Словакии: *раскованная меньшевиками и эсерами буржуазия навсегда отучила рабочий класс от остатков доверия не только к буржуазии, но и к ее лакеям.*

И на том спасибо!

„Правда" № 212 от 3 октября 1918 г.

ГОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

«Если восстанет класс, в котором *сосредоточены революционные интересы общества,* он находит содержание и материал для своей революционной деятельности непосредственно в своем собственном положении; он уничтожает врагов, принимает меры, вызываемые потребностями борьбы, и результаты его собственных действий толкают его дальше. Он не *занимается теоретическими исследованиями* своих собственных задач, — так писал Карл Маркс в 1850 г. в «Классовой борьбе во Франции».

В октябре 1917 г. восстал русский пролетариат. Именно в нем были «сосредоточены революционные интересы общества». Когда-то Г. В. Плеханов, не оборонец социал-шовинист Плеханов, не создатель группы «Единства», а Плеханов — организатор «Группы освобождения труда», писал, что «Русская революция победит как революция рабочего класса или никогда не победит». Русская революция победила именно как революция рабочего класса, и этим уже определился весь ее характер. Победивши, пролетариат в своем собственном положении находит материал и содержание своей революционной деятельности. Он уничтожает врагов своих. Злейший его враг и враг многомиллионного крестьянства — частная собственность на землю: он уничтожает это право частной собственности. Самого крупного исторически отжившего носителя этого права — класс дворянства, помещиков — рабочий класс сметает с лица земли.

«Пролетариат принимает меры, вызываемые потребностями борьбы». Именно потребностями этой борьбы вызывалось окончание империалистической бойни, и пролетариат разрывает связывающие его с «союзниками» договоры и выходит из войны. 14-миллионная армия, набранная для империалистической бойни, встречает радостно этот шаг, расходится по домам и продолжает в течение года начавшуюся в 1917 г. в городах революцию, продолжает ее еще до сих пор по самым глухим сельским углам.

Так пугавшая всех демобилизация империалистической армии происходит сравнительно безболезненно — ни при каком другом порядке она не прошла бы так сравнительно спокойно. Нет тех

«ужасов полной анархии», которые так мерещились нашим врагам и лжедрузьям.

Даже разгромы усадеб дворянских происходят редко: зачем громить, когда все это наше, когда можно все «взять на учет», все обратить на пользу трудящихся!? Правда, богатый мужик, норовящий стать на место помещика, рассуждает иначе и стремится урвать: урвать племенной скот, урвать хорошую землю, обстановку барской усадьбы, фруктовый сад, но все это на первое время.

Пришла весна. На барской земле сеют крестьяне. Много еще полей незасеянных, но незасеянных меньше, чем в прошлом году. Хлеб — богатство. Сеют сколько могут, сколько семян да рук хватает.

А беднота? Что ж она — как и прежде, пойдет просить у богатого милостыню? Кулак попрежнему будет продавать хлеб по 200 — 500 руб. за пуд? Будет прятать его, гноить, перегонять на самогонку? Нет, этого не будет!

По всей стране — комбеды (комитеты бедноты). Гражданская война переносится в деревню. Пришла осень — урожай хорош, весь во-время собран, взят на учет бедняками. Всем оставить на посев — весною засеем в полтора-два раза больше; всем оставить по норме на прокорм до нового урожая; излишки — в голодающие губернии. Самое страшное время голода минуло, теперь проживем, прокормимся своим хлебом, даже если Украина не даст.

Но комбеды поставили перед средним крестьянином задачу: с беднотою или с кулаками? С беднотою итти — вперед, к общественным формам хозяйства, к использованию образцовых экономий, к созданию трудовых коммун. Весь государственный аппарат им на помощь. С кулаками итти — итти назад — против пролетариата городов, против деревенской бедноты, против трудовых коммун. Еще часть среднего крестьянства на распутьи, часть — и значительная — понимает: буржуазия — класс умирающий, пролетариат — класс подымающийся к жизни, к полной победе. Сопротивление крестьянства пролетарской революции все слабее. Гражданская война усилила деревенскую бедноту, ослабила деревенскую буржуазию.

Но может быть мы, коммунисты, отступили от правильного пути? Может быть то, что мы делаем, не следовало делать? Правда, восстающий класс «не занимается теоретическими исследованиями своих задач». Но он всегда критически относится к своим действиям. И в великую минуту социалистического переворота он остался верен пути, начертанному еще в 1847 г. в «Коммунистическом манифесте».

Целый ряд распоряжений и мер проводит в жизнь это требование.

«Пролетариат воспользуется своим политическим господством, — писал Маркс, — *чтобы рядом нападений отнять у буржуазии весь капитал, чтобы централизовать все орудия труда в руках государства, т. е. организованного в качестве господствующего класса пролетариата,* и по возможности скорее увеличить массу производительных сил. Конечно *сначала это может совершиться только путем деспотических вторжений в право собственности и в буржуазные условия производства,* следовательно путем мероприятий, которые с экономической точки зрения кажутся недостаточными и маловажными, но которые в ходе движения перерастут самих себя и неизбежны, как средства для преобразования всего способа производства».

А нас уверяли, что русский пролетариат не должен так воспользоваться своим политическим господством. Мы рядом нападений отнимаем у буржуазии весь капитал. Мы централизуем все орудия в руках государства, т. е. организованного в советы рабочих и крестьянских депутатов пролетариата города и деревни. Если мы не увеличили еще заметно «массу производительных сил», то в этом виною непрекращающаяся мировая бойня и вся предшествовавшая разруха. Конечно сначала все мероприятия выражаются «только путем деспотических вторжений в право собственности и в буржуазные условия производства. Конечно господам меньшевикам и иным социал-реформаторам наши мероприятия кажутся недостаточными и маловажными, но они уже «в ходе движения перерастают себя»...

«Коммунистический манифест» наметил программу, которую мы, русские коммунисты, почти целиком выполнили:

1. «Экспроприация поземельной собственности и обращение поземельной ренты на покрытие государственных расходов». Наш закон о социализации земли, о национализации недвижимой собственности в городах и является выполнением этого пункта. Продовольственный налог на деревенских кулаков является обращением поземельной ренты на покрытие государственных нужд.

2. «Высокий, прогрессивный подоходный налог». Он проводится нами с первых дней революции, усилен чрезвычайным налогом последнего месяца.

3. «Уничтожение прав наследства». Мера, проведенная декретом Совета народных комиссаров с самого начала переворота.

4. «Конфискация имущества всех эмигрантов и бунтовщиков».

5. «Централизация кредита в руках государства посредством Национального банка с государственным капиталом и исключительной монополией». Национализация банков, конфискация содержимого сейфов, как и чрезвычайные налоги и контрибуции на буржуазию, — все это ведет к централизации кредита в руках государства.

6. «Централизация перевозочных средств в руках государства». Национализация железных дорог и водного транспорта.

7. «Увеличение числа государственных фабрик и орудий производства; возделывание и улучшение полей по общему плану». Этому очень многое препятствует, но изготовление сельскохозяйственных орудий и инструментов значительно увеличилось. Трудовые коммуны и есть сельскохозяйственные школы, направленные к планомерному ведению сельского хозяйства, к поднятию его.

8. «Одинаковая обязательность труда для всех; учреждение армии труда, в особенности для земледелия». К этому ведет введение всеобщей трудовой повинности, создание уборочных отрядов, тыловое ополчение, классовый продовольственный паек, создание трудовых книжек для нетрудящихся и жилищная классовая система, отдающая первенство прав на жилище трудящимся.

9. «Соединение земледельческого труда с фабричным, *постепенное* уничтожение различия между городом и деревней». Конечно это мера, *как постепенная*, и не могла быть проведена в течение года, но она уже намечена хотя бы в создании обязательного разведения огородов в фабрично-заводских городских центрах.

10. «Общественное и даровое воспитание всех детей. Устранение фабричной работы детей в современной ее форме. Соединение воспитания с материальным производством и т. д.».

Создана «Единая трудовая школа», где воспитание соединяется с материальным производством, где проводится общественное и даровое воспитание всех детей. Законы об охране детского труда и труда подростков. Уничтожение всех запретительных препятствий на пути к просвещению. Социалистическая академия, пролетарские университеты, пролеткульт, тысячи рабочих клубов, театров, студий, отделение церкви от школы, — все это составляет огромный переворот в области просвещения.

Церковь отделена от государства.

8-часовой рабочий день.

Контроль рабочих над производством.

Социальное обеспечение.

Уничтожение нищенства, биржи труда, кассы безработных — это только отдельные моменты, звенья огромной цепи фактов, окрепших и расцветших за этот год гражданской войны.

И наконец — создание мощной Красной армии. Всеобщее обучение военному делу, курсы командного состава, огромная культурно-просветительная работа в армии, большой боевой опыт, создание своего кадра инструкторов, победа над белой гвардией.

Внешняя политика — прямое продолжение внутренней. Пропаганда и агитация всеми доступными средствами лозунгов и идей международной пролетарской революции.

Вперед, вперед и вперед!

„Правда“ № 241 от 6 ноября 1918 г.

ВИННИЧЕНКО — ШЕЙДЕМАН

Донскому телеграфному агентству сообщают из Киева, что в страны Согласия (Францию, Англию) выехала делегация Украинского национального союза в составе Винниченко, Пиковского и Мазуренко для осведомления Европы об украинских делах, а также и для выяснения взглядов союзников на судьбу Украины.

В то же самое время член этого союза Шапалов заявляет, что *союз требует освобождения общественных деятелей небольшевиков, свободы печати, отмены репрессий против умеренных социалистов.*

Знакомые лица, знакомые речи, знакомые приемы!

Это они, бывшие творцы предательской Украинской рады, подняли теперь головы! Это они, приведшие ген. Эйхгорна и Гофмана, помогшие Сулькевичам и Скоропадскому, заговорили своим рабьим языком!

Это украинские меньшевики и правые эсеры говорят униженно: господа победители, помилуйте нас, мы — умеренные, мы — покорные, мы — домашние социалисты, укрощенные царем-капиталом!

Господа Винниченко и Мазуренко требуют освобождения общественных деятелей, но только не большевиков. Мы можем сказать им за это большое спасибо, так как этим они превосходно отделяют себя от крестьянской и рабочей массы Украины, поднимающей восстание под знаменем коммунистов. Мы не нуждаемся

в заступничестве Винниченко: восставшие украинские рабочие и крестьяне освободят во многих местах большевиков раньше, чем Винниченко успеет поцеловать сапоги своих господ с английской, французской и американской биржи.

Та свобода печати, которую они введут, нам прекрасно известна: за нею скрывается свобода клеветать на партию коммунистов и на всю социалистическую революцию, искажать перед народом лицо и смысл и содержание этой революции.

Мы не сомневаемся в успехе поездки Винниченко к союзникам. Когда-то на спине этих предателей въехали в Киев империалисты кайзеров: Вильгельма, Карла и двух дюжин коронованных негодяев Германии. Теперь, когда эти негодяи потеряли свои короны, господа Винниченки хотят помочь империалистам Англии, Франции и Америки в их благородном деле удушения русской революции.

Как всем социал-предателям, им нужен какой-нибудь демократический плащ.

Как недавний лакей Вильгельма Филипп Шейдеман бесстыдно провозглашает социалистическую республику, оставляя нетронутым самое гнусное капиталистическое рабство в Германии, так Винниченки заявляют, что для них единственный хозяин Украины — селянин-работник.

И как в закипающей в Германии гражданской войне будет похоронен Филипп Шейдеман, теперешний лакей Вильсона, так украинские рабочие и крестьяне, восстающие во всей Украине, выбросят лакеев союзного империализма — господ Винниченко и Мазуренко из Украины. Весь вопрос только во времени. События говорит нам: это время не за горами.

„Правда" № 252 от 21 ноября 1918 г.

УРОК

Давно уже начали правительства стран Согласия — и в этом они солидарны с буржуазией всего мира — поход против большевизма. Но к этому моменту их наступление еще больше усилилось. Перед ними открылись нежданные возможности. Самый ненавистный, самый здоровый очаг большевизма, Советскую Россию, они до сих пор беззубо кусали с севера, безуспешно пытались задушить с востока и с юга. Торжествуя свою победу, эти господа создали совершенно определенный *план захвата и оккупации всей Европы.*

Во исполнение этого плана надо было создать в крепкой Советской республике волнующийся тыл. И вот, *словно по команде, начинаются в целом ряде губерний волнения крестьян.*

На основании довольно обширного материала можно теперь уже выяснить характер этих волнений, о которых мы уже говорили в «Правде».

В целом ряде случаев движение шло из организованных белогвардейских *штабов:* в Калужской, Смоленской, Псковской, Тверской и Тамбовской губ. Эти штабы состояли из бывших офицеров-белогвардейцев или местных кулаков. Тактика их была такая: почти одновременно повсюду из штабов разосланы были по волостям призывы к восстанию, причем эти призывы составлялись таким образом, что в них (большею частью вымышленно) сообщалось об уже присоединившихся к восстанию волостях. Начался сборный пункт, куда должны были сойтись все мужчины от 18 до 45 лет. Группа вооруженных приходила в деревню и угрозами поджога домов всех сопротивляющихся заставляла подыматься и вооружаться все взрослое население: хотя многие разбегались, но отряд вооруженных по мере передвижения увеличивался и этим действовал еще больше на остальные волости. Так восставшим удавалось сколачивать отряды в 3 — 4 тыс. человек. Эти отряды захватывали целый ряд уездных городов: Венев, Каширу, Сапожок, Михайлов, Раненбург, Моршанск, Гжатск, Духовщину, Поречье и др. Они разбирали железнодорожный путь, который был прерван более чем в 20 местах, захватывали станции, портили телеграф и телефоны, кое-где захватили оружие. Само собою разумеется, что *против таких действий* пришлось прибегнуть к

самым решительным мерам. Обыкновенно небольшие отряды в 50—200 человек ликвидировали такие выступления, но в отдельных случаях приходилось, как например для ликвидации восстания в Тамбовской губ., пускать в ход артиллерию. В настоящее время восстание всюду ликвидировано.

В богатых хлебом местностях кулаки вырезали членов и председателей комитетов бедноты, в бедных, наоборот, комитеты бедноты остались нетронутыми. Резолюции, вынесенные в волостях, дают возможность судить, какой *сумбур* господствовал в политических понятиях восставших.

Вот резолюция Булыгинской волости и Бухмачевской волости. Лозунги их: «Долой советы, долой жидов, да здравствует Учредительное собрание, да здравствует федеративная республика!»

Рядом с лозунгом «Долой советы» говорится о том, что на *VI съезд советов надо послать представителей трудовых крестьян, а не коммунистов.*

Наши враги использовали мобилизацию Красной армии. Тут и заявления, что мобилизация лошадей «нарушает развод скотоводства», тут и требование, чтобы вернуть своих сыновей из Красной армии. В тех же приговорах имеются требования *сохранить весь аппарат, созданный нами* для Красной армии (военные комиссариаты), только заменив военных комиссаров ставленниками белогвардейцев.

Конечно в полной мере были использованы все промахи, ошибки, а иногда и преступления местных советских учреждений и отдельных лиц. Несомненно, немало было злоупотреблений на местах, озлобивших население, *и мы считаем необходимым создать особую ревизию, которая всесторонне на месте установила бы все такие причины выступлений.*

Самая ликвидация восстания далеко не всегда велась должным образом. Нам жалуются на целый ряд злоупотреблений, хищений, насилий при обысках, при поисках оружия, — злоупотреблений, направленных против бедноты, озлобивших бедноту. Мы должны признать, что во многих случаях своевременно, умело и широко поставленная агитация устранила бы возможность выступления. Ведь эти выступления оставят глубокий след.

Мало того, что они на время расстроили мобилизацию, транспорт, приостановили подвоз продовольствия: они озлобили массу населения.

Но они имели и другую сторону: они раскрыли глаза широкой массе крестьянства на тех, кто именем Учредительного собрания хотел их поднять против рабоче-крестьянской России, против Красной армии. Со слезами на глазах обманутые белыми красно-

армейцы клянутся бороться с ними беспощадно. Надо только, чтобы этот урок не прошел для нас даром. Надо самым конкретным образом начать устранять общие и местные причины, сделавшие возможным выступление. Всем товарищам, которые могут всесторонне выяснить эти причины, мы предлагаем направить материалы в редакцию «Правды». Мы убеждены, что такое выяснение только укрепит доверие широких трудящихся масс к авангарду революции — коммунистической партии.

„Правда" № 256 от 26 ноября 1918 г.

„ДОЛОЙ ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ"

Этот лозунг красуется на всех воззваниях, во всех резолюциях меньшевиков и правых эсеров. Белогвардейский заговорщический Национальный центр, раскрытый в Москве, писал Деникину: «Вашими лозунгами должны быть: «Долой гражданскую войну»... И можно подумать, что все хотят прекращения гражданской войны, а советская власть этого не хочет: можно подумать, что все стремятся положить ей конец, одни лишь зловредные воинствующие коммунисты знать ничего не хотят об окончании гражданской войны.

Лозунг прекращения гражданской войны выкидывается меньшевиками, эсерами и белогвардейцами для тех, которые верят, что можно прекратить гражданскую войну свержением советской власти, и для тех, кто безмерно устал и равнодушен ко всяким переменам, лишь бы его не беспокоили.

Но сознательная, здоровая, живая часть трудящегося населения городов и деревень должна была на опыте уже познать, что скрывается за этими словами.

Опыт прошлого года с чехо-словаками — «кровавый опыт», как его называет один из меньшевиков — Александр Бович (Генкин). Каждому можно посоветовать прочесть открытое письмо этого бывшего меньшевика и шире распространить его. Он пишет в этом письме:

Почему же это случилось? Почему те, которые радовались изгнанию советской власти, очень скоро должны были платить потоками рабочей крови самарскому «чеходержавию»? Почему на всем протяжении Урала и Сибири вместо народовластия и уч-

редилки утвердилась (это написано еще до прихода красных на Урал. — *Ем. Я.*) банда пьяных удалых атаманов, истязующих трудовой народ? . . . Почему с таким небывалым восторгом и ликованием встречают Красную армию по пути ее побед. Ответ один: трудовые массы Поволжья, Урала и Сибири познали на собственных спинах, к чему привела их эсеровско-меньшевистская «всенародная» власть, они на опыте познали, какого палача представляет собою буржуазия, когда она утверждает свою власть, свое «право» на землю, фабрики, на эксплоатацию «рабочей скотины».

Прекратилась ли тогда гражданская война? «Сама жизнь каждый день убеждала рабочих, что вместо обещанного им эсерами и меньшевиками прекращения гражданской войны их втягивают все больше и больше в новую гражданскую войну, но на этот раз «против их же братьев рабочих и крестьян»[1]. «Мстительная, кровожадная, ненавистная приходила в города Поволжья белогвардейская орда под флагом учредилки и потоками рабочей крови обозначала путь своих побед и поражений»[2].

Так было в Поволжьи на Урале, в Сибири. Там знают цену этим словам о прекращении гражданской войны, познав их кровавым опытом. Этот кровавый опыт сейчас совершается на южном фронте. Деникинские молодцы учат теперь в Курской, Воронежской, Орловской губерниях и на всем юге, что под словами «долой гражданскую войну» кроется неслыханная еще гражданская война с такими зверствами, которые раньше и не снились в самых страшных снах.

Бывший меньшевик Ал. Бович (Генкин) пишет в конце своего письма:

«И когда иной раз здесь, в Советской России, приходится слышать даже в рабочей среде... возгласы: «Нам все равно, какая власть»,[3] становится больно за остальную часть рабочих, и хочется, чтобы хотя умственным напряжением перенеслись они на равнины Заволжья, Урала и Сибири, где покоятся трупы десятков тысяч их замученных братьев.

Спросите у этих трупов, спросите у этих заброшенных могил, у детей, лишившихся своих кормильцев, у матерей, теряющих рассудок от безысходного страдания, спросите у ночи, которая кишит кошмарными видениями виселиц и надругательствами, спросите у камней мостовых, которые обагрены рабочей и крестьянской кровью, — и они скажут вам правду о той ураганной мстительной

[1] «Кровавый опыт», стр. 8.
[2] Там же, стр. 10.
[3] Там же, стр. 16.

ярости, которую приносит с собою буржуазия всюду, где она восстанавливает свою власть».

Эту страшную правду теперь разносят беженцы с юга, тысячами бегущие в Советскую Россию от озверелых «избавителей». И здесь в тылу, наконец, начинают понимать, что только победой над Деникиным, над контрреволюцией, над белогвардейщиной всех видов можно прекратить гражданскую войну, что всякий иной путь, а особенно победа буржуазии, ведет лишь к еще более жестокой гражданской войне, делает более длительными страдания народа. Весь мир, все шире и глубже охватываемый пламенем гражданской войны, служит великим примером для этой истины, которую должен усвоить каждый.

„Правда" № 219 от 2 октября 1919 г.

ОКРОВАВЛЕННЫЙ УРАЛ

Деникинцы поставили пяту свою над Екатеринославом и Харьковом, Киевом и Одессой, Полтавой и Херсоном, Николаевым и Симферополем, Курском и Царицыном, десятками уездных городов, тысячами деревень. Судьба их ужасна, участь их — обреченных разгрому. Когда Красная армия швырнула с Урала Колчака, перед нами раскрылись склоны, залитые кровью рабочих и крестьян. В «Уральском рабочем» товарищи рассказывают:

«Село Ильинское — кулацкий центр... Здесь был центр карательного отряда по Оханскому и Соликамскому крестьянским районам и по Чермозскому и другим заводам. Оставлено *700 трупов рабочих и крестьян. В Чермозе — 47, в Майкопе — 145.*

В Кизеле кровавая вакханалия приняла ужасающие размеры. Кизел хотели затопить в крови, но каждая пролитая капля заражала местью сердца тысяч рабочих.

В последний день своего пребывания комендант сбросил в шахту: в одну — 26, в другую — 27 человек. *Людей приводили и приказывали падать в шахты. Одна из женщин с грудным ребенком на руках отказалась. Ударами приклада ее сбили с ног и вместе с ребенком бросили в шахту. Когда кончили, в одну шахту бросили 5 бомб, в другую — 95 семипудовых колес.*

В обывательско-крестьянском Н.-Туринском заводе расстреляно 40 человек. Но особенно там свирепствовала порка. У помещения коменданта, по рассказам учителей, «стоном стон стоял», как на скотобойне.

В Верхотурьи для экономии патронов арестованных заставляли смыкаться грудью и простреливали их.

В Надеждинском заводе был сам князь Вяземский — расстреляно 400 человек. В его помещении стены двух комнат сплошь покрыты кровавыми пятнами. Здесь пороли.

В Николо-Павдинском свирепствовал некий начальник по фамилии Саботаж. Его жена избивала детей коммунистов и рабочих»[1].

Учительница Е. Жукова рассказывает страшную, жуткую повесть о том, как 17-летнюю девушку, Ф. Черноголову, избив железными прутьями и ручкой револьвера по голове (бил офицер), отдали на изнасилование 20 белым солдатам! Когда учительницу с четырьмя другими женщинами перевозили в вагоне куда-то, солдаты вновь бросились насиловать Черноголову и др., а затем стащили и учительницу. Никакие мольбы о пощаде не помогали. Тогда она бросилась в дверь, и, раненая двумя выстрелами, все-таки успела добраться до лесу и бежать.

Ф. Черноголова — одна из многих тысяч работниц и крестьянок, отданных на поругание белым.

Деникинцы поставили пяту свою над десятками и тысячами деревень. Их орды подвигаются все дальше на север, в глубь России. Участь окровавленного Урала ждет вас, пролетарии, вас, крестьяне, вас, миллионы трудящихся, если допустите, чтобы власть их длилась хотя бы неделю. Разорванная бомбами, раздавленная колесами, расстрелянная, ограбленная и выпоротая, будет стоном стонать трудящаяся Россия под этой мстительной пятой. Остановите же их, идите в Красную армию, помогайте ей во всем! Сделайте невозможным движение вперед деникинцев, ускорьте их гибель, ускорьте конец мучительной, страшной борьбы, но ускорьте его так, чтобы участь всей России не стала похожей на окровавленный Урал, только что освобожденный нами от Колчака и его слуг.

„Правда" № 221 от 4 октября 1919 г.

АГИТАЦИЯ ДЕНИКИНА

Недавно деникинцы распространили на юге листок за подписью: «Летучий комитет партии коммунистов-большевиков Доно-Азовского района». В нем деникинцы якобы от имени боль-

[1] „Уральский рабочий" № 37. от 17 сентября 1919 г. Екатеринбург. В. Мутных. „Вчерашнее и сегодняшнее".

шевиков пишут: «Товарищи рабочие! Мы торжественно обещаем вам, в первый же день нашего прихода мы направим отряды в деревни и станицы для реквизиции хлеба, скота и мяса и все за гроши отдадим вам!»

Так деникинцы думают восстановить земледельческое население против рабочих. Чтобы еще более убедить крестьян-казаков в адских замыслах рабочих, деникинцы от имени большевиков пишут:

«Товарищи рабочие! Вы должны, отбросить всякую мягкость, твердо помнить , что каждый крестьянин и казак, имеющий собственность, — ваши враги. Безразлично, будет ли это собственная земля, собственная лошадь или собственная хата, — он враг социалиста, и враг не меньший, чем фабрикант и заводчик...»

Но эта агитация мало помогает. Крестьяне действуют заодно с рабочими.

В особенности крестьян сейчас задевает отбирание и уничтожение советских денег. В особой прокламации деникинцы убеждают крестьян: «В Харькове уже почти все обменяли». А в Харькове они уверяют, что в Екатеринославе уже почти все обменяли. «Обменивают» же они очень оригинально. Отобрав все деньги, выдают не больше 500 руб. николаевскими, да еще пишут в прокламации: «Народ конечно будет благодарен за тот подарок, который сделает добровольческая армия, обменяв деньги». Еще бы не быть благодарными, когда эту благодарность выколачивают казацкой нагайкой!

Самые широкие слои крестьянского населения убеждаются теперь, что для них выгоднее советская власть: деникинцы ничего кроме грабежей и насилия с собою не принесли, а отобрали последнее. Говорят об уничтожении гражданской войны, а ведут ее в еще более странных формах. Вместо «твердых цен» вводят «хлебную повинность» и «интендантские цены» — не в лоб, а по лбу! Угоняют скот, мобилизуют всех от 17 до 48 — 50 лет, а уж насчет того, чтобы получить от них какие товары, — об этом и думать не посмей, — у самих ничего нет давным давно.

И как ни хитрят, как ни обманывают деникинцы, то подделываясь под анархистов, то под большевиков, от своей гибели они не открестятся ни крестом, ни перстом!

„Правда" № 222 от 5 октября 1919 г.

ТЕЛЕГРАММА генерала МАМОНТОВА

Газета, издающаяся в Ростове-на Дону, «Приазовский край» 27 августа (9 сентября) помещает следующую телеграмму ген. Мамонтова:

«Наши дела идут блестяще, без потерь для себя. Разгромлены все тылы и советы. Советская армия разлагается, оставшись без коммисаров и без патронов. Сам Троцкий едва выскочил из рук казаков, потеряв свой поезд и *своего постоянного спутника — любимую собаку...*

Посылаем привет, *везем родным и друзьям богатые подарки,* войсковой казне — 60 млн. руб., на украшение церквей — *дорогие иконы и церковную утварь.*

Ждем в свои ряды оставшихся по разным причинам, чтобы проявить всю казачью мощь, вихрем влететь *в Москву* и выгнать оттуда врагов русского народа.

25 августа, ст. Грязи, ген. *Мамонтов.*

Среди лжи и хвастовства здесь стоит остановиться на правде грабителя, который на радостях и впопыхах выбалтывает то, о чем может быть ему не лишне было бы и помолчать.

Можно оставить без внимания его болтовню насчет разложения советской армии. Генерал утешается и утешает своих донских поклонников.

Но всякий задумается, прочтя эту телеграмму. *Мамонтовцы везут богатые подарки друзьям и родным. Откуда они их взяли?* Ведь им никто не подносил! *И самый недогадливый поймет: награбили.*

И еще подумает: *мамонтовцы везут дорогие иконы и церковную утварь — откуда они их взяли? И самый недогадливый поймет: награбили.* Ограбили фонд, *церкви.* Потому что церковную утварь в продовольственных лавках не найдешь, ее можно найти только в церкви, и эти-то церкви ограблены мамонтовцами. А так как совесть у мамонтовских молодцов «кобылья», как говорят крестьяне, так как руки у них воровские, то можно себе представить, сколько у этих мародеров церковных украшений очутилось в казацких шароварах!

И эти разбойники с большой дороги, похваляющиеся своими грабежами по телеграфу, смеют думать, что кто-нибудь поверит

в прочность их дела! Нет, «вихрем влететь в Москву» вам не удастся, а проявить казачью мощь генералы Мамонтовы могут только в погромах, в зверствах, в изнасилованиях, в том, чтобы хорошенько пограбить на «богатые подарки родным и друзьям».

Но полюбуйтесь на нравы в деникинском царстве, если о таких зазорных вещах там посылаются и печатаются хвастливые телеграммы! Поистине: каков поп, таков и приход!

„Правда“ № 223 от 7 октября 1919 г.

ТОРГОВЫЙ ДОМ САВИНКОВ—ГУЧКОВ—МИЛЮКОВ И Кº

Со времени Октябрьского переворота 1917 г. Советская республика не знала ни одного дня покоя... Никакая страна, никакой народ не выдержали бы такого неслыханного натиска.

Велико было с самого начала число душителей. Буржуазные палачи всего мира, предатели всех степеней, саботажники всех оттенков, преступники большие и малые, профессора, генералы, ученые и невежды — попы и короли, президенты и банкиры — все соединились для столь благородного дела.

Несмотря на это, удушение не удалось — это теперь уже можно сказать уверенно. Советская Россия и в международном отношении и в военном никогда еще не была так сильна, как в эти дни, когда в ее сердце, в Москве собирается Всемирный международный конгресс III Коммунистического интернационала. Скрепя сердце, стиснув хищные зубы, Ллойд-Джорджи ведут переговоры с представителями Советской республики. Торговые сношения начались. Волей-неволей пришлось допустить, что к Советской России устремляется все революционное, что накопилось во всем мире. Капиталистический мир переживает первые жестокие схватки с восстающим пролетариатом, и он сознает, что у него есть еще маленькая оттяжка — немедленный мир с Советской республикой.

Но в то же время борется в этом капиталистическом мире и другая сила, готовая терять все, лишь бы не допустить торжества Советской республики. Эти группы непримиримых врагов Советской республики находят еще силу поддерживать военные дейс-

вия против нас. Они не успокоятся до тех пор, пока революция в других странах не лишит их опоры в этих капиталистических разбойничьих притонах, где особенно шумит за последнее время под патриотической вывеской «Единая неделимая Россия» — «Торговый дом Савинкова, Гучкова, Милюкова и К°».

Эти дяди взяли себе исключительный патент на любовь к России, на патриотизм, и этот патент ныне скреплен не только банкирами и спекулянтскими буржуями Лондона, Парижа, Нью-Йорка и Токио, но и господином фон-Мюдлером — представителем баварских помещиков и другими фонами и баронами Германии.

Каков их патриотизм на деле, какова их «единая неделимая», об этом теперь все знают. А их краснобаи — писатели, философы Мережковский и Гиппиус пишут в польских газетах письмо, благословляя разгром России, и откровенно говорят: «Пусть Россия будет маленькая этнографическая Россия, но пусть это будет Россия». Другими словами, пусть Россия будет расхищена, мы продадим ее в розницу всем, кто нам поможет раздавить Советскую республику, на деле объединившую Россию, — лишь бы нам, торговому дому Савинкова — Гучкова — Милюкова, дали возможность поцарствовать хотя бы в одном из уездов Московской губ. А пока, если Япония желает нам помочь и душит Восточную Сибирь, да здравствует японский штык и его повелитель — Микадо. Если барон Врангель может захватить Крым — да здравствует барон Врангель, — так говорят и действуют эти патриоты.

И вот, после всех шушуканий, насилий над русскими военнопленными за границей, после всех лицемерных заявлений дипломатов, московский купчик Гучков организует новый поход на Россию. В Кенигсберге, в Германии, Гучкову удается собрать, завербовать до 80 тыс. человек — офицеров главным образом. Уже давно шла эта вербовка, несмотря на все протесты наши. Конечно господа Черчили и Фоши их снабдят всем необходимым. Конечно они получат разрешение пройти через Латвию, о чем они очень хлопочут. Они будут действовать заодно: русские купцы, немецкие бароны, польские паны, английские и французские ростовщики, японские гешефтмахеры, семеновские бандиты.

Жлто-черный интернационал собирает свои последние силы, чтобы напасть на Красный интернационал.

Кто имеет уши, чтобы слышать, глаза, чтобы видеть, что делается среди трудящихся всего мира, тот поймет, что торговый дом Савинкова — Милюкова — дутая фирма, что она потерпит в ближайшее время такое же банкротство, какое потерпела более могучая, более богатая фирма Деникин — Юдевич — Колчак — Миллер.

Для этого нам надо еще дружнее отстаивать наше великое дело по объединению, просвещению и организации всех трудящихся. Для этого нам надо еще увереннее возрождать наше хозяйство, борясь со всеми недостатками и преступлениями, оставленными нам в наследство всем прошлым. Для этого еще энергичнее надо выкуривать, выводить на солнышко всех паразитов, всех агентов разбойничьей торговый фирмы, всех ее вольных или невольных помощников, притаившихся в складках огромного организма Советской республики.

Советская Сибирь" № 148 от 7 июля 1920 г.

КРОВАВЫЙ УРОК

(О КРОНШТАДТЕ)

В наших руках в настоящее время огромный материал, позволяющий нарисовать картину недавно разыгравшихся событий вокруг Кронштадта, теперь уже отступивших несколько на задний план. Доставляемые кадетской, монархической и социалистической печатью материалы и результаты судебного следствия, — все вместе дает полное право утверждать, что перед нами в революционной оболочке было самое доподлинное, самое яркое контрреволюционное движение. Но если бы у нас ничего не было, кроме «Известий временного комитета матросов, красноармейцев и рабочих г. Кронштадта», издававшихся самими мятежниками с 3 по 17 марта, то и тогда можно было установить истинный характер, настоящую подоплеку движения. Это я и попытаюсь сделать.

2 марта принимается на общем собрании, на Якорной площади, резолюция, главные пункты которой сводятся к тому, что надо произвести перевыборы советов тайным голосованием, что надо дать свободу слова всем партиям, не позднее 10 марта собрать со всей Петроградской губ. беспартийную конференцию, упразднив всякие политотделы, уравнять паек для всех трудящихся, упразднить коммунистические боевые отряды.

3 марта выходит № 1 «Известий военного ревкома Кронштадта». Он обманывает красноармейцев, рабочих и матросов крупно печатаемым сообщением, что «*в Петрограде всеобщее вос-*

станет», объявляет, что Временный ревком выбран только потому, что собрание граждан боялось репрессий со стороны коммунистов.

Ревком 3 марта заверяет, что *не будет пролито ни единой капли крови*. Но уже 4 марта Ревком объявляет, «*чтобы не поддавались панике и страху, если придется услышать стрельбу*». В расчете, что богатые американские дядюшки и Антанта пришлют продовольствие, раздаются продовольственные запасы, но конечно *никакого равенства пайков не вводится*, потому что его и нельзя вести: матросы и красноармейцы остаются на привилегированном пайке.

Как же обстоит дело «со всеми свободами»? Само собой разумеется, что они остались пустой болтовней. Коммунистов начали ловить и несколько сот их попрятали по тюрьмам, кроме малодушных трусов, изменивших партии, примазавшихся к партии — этих обласкали и оставили на свободе. А всех стойких, честных коммунистов запрятали в тюрьму. Когда разнеслись слухи о насилии над ними, Ревком заявил:

«Комитет никому не мстит, никому не угрожает; все кронштадтские коммунисты находятся на свободе и им не угрожает никакая опасность. Задержаны только те, кто пытался бежать и был перехвачен патрулями». Тут же похваляются они тем, что не тронут и волоса с головы семейств коммунистов.

А 20 марта в № 8 «Известий» мы читаем уже, что «семьи коммунистов и их родственников с провокационной целью, желая посеять панику среди населения, распространяют самые нелепые слухи». А потому... «граждане, старайтесь задерживать виновников и доставлять их в Революционный комитет». А уж там им пропишут «кузькину мать». Временный революционный комитет предупреждает, что против них будут приняты решительные меры, диктуемые обстоятельствами военного времени».

Итак значит обстоятельства военного времени (а мы ведь все эти годы живем при подобных обстоятельствах) заставили кронштадтских горе-«революционеров» похерить все те свободы, ради которых они свергали власть коммунистов, и отказаться от них тотчас же, как они их пообещали. Тюрьма наполнилась коммунистами, часть которых перед самым уходом из Кронштадта белогвардейского «ревкома» была приговорена к смертной казни. Только вот не успели расстрелять, а то бы совсем хорошо вышло с этой бескровной революцией, в которой погибло столько людей, расстрелянных пушками этих вольных и невольных агентов капитала.

Теперь бравые эсеры измышляли, что коммунисты подают световые сигналы, а потому «расправа с ними будет производиться на месте, без всякого суда, по законам, диктуемым переживаемым моментом». Это надо запомнить каждому рабочему, каждому крестьянину. Теперь есть не мало людей, указывающих пальцами на «черезвычайку», как на «бяку», многие склонны принимать за правду всякие уверения, что ВЧК как орган борьбы, существующий только потому, что существует диктатура пролетариата, а без диктатуры пролетариата никаких органов расправы не будет. На самом же деле, как только начинается борьба настоящая, так свободолюбивые наши противники создают тотчас же «ревком», который производит «расправу на месте без всякого суда» [1]. Протестуя против лишения их свободы в Советской республике за то, что они ведут против нас бешеную борьбу всеми средствами, они набивают тюрьму коммунистами, как только власть переходит в их руки. Протестуя против смертной казни, они приговаривают к смертной казни коммунистов только за то, что они имели честность и мужество не отказаться от принадлежности к коммунистической партии.

Как гордо поднимали свой голос эти соловьи против комиссаров, против политотделов! Но сами же они создали повсюду своих комиссаров: их «ревтройки», которые они всюду насажали, заменили собою наши комячейки, только с другого конца: комячейки боролись за укрепление коммунистической революции, «ревтройки» «беспартийных», меньшевиков, эсеров и анархо-махновцев боролись за то, чтобы на их ослиной спине могли въехать в Россию помещики и капиталисты, изгнанные коммунистами.

Конечно они вынуждены были создать и свои политотделы в частях, как имела и имеет их всякая организация, борющаяся за власть.

«Вся власть советам, а не партиям», так заявляли они каждый день в газете. И стараются скрыть, что за спиною всех этих актеров: Кильгастов, Вершининых, Соловьянов, попа Путилина и др. стоят определенные, враждебные коммунизму и социализму партии. Все сдабривается революционными фразами, а за ними — гниль самая гнусная. Служатся молебны, совершаются официальные службы в соборе, а в то же время праздник «Парижской коммуны» отменяется отделом труда. Эти люди клянутся по радио пролетариям всего мира, что они — за коммунизм, за социализм. А на отмене праздника «Парижской коммуны» выказывают всю

---

[1] «Известия» № 11 от 13 марта.

ненависть мелкого буржуа против великих бунтарей пролетариата — наших предшественников — коммунаров.

Правда, далеко не все повидимому так были настроены. Обмануть всех нельзя было. Ведь кронштадтские пролетарии видели, что начинается слет черного воронья: приехал Вилькен, которого матросы «Севастополя» когда-то выкинули с корабля; появились «какие-то неизвестные люди», нельзя было скрыть, что монархическая сволочь радуется. Приходилось ловко лавировать, чтобы усыпить подозрительность. Поэтому приветственная телеграмма Чернова, поздравляющего кронштадтцев с низвержением советов, печатается без подписи Чернова и в несколько измененном виде. О том, что Чернов предлагал вести борьбу под лозунгом учредилки — ни слова. В статье «Господа или товарищи» 6 марта «Известия» пишут:

«И вы, товарищи, сейчас торжествуете бескровную (!) и великую победу над диктатурой коммунистической партии, *торжествуют вместе с вами и ваши враги.*

Вы воодушевлены горячими стремлениями восстановить подлинную власть советов..., а они — надеждой восстановления царской нагайки и генеральских привилегий.

Одна ваша оплошность, и они вырвут у вас штурвал, и советский корабль может пойти ко дну под злорадный хохот царских лакеев и прислужников буржуазии».

Так писали они, зная, что нельзя скрыть правду, скрыть истинный конец движения, которому они прокладывали дорогу. Но тотчас же звоном хвастливых фраз заглушали тревогу пролетариев.

А тревога была. Наши красноармейцы подобрали на льду разбросанные перебежчиками крошечные листовки, наскоро, крадуче набранные и с ошибками напечатанные листовки, от которых веет неприкрашенной жуткой правдой. (Печатаем с сохранением ошибок подлинника.)

ВСЕМ РАБОЧИМ, ВСЕМ КРАСНОАРМЕЙЦАМ!

Братья товарищи!

Братский и ниский привет и поклон из Кронштадта шлем вам товарищи, мы, беспартейные рабочие, старые моряки и фронтовики красноармейцы говорим вам. Беда! К Кронштадту подбираются генералы белогвардейцы. Нас обманули партии с.-р., анархисты дерутся между собой за власть. Прибывшие генералы и офицеры затерли нашего брата и держат в ежовых рукавицах. Спешите! Иначе плохо. Кронштадт попадет в лапы буржуев. Мы голодуем. Идут обыски и облавы. Отбирают все, скорей, смелей,

братья, верните Кронштадт обратно в Советскую Республику. Старых мобилизованных красноармейцев не отпускают домой. Не отдавайте нас на растерзание в лапы белогвардейцев.

Уполномоченные от беспартейных красноармейцев и старых моряков: Шухин, Колтун, Андреев, Ивалов, Полоченко, Свирцов, Павлов, Ковшиков и Волошкин».

Вот, значит, как было: старые моряки и фронтовики и рабочие чувствовали, что под видом беспартийной власти к ним подкралась беда в виде генералов и финляндских белогвардейцев, которые до поры, до времени прятались в стороне, за спинами всех этих Путилиных, Вершининых, Соловьяновых. «Вся власть советам, а не партиям», говорили мятежники, а на деле «анархисты и эсеры дерутся между собой за власть, генералы и офицеры затерли нашего брата». Вчитайтесь в эту коротенькую записку и вы увидите в ней, как в капле воды, отражение всего того, что пережили рабочие, матросы и красноармейцы, которые не дали себя убаюкать пустозвонам из кронштадтского ревкома.

В «Известиях» можно прочесть много заявлений о выходе из партии коммунистов. Когда читаешь эти заявления, чувствуешь, что все эти людишки — жалкие, дрянные душонки, шкурники, вошедшие в партию не тогда, когда ей приходилось туго, а тогда, когда они надеялись поживиться «жареным и пареным». А когда пришлось ответ держать за принадлежность к партии, эти жалкие трусишки отшатнулись от нее. Так разве в них сила? Сила была в тех героях, которые ни на какие соблазны и страхи не поддались, в тех, кто шел по открытому льду, изрытому снарядами, по воде, под ураганным огнем крепостных орудий; в тех героях, которые брали крепость. «Где это видано, чтобы пехота брала флот?!» — говорили эти герои; — да, где это видно? Конечно не у тех, кто хвалился, что они понесут знамя третьей революции в Петроград по всей России, по всему миру. Это видано в коммунистической партии, это видано в Советской республике.

А как они хвастались!

«Победить или умереть!» Вот заседание 4 марта. Оно так и озаглавлено: победить или умереть! («Известия» 5 марта). Вот они гордо заявляют «трусам и клеветникам» (это конечно они по нашему адресу):

«Пройдет еще несколько часов и вы вынуждены будете сдаваться,— угрожают коммунисты.

Презренные лицемеры! Кого вы хотите обмануть?

Не лгите, трусы, и не обманывайте народ! Вы знаете нашу силу и нашу готовность либо победить, либо с честью умереть, а не удирать, как ваши коммисары».

Итак, запомним, они вовсе не собираются удирать, как эти мытари и грешники «коммисары».

Эту хвастливую ноту они тянут до самого конца. А в решительную минуту они бросают экипаж «Севастополя» и «Петропавловска» и с частью гарнизона бегут в белогвардейскую Финляндию, куда им на помощь уже спешат капиталисты всего мира. Бегут самым трусливым образом, готовые взорвать крепость и дредноуты, разгромив несколько прибрежных деревушек, посеяв кровь, раздоры, ужас, смерть, доставив величайшую радость всем злейшим врагам рабоче-крестьянской Советской России.

Советская власть медлила с решительными действиями. Советская власть искала выхода мирным путем. Она предлагала сдачу Кронштадта и решение спорных вопросов путем переговоров. А они считали наши мирные предложения признаком нашей слабости. Так 8 марта «Известия» писали:

«Недельное существование вольного Кронштадта — доказательство их (коммунистов) бессилия».

Еще один момент... «и т. д.».

Трудно было сначала кронштадтским матросам, рабочим и красноармейцам разобраться: усталые от многолетней борьбы, они на несколько дней поверили агентам мирового капитала, что настает третья революция, когда установится «доподлинная советская власть», без партий, со всеми свободами, с абсолютным равенством, без крови, без борьбы. Дорогой ценой заплатили трудовые массы за эту свою ошибку. Надо ли доказывать теперь, что все было построено наруку злейшим врагам трудящихся? Ведь теперь уже все знают, что вся мировая буржуазия ухватилась за Кронштадт, как за якорь спасения для своего тонущего корабля. Затея на этот раз сорвалась. Они попытаются еще не однажды притти, как в Кронштадте, к рабочим, крестьянам и красноармейцам и поднять их против коммунистической партии, против диктатуры пролетариата.

Не поддавайтесь, друзья, на провокацию! Помните, что без коммунистов не может быть власти трудящихся! Это доказали события у нас в России за все эти годы борьбы, это доказала судьба Германии, Венгрии, Финляндии и всех стран, где идет борьба рабочего класса против класса капиталистов, — борьба, которая окончится победой пролетариата тем скорее, тем полнее, чем крепче, полнее, сознательнее будет союз коммунистической партии с беспартийными массами рабочих, красноармейцев и трудовых крестьян.

„Правда“ № 73 от 5 апреля 1921 г.

НАШ СЧЕТ

Сегодня начинается кампания, предпринятая «Обществом содействия жертвам интервенции». Договор с Англией показал, чего от нас требуют и потребуют капиталистические государства: капиталисты Европы и Америки хотят вернуть не только средства, которые они когда-либо одалживали до революции правительствам России, но и те средства, которые они затрачивали на разорение и разгром нашей страны. Делают они это и будут делать под видом борьбы за «справедливое» вознаграждение частных собственников, потерпевших от революции, от конфискации, причем даже люди, как будто благожелательно настроенные к СССР, склонны урвать с нас в пользу капиталистов своей страны.

В этом отношении заслуживают внимания прения в нью-йоркском (Америка) «Институте политики» по русскому вопросу. Само собой разумеется, что бывший царский посол Бахметьев, еще и теперь позволяющий себе говорить от имени России, — против признания СССР. Но даже полковник Хаскель, бывший во главе АРА в СССР, который выступил за признание СССР, считает законным, если бы Америка официально заявила на какой-нибудь конференции СССР, что американцы «не склонны обсуждать такие вопросы, как например вопросы об архангельской или сибирской экспедициях».

Почему же полковник Хаскель «не склонен» обсуждать такие вопросы? А потому, видите ли, что эти экспедиции, по мнению американских капиталистов, были предприняты для охраны собственности американских граждан.

Все эти господа таковы. Тот же полковник Хаскель говорит: «Я знаю, что и Великобритания и Франция поддерживали контрреволюцию, ибо я видел их танки и аэропланы в СССР». А разве мы не видели обмундирования и вооружения американского на колчаковских солдатах, на колчаковской офицерщине? Разве не обагрили кровью мучеников острова Мудьюги и других каторжных тюрем американские отряды?

Да, вы все поддерживали интервенцию, блокаду. Вы все — виновники обострения гражданской войны в России, в СССР, потому что вы все давали средства на ведение этой войны, на

сопротивление советскому правительству; вы все — виновники ужаснейшего разорения, пережитого нами голода, неисчислимых смертей, несказанных страданий трудового населения СССР. Напрасно думают эти господа, что наши крестьянин и рабочий не знают их вины, их преступлений.

Вот почему призыв «Общества содействия жертвам интервенции» должен найти и найдет живейший отклик во всей стране. Мы не забыли и не забудем причиненного нам капиталистами Европы, Америки, Японии зла: слишком свежа еще боль, не зажили еще раны, чтобы мы могли все это забыть. Мы должны подсчитать все наши убытки и предъявить счет господам капиталистам.

Мы стремимся установить мирные и правильные отношения со всеми народами. Этому до сих пор мешают капиталистические правительства. Уступая экономической необходимости и требованиям трудящихся, — рабочих в первую очередь, — эти правительства идут на переговоры с нами. Но за признание они хотят, чтобы мы заплатили.

Пусть они знают, что ценою экономического закабаления, ценою экономического рабства мы признания не согласимся принять.

„Правда“ № 192 от 26 августа 1924 г.

К ПЯТИЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ СИБИРИ

К девяти часам утра 14 ноября 1919 г. город Омск окончательно очищен был от колчаковской армии частями 2-й бригады 27-й омской краснознаменной имени ВЦИК дивизии, и этот день надо считать днем освобождения Сибири: падение Омска решало кровавый спор с Колчаком, с международным капиталом, которому он служил. После падения Омска ликвидация калчаковщины в Сибири шла уже неудержимо. Пришедший с помощью эсеров и меньшевиков к власти адмирал имел еще возможность докатиться до Нижнеудинска, где его арестовали недавние его помощники чехо-словаки, но колчаковская армия не имела уже ни материальной, ни моральной силы сопротивления. В столице Колчака, в Омске, захвачены были огромные боевые запасы: до 30 млн. патронов, около 2 тыс. новых пулеметов, десятки тысяч винтовок, все склады взрывчатых веществ.

После падения Омска у колчаковской армии, у белогвардейцев оставался только один путь — путь панического бегства на Восток, но и здесь их уничтожали и захватывали в плен отряды партизан, сибирских крестьян и рабочих. Колчаковцы бросали на произвол судьбы тысячи раненых. В наследие советской власти остались сложенные штабелями окоченевшие трупы замерзших в поездах раненых и убитых, которых приходилось тысячами хоронить в общих братских могилах.

Огромные разрушения оставила колчаковская армия. Почти все крупные мосты были взорваны. Полностью или частично было разрушено 167 мостов, причем такие огромные мосты, как через Тобол, Ишим, Иртыш и Обь. Разрушены были вокзалы, телеграфные линии. Начиная от Челябинска до Новониколаевска и от Томска до Омска сняты были все телефонные и телеграфные жезловые аппараты. Разрушено было водоснабжение дорог. По обе стороны пути страшными кладбищами лежали сожженные составы поездов, изуродованные паровозы. Нужны были исключительная преданность, исключительная энергия сибирских работников, чтобы восстановить железные дороги при сильном вначале саботаже оставшихся на постах колчаковцев. Мы с полным правом можем сказать, что советская Сибирь не только восстановила то, что было разрушено наемниками Черчилей, наемниками английских, французских и американских банкиров и помещиков, но шагнула далеко вперед. За это время построено и строится ряд новых дорог, как Ачинско-минусинская, как дорога в южный Кузбасс, дорога в Кокчетавский район. А теперь, когда Восточно-китайская дорога стала советской, вырванная из рук хищников-империалистов сибирская магистраль является прямым путем, прямым проводником идей советов на Дальний Восток, настоящей смычкой с Дальним Востоком.

Сибирскому крестьянству пришлось пережить за период господства Колчака и долго еще после уничтожения этого господства тяжелые дни. Крестьянское хозяйство было подорвано; целые селения были сожжены до тла; карательные отряды Анненковых и Красильниковых выжгли, вырезали, выстегали плетьми и горячими шомполами, перевешали на деревьях, закопали живьем тысячи, быть может, десятки тысяч крестьян. Богатое сибирское крестьянство, которое в первый период советской власти было либо равнодушно к этой власти, либо враждебно настроено, скоро ощутило на своей спине прелести буржуазной диктатуры, сласть адмиральской власти и красоту меньшевистско-эсеровских посулов. Тогда оно ощетинилось: партизаны выступили на помощь Красной армии задолго до ее прихода, под-

готовили разгром колчаковцев. Война родит героев, и сибирская тайга дала таких народных героев, как Мамонтов, Громов-Мамонов, Шетинкин, Анатолий, дедушка Каларандашвили (погибший впоследствии под Якутском), Кравченко, Лазо, Лубковы и много других.

В кровавой борьбе, в величайших страданиях рождалась новая советская Сибирь. Правда, в кулацких районах колчаковцы всех видов пытались не раз еще подымать крестьянские восстания против советской власти. Когда голодная, сдавленная с севера, с запада и с юга Советская Россия мучилась голодом и должна была выкачивать хлебные запасы из Сибири, в богатых крестьянских районах удавалось поднимать еще отдельные группы крестьян на борьбу против советской власти. До 1922 г. приходилось еще вылавливать отряды колчаковских банд, рассеявшихся по лесам и живших разбоями и грабежом. Ликвидированы были до конца отряды барона Унгерна, генерала Бакича, Кайгородова, ген. Пепеляева. За эти пять лет, выкорчевывая злое семя, посеянное колчаковцами, советская Сибирь крепла, развертывала свое хозяйство, развернула кооперативное строительство, заложила первые ячейки будущего коллективного коммунистического хозяйства — сельскохозяйственные коммуны и артели, выжившие, несмотря на все препятствия, выдержавшие все испытания и окрепшие за эти годы. Сибирское крестьянство дало великолепное пополнение в нашу Красную армию, добившую Врангеля.

Если говорить о нынешней советской Сибири, надо иметь главным образом в виду *крестьянскую* советскую Сибирь. На огромных сибирских пространствах в ближайшие годы должна быть развернута более высокая культура, чем довоенная. Сибирское крестьянское хозяйство также ждет новых технических сил, тракторов, электрификации. И уже брызнули потоки электрического света в горах Алтая, в глухой сибирской тайге. Все, что можно было до настоящего дня, при скудных средствах, дать сибирской деревне в смысле новой техники, советская власть Сибири дала. Ей надо помочь использовать огромные, быстро-текущие многоводные артерии Сибири, чтобы новая жизнь расцвела в дремучей тайге, на огромных степных пространствах, по горным склонам советской Сибири.

Не надо забывать, что Сибирь соприкасается на огромном пространстве с народами еще пленного монгольского Востока. Через Сибирь, через ее расцвет, чрез ее пограничные пункты идет наша смычка с Джунгарией, Монголией, Китаем. Через Сибирь, через Дальний Восток идет наша смычка с Кореей и Японией. Постоянно иметь в виду эту смычку, выполняя предсмертное завещание

Ленина, это значит проявлять постоянное внимание к нуждам Сибири, помнить всегда *огромное политическое значение* каждого шага вперед советской Сибири. В ближайшие годы мы должны найти средства для того, чтобы наши пролетарские основы могли окрепнуть в этой стране — без этого в огромном сибирском крестьянском море тонут незаметно наши маленькие пролетарские очаги. В Сибири может и должна быть развернута огромная промышленность. Она имеет все данные для этого. Слишком медленно развертывается у нас добыча золота, огромный запас цветных металлов, платины, свинца, олова, меди почти не разрабатывается. Мы должны в ближайшие же месяцы решить вопрос об интенсивном пуске Ридеровских копей и заводов, использовать огромные ископаемые богатства Сибири. Это также одна из больших экономических задач, имеющая огромное политическое значение. В ближайшие годы нам потребуется огромное количество цветных металлов, их может дать Сибирь. Мы ни в каком случае не должны поставить себя в этом отношении в зависимость от иностранного рынка. А между тем до смешного мизерны еще наши успехи в этой области. Единственным прочно поставленным делом можем мы считать каменноугольную промышленность Сибири с выросшим за это время новым своеобразным хозяйством в районе Кузбасса, где группа преданных коммунизму пионеров, во главе с коммунистом инженером т. Рутгерсом, привлекшим квалифицированных американских рабочих, создает новый тип высококвалифицированного хозяйства.

Мы имеем в Сибири теперь свою коксовую промышленность, развертывающиеся химические заводы, и в этом отношении мы должны оказать помощь советской Сибири, если не хотим, чтобы она осталась только крестьянской советской Сибирью, если не хотим оставить мертвыми огромные богатства, лежащие в ее недрах, в складках ее гор, в движении ее быстро текущих рек, в ее лесах и степях.

Конечно вся эта огромная работа, как и борьба за советскую власть, была проделана под руководством коммунистической партии. Бесчисленны имена коммунистов, погибших в Сибири в борьбе за советскую власть. Советская Сибирь знает имена своих мучеников-коммунистов, расстрелянных, распятых, растерзанных колчаковскими бандами. Беззаветно преданные коммунизму, в невероятно трудных условиях работы, именно потому, что работать приходится в крестьянской стране, коммунисты Сибири создали там коммунистическую партию, создали сибирский комсомол. Но именно потому, что Сибирь так далека, так оторвана, мы часто склонны забывать о необходимости постоянной помощи

новыми, свежими коммунистическими силами, о необходимости постоянно обновлять состав сибирских работников, отстающих и устающих в сибирской глуши. В Сибири крепнут свои культурные очаги, своя сибирская общественность, ничего общего не имеющая с прежними областническими стремлениями. Этой сибирской советской общественности, этим сибирским очагам культуры, бедными силами и средствами, должны мы помочь.

В день пятилетия освобождения Сибири, каким является день падения колчаковщины в Омске, мы приветствуем товарищей и друзей, с оружием в руках проложивших дорогу советам, бойцов и командиров второй, третьей и в особенности *пятой* армии.

Мы приветствуем сибирские организации РКП и РЛКСМ, руководящих труднейшей работой строительства коммунизма на этих огромных пространствах.

Мы приветствуем пролетариат и крестьянство Сибири, красноармейцев, охраняющих ее огромные границы.

Мы приветствуем братски наш орган «Советскую Сибирь», за все эти годы верно освещающую пути коммунистического строительства.

„Правда“ № 259 от 14 ноября 1924 г.

VI Слова и дела II-го интернационала

„СЛЕПАЯ ЯРОСТЬ"

Шейдеман и Носке устраивают комедию суда над «убийцами» К. Либкнехта и Розы Люксембург. Обвиняемыми являются три сиятельных дворянских офицера: капитан Горст фон-Пфлуг Гартунг, морской лейтенант фон Ротген, капитан Риун фон-Пфлуг Гартунг и четыре офицера из недворянских фамилий: гусар Отто Рунге, морской лейтенант Рудольф Линофен, поручик Курт Фогель и капитан Угронц Веллер. Все знают, что эти 7 офицеров выполнили только то, чего страстно желали Шейдеман, Эберт и Носке — верные слуги бывшего императора Вильгельма и теперь послушные лакеи германской буржуазии.

Конечно эти капитаны, лейтенанты и поручики не признают себя виновными. Гусар Отто Рунге *«вовсе не предполагал убить Розу Люксембург»*. Но он, видите ли, *«питал большую личную злобу против Розы Люксембург и против Либкнехта»*, он находился в сильнейшем возбуждении, он «в припадке слепой ярости нанес два удара дубиной» Либкнехту, он нанес «один или несколько ударов Розе Люксембург», но он думал, «что не попал». Так изворачивается гусар Отто Рунге. О, конечно, здесь не было никаких политических классовых мотивов, была лишь личная злоба! Но что общего было между этим гусаром и растерзанными вождями пролетариата? Откуда могла быть *личная злоба?* Так чудовищно это преступление, что нехватает мужества у гусара Отто Рунге сознаться в нем.

Капитан Горст фон-Пфлуг лжет еще художественней. Он даже готов был спасти Либкнехта. Либкнехт, по его словам, завоевывал его уважение как боец за свои идеи и он защищал Либкнехта со стороны народной толпы, а также со стороны солдат.

Но что ему было делать, когда этот самый уважаемый им борец за идеи бросился бежать?! Ведь было темно, а Либкнехта надо было во что бы то ни стало, живым или мертвым, доставить в руки Шейдемана — Эберта — Носке. И он, бедный, должен был выстрелить в него.

А потом стреляли в него солдаты, так что Либкнехт пробежал несколько шагов и упал.

Кто-то нанес Либкнехту удар ножом в правую руку. Капитан показывал окровавленный нож солдатам, — теперь этот нож, «странным образом», исчез.

Так говорят на суде дворянские и буржуазные офицеры, убийцы вождей спартаковцев. Дубинка, револьвер, нож. Слепая ярость, личная злоба и ханжеское уважение, — и ни слова о том, что за этим ножом, револьверами, ружьями и дубинками стояла немецкая и мировая буржуазия и верные их лакеи — правительство Шейдемана — Эберта — Носке!

Этих людей нет на скамье подсудимых. Они — в роли праведников, умывших руки. Но никакие силы не смоют с них кровавых пятен К. Либкнехта и Р. Люксембург, ибо все знают, что больше, чем у гусара Отто Рунге и его сообщников, слепая ярость руководила социал-предателями, жаждавшими смерти красной Розы и пламенного вождя спартаковцев — Карла Либкнехта! Ибо все знают, что гусар Отто Рунге и бравые капитаны с дубинками и ножами — только исполнители классовой воли буржуазии, в слепой ярости готовой потушить самое солнце, если бы только это могло ее спасти от гибели.

„Правда" № 101 от 13 мая 1919 г.

ПАЛАЧАМ И ПРЕДАТЕЛЯМ ПРОЛЕТАРСКОЙ ВЕНГРИИ

Каждый раз, когда собираются на свои съезды социал-демократы, они больше всего занимаются вопросами не о том, как бороться с буржуазией, с наступлением капиталистов на рабочий класс, а тем, как бы ослабить влияние коммунистов. Какую бы подлость ни сделали эти люди, они думают, что лучшее средство отвести от себя негодование масс — это кричать подобно карманному вору: держи, лови!

Кто не знает венгерской социал-демократической партии? Кто не слыхал о ее предательской роли, приведшей к гибели Венгерской советской республики, к установлению диктатуры палача Хорти, к гибели тысяч и тысяч венгерских рабочих?! Кто не слыхал о том, что эти господа помогают правительству Хорти и по сей

день убивать и мучить революционных рабочих Венгрии? Кто не знает, что они еще недавно пытались заключить блок с правительством Хорти и вели об этом переговоры?

А теперь они собираются на съезд и шлют телеграмму в Совнарком, в которой пишут: «Социалистическая партия Венгерской страны, возмущенная нечеловеческим обращением с эсерами, требует, *во имя человечества, права,* освобождения телесно и духовно замученных».

Пусть рабочие оценят этот факт, пусть они знают, что друзья палача Хорти, предавшие в его руки Венгерскую советскую республику, готовые войти в правительство Хорти, являются друзьями эсеров. Лучших защитников эсеры не имеют во всем мире.

«Нечеловеческое обращение» с людьми, убивавшими из-за угла пролетарских вождей, организаторами иностранной интервенции, союзниками белогвардейских генералов, виновниками гибели сотен тысяч рабочих и крестьян, тревожит их. «Человечество» и «право» вспоминают эти люди только для того, чтобы еще одурачить этими громкими словами несознательную часть пролетариата. А все обращение вместе понадобилось для того, чтобы укусить единственную страну, в которой осуществлена диктатура пролетариата и которую за это ненавидят все буржуазные государства.

Вашими устами, господа, говорят ведь Хорти, его тюремщики и палачи. В устах этих палачей, пьяных от крови рабочих Венгрии, так сладко звучат слова: «человечество», «право». Но им никто не верит.

И очень уж плохи ваши дела, господа социал-демократические палачи и предатели, если у вас больше нечем укусить Советскую Россию и Коминтерн, кроме беззубого требования освобождения убийц пролетариата.

„Правда“ № 23 от 2 февраля 1923 г.

ДЕЙСТВУЙТЕ ОТКРОВЕННЕЕ

Только что закончившийся пленум исполкома II Интернационала не мог конечно обойтись без выпадов по адресу СССР. На что бы он еще годился, если бы не выполнял для мировой буржуазии *эту* роль: «знает осел ясли господина своего». Как всегда, плакались на этом почтенном собрании эсеры и меньшевики,

пуще всех Абрамович. И опять вынесли решение «поддерживать русских социалистов (эсеров и меньшевиков) и грузинские социалистические партии». Вдовствующие Ной Жордания, Церетели и другие безработные грузинские меньшевики играют роль настоящих генералов на свадьбах мещанских социалистов Европы, где они каждый раз, вкупе с Абрамовичем, вспоминают, как еще совсем недавно говорили от имени пролетариата на весь мир.

Пункт о поддержке русских и грузинских (почему только грузинских?) социалистических партий связан тесно с лицемернейшим решением, — будто «долг всех социалистических и рабочих партий» вести борьбу «против капиталистической, контрреволюционной политики интервенции, направленной против СССР».

Как и против кого *на деле* ведется эта борьба, свидетельствует передовая статья последнего номера «Социалистического вестника» («Советская власть на международной арене» № 11 от 2 мая 1924 г.) Из этой статьи мы сначала узнаем, что *«к сожалению»* (!) на международном фронте большевики не одержали прочной победы. Первый раз слышим, что наши неуспехи вызывают сожаление у меньшевиков, а не радость злобную.

В виде примера нашей слабости «Социалистический вестник» приводит «грозный окрик Америки по адресу Китая, пытавшегося вступить в договорные отношения с Советским союзом». А через 3 дня после того как многоумный передовик-меньшевик написал эти строки, китайское правительство, несмотря на окрики со стороны Америки, Франции, Японии и других стран, признало Советский союз как равноправную сторону.

Но все эти «сожаления» и рассуждения — одно прикрытие для той прямой службы капиталу, какую несут партии II Интернационала, в том числе русские меньшевики. Начавши с сожаления по адресу нашей слабости, «Социалистический вестник» дальше переходит к оправданию действий германской полиции, ворвавшейся в торгпредство СССР. Передовик-меньшевик подуськивает германских фашистов: «Позволительно сильно сомневаться в том, удастся ли советскому правительству добиться формального признания «экстерриториальности» торгпредства с его колоссальным помещением и сотнями служащих». Другими словами, меньшевики подсказывают фашистам: не соглашайтесь на признание экстерриториальности. К счастию для нас, эти вопросы решаются реальным соотношением сил и реальными интересами, а здесь выгоды целиком на стороне СССР, и мы *не сомневаемся* в нашей победе в *этом* споре.

Когда вполне выявилась уже роль Боценгардта и Лемана как провокаторов, «Социалистический» (с позволения сказать) вест-

ник» пытается высмеять самую мысль о провокации: другими словами, оправдывает эту провокацию.

Меньшевики «защищают» от интервенции СССР тем, что подсказывают капиталистам всех стран: «Реальным последствием всего этого инцидента будет, вероятно, не только отказ берлинскому торгпредству в правах экстерриториальности и дипломатической неприкосновенности, но и включение соответствующей оговорки во все договоры, которые в будущем будут заключаться с какими бы то ни было странами».

От всех этих писаний веет *прямой связью меньшевиков с немецкой охранкой,* — статья прямо инспирирована берлинскими налетчиками на торгпредство.

Такой вид приобретает на деле борьба русских меньшевиков и других социал-демократов из II Интернационала «против интервенции, направленной против СССР».

Все эти решения и писания рассчитаны на нашу *слабость.* Делается попытка доказать, что провалилась наша международная политика, наша хозяйственная политика, провалился нэп, а с ним вместе — и диктатура пролетариата.

XIII съезд нашей партии подвел всем этим утверждениям итоги: СССР вырос, окреп в международном отношении, крепнет, растет его хозяйство, крепнет, растет коммунистическая партия.

Мы накануне конгресса Коминтерна. Конгресс Коминтерна подведет итоги победам коммунизма во всем мире. Каким жалким, злобным шипеньем перед этими решениями покажутся решения и писания II Интернационала! После XIII съезда наша партия идет уверенно на конгресс Коммунистического интернационала, она смело и уверенно готова отдать на суд революционного организованного пролетариата всего мира свои действия, свои решения, убеждения в своей правоте перед пролетарской революцией.

А в защите меньшевиков от интервенции капиталистов, — лицемерной, лживой, предательской защите господ Абрамовичей и Данов, — наша партия не нуждается. Действуйте, господа из II Интернационала, откровеннее: обмануть вам все равно никого не удастся.

„Правда" № 130 от 11 июня 1924 г

ПРЕЗРЕННАЯ КОМЕДИЯ

5 июля этого года V всемирный конгресс Коминтерна обратился с воззванием к мировому пролетариату по поводу десятилетия империалистической войны и в этом манифесте Коминтерн писал:

«Рабочие и работницы, вслушайтесь, всмотритесь, вдумайтесь! Несколько недель тому назад вожди Амстердамского интернационала профсоюзов обсуждали в Вене между собою и вместе с вождями II Интернационала вопрос о военной опасности. Организация, во главе которой стоят Вильямсы, Жуо, Грассманы, Макдональды, Эберты, Носке, Вандервельде, вынуждена была заняться вопросом о войне, потому что опасность войны снова носится в воздухе. И вот мы слышим, как эти господа велеречиво обещают бороться против войны всеми средствами, вплоть до всеобщей забастовки. Неужели вы поверите этой презренной комедии, в которой те же актеры играют перед вами во второй раз ту же предательскую роль?»

Прошло меньше месяца с того дня, когда конгресс Коминтерна обратился с этим вопросом к пролетариату всего мира, а сегодня герои II Интернационала поторопились дать на этот вопрос недвусмысленный ответ. «Роста» сообщает, что в четверг 31 июля полицейские агенты явились в помещение ЦК британской коммунистической партии. Их встревожила коммунистическая партия тем, что выпустила номер еженедельной газеты «Уоркерс Уикли» («Рабочий еженедельник»), весь посвященный борьбе с войной. В этом номере газеты напечатана статья под заглавием «Армия и конфликты между рабочими предпринимателями» и открытое письмо компартии к армии и флоту. Британская полиция очень интересовалась точным установлением имен членов центрального комитета коммунистической партии и местом пребывания секретаря т. Инкпина. В четверг 31 июля новый номер «Уоркерс Уикли» снова посвятил целую страницу призыву к солдатам, матросам и летчикам, убеждая их отказаться от выполнения приказа о стрельбе в бастующих рабочих.

Так на деле осуществляется борьба II Интернационала против войны. Коммунистическая партия Великобритании очень не многочисленна. По сравнению с той партией, которую возглав-

ляет Макдональд, глава правительства английского, компартия Великобритании еще очень слаба. Это быть может первое ее выступление, первое открытое обращение к массам с призывом бороться против войны. Если бы II Интернационал хоть чуточку был искренен в своих заявлениях, что он будет бороться всеми средствами против войны вплоть до всеобщей забастовки, зачем бы британской полиции сэра Макдональда так интересоваться секретарем компартии т. Инкпином и другими членами центрального комитета компартии? С чего бы ему так встревожиться по поводу призыва отказаться от стрельбы в бастующих рабочих, если бы Макдональд не предвидел, что быть может в ближайшее время солдатам великобританской армии придется выполнить его приказы, когда компартия призовет к восстанию против затеваемых и подготовляемых империалистических войн?!

Немного же надо было времени, чтобы английские рабочие узнали истинную цену лживым речам героев II Интернационала! Английские рабочие, как рабочие всего мира, в эти дни подведения итогов десятилетия мировой войны невольно будут обращать взоры свои на Страну советов. Пусть сравнят они то, что они имеют в результате господства капиталистов, действующих с помощью подставного комитета из II Интернационала, — с тем, как рабочие Советской страны подводят итоги этому десятилетию. Эти сотни наших газет посвящены были искреннему и полному уяснению массам уроков пережитого десятилетия. В эти дни рабочие и крестьяне ежедневно в сотнях газет и листовок, на многочисленных собраниях, в ярких демонстрациях могли свободно выявить свое отношение к войне.

И пусть сравнят английские рабочие, и пусть сравнят рабочие всего мира эти два факта. В Стране советов рабочие в стотысячных демонстрациях — взрослых, подростков, стариков и детей — демонстрируют свое единство, свою готовность бороться против империалистической войны всеми средствами. Государственная власть — их власть — помогает им всеми средствами в этом. Армия в строю, смешавшись с рабочими и работницами, сливается в едином стремлении к миру и в единой готовности отстаивать этот мир действительно всеми средствами. Яркое солнце играет на алых знаменах, песни труда и борьбы звучат в коридорах улиц и на площадях, оркестры музыки, революционные гимны делают тверже шаг, уверенней, могучей движения людской многотысячной лавы. А в это время в «свободной» Англии, где конечно не такие «азиаты» господствуют, как русские большевики, а лощеные джентльмены из II Интернационала, в помещении рабочей коммунистической газеты полицейские господина

Макдональда с тревогой обшаривают комнаты. Ибо они знают, что из маленькой коммунистической партии Великобритании вырастет могучая компартия, если она будет так же открыто, так же решительно проводить свою коммунистическую линию, как проводила ее наша партия.

Рабочему классу Великобритании нет основания верить словам Макдональда. Дела его красноречивее. И эти дела целиком подтверждают призыв V конгресса Коминтерна, обращенный к рабочим и работницам:

«Рабочие и работницы! Вслушайтесь, всмотритесь, вдумайтесь! Неужели вы поверите этой презренной комедии, в которой те же актеры играют перед вами во второй раз ту же предательскую роль».

„Правда" № 175 от 3 августа 1924 г.

ПОДЛАЯ ВЫДУМКА

В социал-демократической газете «Арбейтер Цейтунг» (Вена 2 февраля) и в других зарубежных органах напечатано сообщение, идущее из сионистских источников (от организации «Поалей Цион»), будто ОГПУ выслало в Пермь всем известную деятельницу «Народной воли» т. Веру Николаевну Фигнер.

Иначе, как *подлым*, это сообщение назвать нельзя.

Те, кто пустил его в ход, — подлинные социал-фашисты. К голосу фальшивомонетчиков, агентов нефтяных магнатов и иностранных банкиров, белогвардейских помещиков, генералов и капиталистов и претендентов на потерянный безвозвратно престол присоединяются охотно все чаще социал-фашисты. Они прекрасно знают, что пущенная ими выдумка — гнуснейшая ложь. Но они не брезгуют никаким оружием, а тем более самым отравленным оружием лжи против Страны советов. Австрийские социал-демократы, готовые вместе с фашистским хеймвером расстреливать рабочих, охотно берут на себя роль агентов сионистов, провоцирующих в Палестине кровавую резню между трудящимися арабами и евреями. Все знают, кто их настоящие хозяева. Именно в угоду этим хозяевам они пустили в ход эту подлую выдумку. Она нужна им, чтобы хоть на время отвлечь внимание масс от вопросов классовой борьбы.

Пишущий эти строки обратился в качестве старосты общества бывших политкаторжан и ссыльных с письмом к т. В. Н. Фигнер и просил ее ответить, был ли хоть какой-нибудь повод для такого сообщения. Вера Николаевна ответила буквально:

«*Разумеется, это — выдумка. Летом я ездила по Волге и Каме на пароходе до Перми, и вот быть может это послужило источником этой легенды*».

Ниже мы печатаем документ, который покажет трудящимся во всех странах, к каким недостойным бесчестным приемам клеветы прибегает социал-фашистская печать для дискредитирования *Советского государства. Она руководится при этом соображением*, что «от клеветы все-таки что-нибудь да останется».

От этой клеветы останется позорное клеймо на лбу тех, кто прибегает к ней.

ЗАЯВЛЕНИЕ ЧЛЕНОВ ОБЩЕСТВА БЫВШ. ПОЛИТКАТОРЖАН

Мы, члены общества бывш. политкаторжан и ссыльных, принадлежащие по своему мировоззрению к самым различным течениям революционной общественной мысли, решительно протестуем против гнуснейшего измышления «Arbeiter Zeitung» и сионистов о том, будто пользующаяся в Стране советов полным уважением т. В. Н. Фигнер подвергается каким бы то ни было репрессиям со стороны органов советской власти. За все время существования советской власти В. Н. Фигнер пользуется общим почетом и уважением. Постановлением СНК в ознаменование 45-летия 1 марта 1881 г. ей, а равно и другим первомартовцам, назначена пожизненная пенсия. В. Н. Фигнер окружена необходимой заботой. Полное собрание ее сочинений печатается в советском издательстве и широко распространяется, ее статьи печатаются в специальном журнале, посвященном революционному движению прошлых лет.

В стране, где в память 50-летия «Народной воли» воздвигается памятник первомартовцу Желябову, где школы и соцпредприятия названы именами Халтурина и других славных деятелей «Народной воли», самая мысль о каких бы то ни было репрессиях по отношению к В. Н. Фигнер является чудовищной.

Зная однако, что такого рода измышления зарубежной печати используются для агитации против единственной страны, где строится социализм, что эта агитация является прямой подготовкой военного нападения империалистов на СССР, мы выражаем свое глубокое негодование против использования всеми уважаемого нами имени В. Н. Фигнер для такой гнусной цели.

Осужденные по делу о вооруженном сопротивлении властям в г. Якутске в марте 1889 г. члены о-ва политкаторжан *М. А. Брагинский, М. В. Брамсон, П. Брагинская, Е. Фрейфельд, А. Капгер, К. Терешкович;* осужденный по делу партии «Пролетариата» в 1885 г. *Шетлих Ал-др, Лев Дейч;* шлиссельбуржец *М. Фроленко, Е. Андреева-Левченко;* осужденный дважды на каторгу в 1883 г. и в 1906 г. *Павел Ровенский;* осужденный по делу о казанской демонстрации 1876 г. *М. Чернавский, Л. Фрейфельд* (по делу С. Гинсбург); осужденный по делу подпольной социал-демократической типографии 1907 г. *К. Новиков;* осужденная по ряду дел за время 1877—1908 гг. *Л. Лойко, Христина Гринберг (Кон),* осужденная по процессу Грачевского в 1883 г.; Феликс Кон, осужденный по делу «Пролетариата» в 1886 г.; *С. Пестковский,* осужденный по процессу С.-Д. П. и Л. в 1907 г.; *П. Никифоров,* осужденный в 1910 г. военным судом за военную организацию социал-демократов; *Губельман,* осужденый в 1910 г. по делу читинского комитета РСДРП.

„Известия ЦИК“ № 41 от 11 февраля 1930 г

СУДЬБЫ МЕЛКОБУРЖУАЗНЫХ ПАРТИЙ В РЕВОЛЮЦИИ

25-летний юбилей декабрьского вооруженного восстания 1905 г. заставляет нас вспомнить о тех наших «союзниках» в революции 1905 г., которые на деле были представителями идеологии, выразителями интересов мелкой буржуазии. Мы говорим о партиях эсеров и меньшевиков. Было бы неправильно исторически сбрасывать со счетов истории эти партии, каждая из которых на протяжении всей революции играла определенную роль. Одно время эти партии—в период между февралем и октябрем 1917 г. — даже стояли у власти. Одна из этих партий — партия меньшевиков — в Грузии имела возможность *на деле* показать, *как* она осуществляет свою программу и *что такое* на самом деле «социалистическая» программа мелкобуржуазных партий меньшевиков, входящих во II Интернационал.

Проследить роль этих мелкобуржуазных партий на протяжении 25 лет необходимо и потому, что до сих пор еще эти партии, вернее сказать, жалкие обломки, охвостье их, претендуют на роль

наследников советской власти, которую они мечтают свалить при помощи вредителей и интервентов, о гибели которой они мечтают еще и по сегодняшний день. Это теперь наши *открытые* враги. На судьбе этих партий пролетариат во всем мире должен научиться распознавать истинную природу мелкобуржуазной партии, сплошь и рядом прикрывающейся революционными и даже социалистическими одеждами. Стоит взять последние «труды» К. Каутского, давно уже ставшего пособником контрреволюционной буржуазии, натравливающего империалистов против СССР, чтобы видеть, какая мерзость и гниль скрыта за этими одеждами.

Ленин называл меньшевиков в 1905 г. *жирондистами* современной русской социал-демократии, когда меньшевики обманывали рабочих опасностью *отпугнуть* от революции буржуазию решительными плебейскими методами расправы с врагами рабочих и крестьян. Вспоминая слова Маркса, что «весь французский терроризм был не чем иным, как плебейским способом разделаться с врагами буржуазии, с абсолютизмом, феодализмом и мещанством», Ленин говорил рабочим: «удастся решительная победа революции, — тогда мы разделаемся с царизмом по-якобински, или, если хотите, по-плебейски». Но эта-то перспектива плебейской расправы с контрреволюцией вселяла страх не только буржуазным классам, но и меньшевикам, жирондистам первой русской революции, которые, по словам Ленина, «оказываются фактически, в силу характера своих лозунгов, в хвосте у них».

Но если меньшевики были жирондистами первой русской революции, то в противовес им большевики были *якобинцами*. Якобинство в устах меньшевиков, кадетов и других политических оттенков буржуазии было бранным словом. И Троцкий в своей брошюре «Наши политические задачи» не отстал от остальных меньшевиков, от остальных представителей мелкой буржуазии в издевательстве над «якобинской нетерпимостью» Ленина. А Ленин гордился этим именем. Он писал в брошюре «Две тактики»:

«Якобинцы современной социал-демократии — большевики, впередовцы, съездовцы или пролетарцы, не знаю, как сказать, — хотят поднять своими лозунгами революционную и республиканскую мелкую буржуазию, и особенно крестьянство до уровня последовательного демократизма пролетариата, сохраняющего свою полную классовую особенность. Они хотят, чтобы народ, т. е. пролетариат и крестьянство, разделался с монархией и аристократией по-плебейски, беспощадно уничтожая врагов свободы, подавляя силой их сопротивление, не делая никаких уступок про-

клятому наследию крепостничества, азиатчины, надругательства над человеком».[1]

«Конечно, — говорил Ленин, — это не значит, что мы, большевики, должны подражать во всем якобинцам 1793 г. — перенимать их взгляды, программу, лозунги, способ их действий». Этим сравнением Ленин только подчеркивал, что социал-демократы в 1905 г. разделялись «на такие же два крыла (оппортунистическое и революционное), на какие разделялись и представители передового класса XVIII в., буржуазии, т. е. жирондистов и якобинцев». Эту свою мысль Ленин повторяет на всем протяжении первой революции, пока большевики и меньшевики *формально* входили в одну партию.

В своей боязни отпугнуть буржуазию меньшевики в 1905 г. проповедывали такую тактику, которая означала *прямое предательство интересов рабочего класса.* Так, конференция кавказских меньшевиков по вопросу об участии во временном революционном правительстве приняла резолюцию, в которой говорится, что такое участие повело бы к отпадению от партии *пролетариата,* разочарованного тем, что партия «не сможет удовлетворить насущным нуждам рабочего класса вплоть до осуществления социализма... Заставить буржуазные классы отшатнуться от дела революции и тем ослабить ее размах». Ленин писал по поводу этой резолюции: «Эта резолюция позорная, ибо она выражает... предательство интересов рабочего класса в руки буржуазии. Эта резолюция освящает превращение пролетариата для эпохи демократической революции в хвост буржуазии»[2].

А через десятилетие, когда меньшевики входили в *буржуазное* Временное правительство Керенского, они не боялись, что это их вхождение на самом деле *отпугивает пролетариат,* потому что к этому моменту *завершилось* превращение жирондистов первой революции в открытых пособников контрреволюции.

Тогда, в 1905 г., меньшевики извратили марксизм: «они из идеологии передового, наиболее решительного и энергичного революционнго класса сделали идеологию самых неразвитых слоев его, прячущихся от трудовых революционных демократических задач и предоставляющих эти демократические задачи гг. Струве»[3]. Уже тогда и особенно в период второй революции меньшевики превратили марксизм в пошлую картину на революцию, проституировали марксизм в интересах буржуазии.

Меньшевики в 1905 г. запугивали нас опасностью: «как бы

[1] *Ленин,* т. VI, стр. 337 — 338.
[2] *Там же,* стр. 455.
[3] *Там же,* стр. 368.

социал-демократия не связала себе рук в борьбе с непоследовательной политикой буржуазии, как бы она не растворилась в буржуазной демократии». Мы, большевики, не отрицали этой опасности, мы остро видели ее. Но что оказалось на поверку? *Большевики сквозь все превратности, через труднейшие этапы революционной борьбы прошли, верные интересам пролетарской демократии. Меньшевики, — а с ними и эсеры — полностью растворились в буржуазной демократии, слились с нею, стали ее оружием в борьбе против пролетариата, против социализма, против коммунизма.*

В октябре 1905 г., когда пролетариат готовился к декабрьскому вооруженному восстанию, вплотную подходил к нему, и наша партия требовала, чтобы все силы были сосредоточены на наилучшей подготовке к *этой* задаче, меньшевики «отстраняют вопрос о подготовке восстания, сосредоточивая свои упования на Думе «соглашателей», которая, изволите видеть, может превратиться в «революционное собрание». Упования этих несчастных слепцов на революционность Думы прикрывают только наготу их беспомощной тактики, в которой не осталось ничего революционного». Так писал Ленин 18 октября 1905 г. в статье «Буржуазные «соглашатели и пролетарские революционеры». Восстание 1905 г., в котором меньшевики вынуждены были под давлением масс принять участие и которое они оплевали после того, как оно потерпело поражение, и все дальнейшие события русской революции только подтвердили правильность этого противопоставления. Да, *и в 1905 г. и в последующие годы большевики были и остались пролетарскими революционерами; меньшевики всех толков, в том числе и троцкисты, были буржуазными соглашателями.* Эти буржуазные соглашатели в эпоху пролетарской революции превратились в открытых контрреволюционеров.

Меньшевик Мартов писал Аксельроду в конце октября 1905 г. о роли и влиянии большевиков: «Влияние так велико, колоссально велико, что «захват власти» при бурном обороте дальнейших событий начинает иногда казаться почти неизбежным; это не значит, что такой захват представляет нечто заманчивое; я-то боюсь, что это будет поворотным пунктом революции и не хуже, чем была якобинская диктатура»[1]. Эта боязнь оказалась, как мы знаем, не напрасной. То, что не удалось пролетариату в 1905 г., случилось 12 годами позже. Этот захват власти действительно оказался поворотным пунктом революции и не хуже, чем была якобинская диктатура. Якобинская диктатура по-плебейски рас-

[1] Письма Аксельрода и Мартова, т. I, Берлин.

правилась с монархией, феодалами, попами. Пролетарская диктатура еще более решительно, по-плебейски расправилась и расправляется со всем старым порядком; но пролетарская революция означает решительный *поворот, переход к социализму.* Мартов не напрасно боялся этого поворота: он оказался смертельным не только для партий крупной и средней буржуазии, — он оказался смертельным и для партий мелкой буржуазии, — меньшевиков и эсеров. *Революция 1915 г. наметила уже ту размежовку, которую окончательно завершила революция 1917 г.*, ибо основные вопросы революции были поставлены еще в 1905 г.

В первую революцию меньшевики еще стыдились открещиваться от Маркса. Именно нас, большевиков, они упрекали в симпатиях к народничеству, народовольчеству. В период между двумя революциями они фактически полностью отошли от марксизма. Вторая революция застала меньшевиков в стадии открытого разрыва с марксизмом. Мы не говорим уже об общеизвестных откровениях Плеханова в 1917 г. Известный меньшевик Далин в книге «После войны и революции» писал, что в 40-х годах Маркс был большевиком, что «если бы» «крайняя левая» пришла к власти и вынесла вверх Маркса как своего вождя, он попытался бы осуществить социализм в Германии и проделал бы весь большевистский опыт с начала до конца, с неизбежным террором, с изгнанием буржуазии»[1]...

Теперь меньшевикам окончательно нечего искать у Маркса для оправдания своей деятельности, ибо эта деятельность ничего общего не имеет с учением революционного марксизма. Она с успехом подкрепляется аргументами «Торгово-промышленной партии» кондратьевцев; она вдохновляется планами интервенции из генеральных штабов империалистических государств, у которых в услужении и в прямом подчинении находятся меньшевики.

Одним из упреков по адресу большевиков со стороны всей меньшевистской братии в 1905 г. был, как мы говорили уже, упрек в симпатиях к народничеству. Но вряд ли кто сделал больше Ленина для разоблачения утопичности и реакционности народнической идеологии. И в то же время вряд ли кто сумеет так правильно показать путь, по которому крестьянство под руководством пролетариата могло пойти к социализму. Если Ленин считал в 1905 г., что революционное крыло нашей партии выражает пролетарские тенденции нашего движения, а меньшевистское — интеллигентские тенденции этого движения, то по отношению к партии эсеров Ленин говорил, что социалисты рево-

[1] *Далин,* После войны и революции, стр. 177 — 178. Берлин 1922 г.,

люционеры являются «представителями крайней левой фракции нашей буржуазной демократии»[1].

То обстоятельство, что социалисты-революционеры считали себя на самом деле социалистами, ни в какой мере нас не обманывало. Ленин объяснял этим нашим «союзникам» в 1905 г.: «Благие намерения быть социалистом не исключают буржуазно-демократической сущности».

Для затронутой нами темы интересен вопрос, поставленный Лениным в начале 1905 г. «Перед нами, — писал Ленин в только что цитированной статье, — стоит тут насущный политический вопрос, решение которого русская революция обещает дать в ближайшем будущем: *кто кого использует? Революционная ли интеллигенция, мнящая себя социалистической, использует в интересах борьбы с буржуазно-собственническими началами, трудовыми воззрениями крестьянства? или буржуазно-собственническое и в то же время трудовое крестьянство использует социалистическую фразеологию революционно-демократической интеллигенции в интересах борьбы против социализма?* (Курсив мой — *Ем. Я.*).

«Мы думаем, — отвечал Ленин, — что осуществится вторая перспектива (вопреки воле и сознанию наших оппонентов)» [2].

Только Ленин с его гениальнейшим анализом всякого общественного явления мог так точно предсказать, предвидеть судьбу партии эсеров, которая играла немалую роль в крестьянском движении 1905 г. Вся дальнейшая история революции показала, что именно буржуазно-собственническое, кулацкое крестьянство использовало социалистическую фразеологию эсеров для борьбы против социализма и в 1917 г. и в последующие годы. Эсеры, правда, были неоднородны, поэтому и на протяжении первой революции и на протяжении второй революции партия эсеров раскалывается, от нее отходят отдельные элементы, сливающиеся с пролетарским движением; от нее отходят элементы, еще в период первой революции открыто блокирующиеся с буржуазией.

После первой революции мы видим новые и новые отколы и расколы партии эсеров, отражающие противоречия тех разнородных групп мелкой буржуазии, которые входили в эту партию. *В 1917 г. эта партия становится открыто контрреволюционной.* Она на поводу, на службе у буржуазии. В угоду помещикам она подавляет крестьянские восстания, которые не хотят дожидаться Учредительного собрания и требуют, чтобы им отдали помещи-

[1] *Ленин,* От народничества к марксизму, т. VI, стр. 54.
[2] *Ленин,* т. VI, стр. 56.

чью землю без выкупа. В угоду империалистам гонят на убой миллионы рабочих и крестьян на фронт. Бабушки Брешковские, Черновы и Бунаковы, Керенские и Масловы шамкают о «великих заветах революции», предавая интересы крестьянства, интересы революции. Вместе с меньшевиками, позабыв о своих разногласиях, они совершают позорнейший путь, который наметился еще перед 1905 г. и определился в период империалистической войны, когда «меньшевики и эсеры в России (как и все вожди II Интернационала во всем мире в 1914—1920 гг.) начали с предательства, оправдывая прямо и косвенно защиту отечества, т. е. защиту *своей* грабительской *буржуазии*. Они продолжали предательство, вступая в коалицию с буржуазией *своей* страны и борясь вместе со своей буржуазией против революционного пролетариата своей страны. Их блок сначала с Керенским и кадетами, потом — с Колчаком и Деникиным в России, как и блок *их* заграничных единомышленников *их* стран, был переходом на сторону буржуазии, против пролетариата. *Их* компромисс с бандитами империализма состоял от начала до конца в том, что они делали себя *соучастниками* империалистского бандитизма»[1].

Надо ли перечислять факты этого обучения? Они всем широко известны: начиная с участия меньшевиков и эсеров в ярославском мятеже, в поддержке интервенции империалистов во время гражданской войны, в расстрелах и убийстве сотен тысяч рабочих, погибших во время гражданской войны под пулями и снарядами «учредиловцев»; в покушении на Ленина, расстреле бакинских комиссаров, убийстве Урицкого и Володарского, а ныне участия во вредительстве, поддержке новой интервенции, прямой и открытый сговор со всеми врагами пролетарской революции — вот миллионная доля позорных дел меньшевиков и эсеров. Вот их бесславный конец.

Ленин сравнивал революцию 1905 г. и особенно восстание 1905 г. с Парижской коммуной. Отношение Ленина к восстанию 1905 г. было таким же, как отношение Маркса к Парижской коммуне, о которой Маркс писал: «Париж рабочих с его коммуной всегда будет чествуем, как славный предшественник нового мира. Мученики его воздвигли памятник в великом сердце рабочего. Палачей его уже и теперь история пригвоздила к позорному столбу, оторвать от которого не в силах будут все молитвы их попов».

И вот этот новый мир, славным предвестником которого была Парижская коммуна, рождается в 1917 г. в муках, величайших

[1] *Ленин*, т. XVII, стр. 171.

страданиях и лишениях. Строители его делают первые шаги по пути к социализму. Все силы старого мира обрушиваются против Октябрьской революции, против пролетариата. И вот к этим силам старого мира в качестве их союзников, в качестве палачей пролетариата, палачей социалистической революции присоединяются представители мелкобуржуазных партий эсеров и меньшевиков.

Многие бывшие эсеры и меньшевики могут сказать: но ведь мы были убеждены в том, что путь наш — правильный. Ведь и у народничества было славное прошлое, были славные предшественники революции. Да, если бы эти предшественники могли видеть дела своих эпигонов, многие из них воскликнули бы:

«Мы сеяли драконов, а выросли блохи».

„Правда" № 349 от 20 декабря 1930 г.

ГОСПОДИН КАУТСКИЙ ВЕДАЕТ АБРАМОВИЧА И ДАНА

«О, ученость! О, утонченное лакейство перед буржуазией! О, цивилизованная манера ползать на брюхе перед капиталистами и лизать их сапоги! Если бы я был Круппом, или Шейдеманом, или Клемансо, или Ренoделем, я бы стал платить господину Каутскому миллионы, награждать его поцелуями Иуды, расхваливать его перед рабочими, рекомендовать «единство социализма» со столь «почтенными людьми, как Каутский» [1].

«Что меня пугает в результате свержения большевизма — это не новая диктатура, не бонапартизм, но хаос» [2].

В 1918 г. г-н К. Каутский, этот типичный мелкий буржуа, «взбесившийся от ужасов революции», написал брошюру «Диктатура пролетариата», по словам В. И. Ленина «во сто раз более позорную, более возмутительную, более ренегатскую чем знаменитые «Предпосылки социализма» Бернштейна». Почти 20 лет,— писал тогда Ленин, возмущенный гнусным содержанием книги Каутскго,—прошло со времени издания этой ренегатской книги, и теперь является повторение, углубление ренегатства Каутским» [3].

Ленин еще до империалистической войны оценил по достоинству путь, на который стали Каутские во всем мире, как путь ренегатства, предательства. Пролетарская революция, победоносно

[1] *Ленин,* Пролетарская революция и ренегат Каутский, т. XXIII, стр. 248, изд. 2-е.

[2] *К. Каутский.* Социал-демократия и большевизм.

[3] *Ленин,* т. XXIII, стр. 218.

завершившаяся в октябре 1917 г. в России, встретила в лице Каутского и других теоретиков социал-демократии своих наиболее озлобленных врагов. До сих пор не было той гнусности и подлости со стороны буржуазии, не было того преступления против пролетариата революции, против рабочего класса, которые не встретили бы оправдания и защиты со стороны ренегатов из II Интернационала и папы этих ренегатов — К. Каутского.

13 лет назад Каутский еще не предвидел, что пролетарская диктатура упрочится в СССР. Но он и тогда полон был злобы против пролетарской диктатуры, ратовал за «чистую демократию», доказывал, что эксплоататор и эксплоатируемый—палач и его жертва — должны быть «равны» хотя он знал, что не может быть равенства между палачом и его жертвой, между эксплоататором и эксплоатируемым, между капиталистом и рабочим. Он доказывал, что демократия должна охранять спокойствие меньшинства, т. е. охранять эксплоататоров и паразитов. Ленин характеризовал работу Каутского, как «кашу и путаницу первого сорта». Вместо марксизма Каутский давал «обрывки либеральных учений и проповедь лакейства перед буржуазией и кулаком»[1].

С тех пор утекло не только много воды, — с тех пор пролились реки рабочей крови в Германии и других капиталистических странах. Партия социал-демократов, вдохновителем и апостолом которой выступает К. Каутский, оказалась крепко прикованной к колеснице буржуазии. В целом ряде стран она разделила с нею власть над пролетариатом и разделяет с нею полностью ответственность за все преступления перед рабочим классом. Она является вдохновительницей и застрельщицей всех антисоветских кампаний. На страницах органа германской социал-демократии «Форвертс», на страницах французского «Попюлера», на страницах «Социалистического вестника» русских меньшевиков находят приют клеветники и лжецы всего мира; даже то, что иногда «стесняются» печатать буржуазные газеты, подхватывают «социалисты» из II Интернационала. Здесь находят оправдание всякой гнусности против СССР. здесь ведется подготовительная газовая атака против СССР. Социал-демократия проводит некоторое «разделение труда»: она берет на себя задачу отравлять сознание рабочих и тех слоев мелкой буржуазии, которые еще доверяют хоть сколько-нибудь «социалистам» из II Интернационала.

Через 12 лет после выхода своей брошюры «Диктатура пролетариата» К. Каутский разразился новой работой «Большевизм в тупике». Русские социал-демократы услужливо перевели эту книжку и снабдили ее послесловием г-на Дана, который, смутив-

[1] *Ленин,* т. XXIII, стр. 390.

шись слишком болтливыми откровениями маститого, почтенного старца, впавшего в неистовый контрреволюционный раж, старается отвести след, доказать, что они — Дан, Абрамович и К° — «не согласны» с К. Каутским, который призывает откровенно к контрреволюции и интервенции в СССР.

Но что произошло за эти 12 лет и кто действительно очутился в тупике в 1930 — 1931 гг.?

Вряд ли стоит доказывать, что за эти 12 лет пролетарская диктатура окрепла, упрочилась, что социализм сделал гигантские завоевания. Восстановлено разрушенное империалистической и гражданской войной хозяйство. Заканчивается выполнение десятилетнего плана *Гоэлро*. Три года страна выполняет грандиозный пятилетний план социалистической реконструкции всего народного хозяйства, и слепой видит, что этот план будет выполнен в четыре года. За один только 1931 г. будет пущено в ход более 600 новых заводов. Гигантски выросла доля рабочего класса и трудовых масс крестьянства в национальном доходе. Десятки миллионов рабочих и крестьян принимают участие в строительстве мировых гигантов промышленности и сельского хозяйства. Более одной трети крестьянских хозяйств коллективизировано. В стране произошла величайшая культурная революция — из неграмотной, невежественной страны СССР становится и стал уже передовой страной строящегося социализма. Десятки новых вузов, сотни новых техникумов, десятки тысяч новых школ, сотни газет с многочисленными и даже миллионными тиражами на всех языках народов СССР, тысячи клубов, дворцов-культур, домов отдыха и тому подобных учреждений созданы революцией. Ликвидирована безработица в то время, когда весь мир охвачен отчаянными судорогами экономического кризиса и больше 35 млн. безработных протягивают руку, голодают. Только совершенно ослепленные ненавистью к СССР, к пролетарской революции, к пролетариату предатели могут говорить о «большевизме в тупике». Перед нами еще величайшие трудности, но перед нами — широкий открытый путь социалистического развития. Миллионы рабочих и крестьян участвуют в социалистическом соревновании, проявляют величайший героизм и энтузиазм. Смешными, жалкими звучат речи Каутских о «большевизме в тупике».

Но зато посмотрите, что произошло за эти 12 лет в капиталистических странах, в частности в стране, где не раз были у власти Каутские и его друзья. Германия снова в тисках нужды, разорения. Пролетарская Германия со стиснутыми кулаками проходит по улицам Берлина и других городов. Все способы, какими

капиталистический мир мог с помощью социал-демократов лечить больную Германию, испробованы. Испробован план Дауэса, испробован план Юнга, испробована отмена конституции и замена ее 48-м параграфом. За эти годы выросла партия фашистов, за эти годы социал-демократия вместе с фашистами участвовала в устройстве кровавых бань германскому пролетариату. С кем угодно она заключит союз против пролетариата. Если для этого нужен конкордат с папой,— пожалуйста, социал-демократы — народ не гордый, они готовы целовать туфли у папы Пия и участвовать вместе с ним в крестовом походе против СССР. За эти годы далеко шагнуло вперед обнищание пролетариата: десятки миллионов безработных, массовые убийства, беспросветность, закат, — это ли не тупик? И это ведь не только в Германии! Чтобы отвести, отвлечь внимание масс, Каутский пишет о «большевизме в тупике», полон злобы против СССР.

Основной смысл книжки Каутского «Большевизм в тупике» заключается в том, что, по мнению г-на Каутского, пролетарская диктатура превратила рабочих в своего рода дворянство; это дворянство «ограбило» помещиков, не дает эксплоататорам избирательных прав и поэтому нарушает то понятие о «чистой демократии», за которое боролся и борется Каутский. В самом деле, за что боролись?! Каутский на основании источников, которые ему подсовывают гг. Гарви, Абрамович и другие русские меньшевики, дает гнуснейшее изображение советского строя, жизни в СССР, положения рабочего класса, крестьянства и других слоев населения, доказывает, что весь мир вздохнет свободно, когда будет свергнута власть пролетарской диктатуры в СССР, что от этого расцветет промышленность, торговля и т. п. во всем мире. И вот «*на пути ко всему этому благодетельному развитию,* — *разъясняет г-н Каутский,* — *стоит непроходимая каменная громада большевизма. Убрать большевизм с дороги и заместить его демократией* — *значит открыть путь к расцвету не только в России, но и во всей Европе*». Ясно, кажется, что г-н Каутский является не чем иным, как адвокатом, лакеем империализма, цепным псом буржуазии, которого натравили на СССР. Да, г-н Каутский при этом «полемизирует» с частью социал-демократов, которые *открыто* боятся сознаться, что они тоже за интервенцию, что они тоже за свержение вооруженной силой власти советов. И г-н Дан пользуется случаем, чтобы показать, что он действительно «против» интервенции, но почему в самом деле Дан «полемизирует» в чем он «не согласен»? Почему теперь он и Абрамович заявляют (под присягой!), что они никакого отношения к интервенции не имеют — знакомая картина! Ведь и Пуанкаре, ведь и Милюков

не имеют никакого отношения к интервенции! Ведь и они против интервенции! Трогательная картина присяги, когда сто раз проституировавшие истину, изобличенные в мошенничестве люди клянутся в невинности, никого не обманет. Маневр Абрамовича и Дана вскрыт на судебном процессе меньшевиков полностью. Рассказывая о том, как они «дошли до жизни такой», Шер, Залкинд, Якубович, Иков, Громан, Суханов и др. вынуждены признать, что главная причина перехода социал-демократии на путь вредительства и интервенции — *полная потеря всякой связи с рабочим классом;* меньшевики могут опереться только на кулацкие, антисоветские, спекулянтские, вредительские элементы. Они ориентировались на вредительство, надеясь, что этим они смогут вызвать восстание рабочих и крестьян, обострив до последней степени их недовольство, ухудшив снабжение и т. п. Эта ставка их провалилась. Они убедились в том, что внутри страны нет таких сил, которые могли бы свергнуть власть советов, эти силы надо искать вне Страны советов, эти силы — силы интервенции. Открыто сказать всему миру, что социал-демократия перешла на сторону интервенции,— этого *пока* II Интернационал сказать не хочет и не может еще. Он поэтому в официальных документах «отгораживается» от точки зрения Гарви и Каутского. Каутский и Гарви, Жордания и Блюм более откровенно выбалтывают истинные намерения II Интернационала. Подобно ген. Миллеру, который разоблачил своих хозяев, открыто заявив в противоположность им, что он по заданию империалистов *готовится* к интервенции, *организует* белогвардейские отряды, генерал от контрреволюции Каутский решается ответить г-ну Дану. Он отвечает в гильфердинговском «Гезелльшафт» статьей «Социал-демократия и большевизм». В этой статье он разоблачает, выдает своих оппонентов с головой. В этой статье Каутский заявляет, что «мы все сходимся также в том, что советский строй превратился в проклятие для всего русского народа и для пролетариата всех стран». Каутский заявляет: «Мое изложение, которое деятельность большевиков признает отменно контрреволюционной, не опровергается». Он доказывает, что в Стране советов в отношении землепользования вернулись «к временам до Александра II», что «для рабочих крупных предприятий существует трудовая повинность и крепостничество», что «на профсоюзы, фабзавкомы, на все хозяйство одета смирительная рубашка». «Большевизм, — заявляет он, — не бонапартизм, он хуже, нежели бонапартизм». Он ссылается на мнение г-на Абрамовича, который «*сам пишет, что колхозный эксперимент контрреволюционен по своим последствиям*». В итоге он заявляет: «*мы в основных чертах соглас-*

ны»,— с чем вас, г-да Дан и Абрамович, поздравляем. Но если вы «в основных чертах согласны», то буржуазии больше ничего и не нужно; ей только этого и нужно, чтобы вы и впредь продолжали изображать строй СССР хуже бонапартизма, коллективизацию — крепостным правом, социалистическое соревнование рабочих — принудительным трудом и т. п.

Каутский изобличает Дана, заявляющего, что «в современной России нет никаких предпосылок для новой демократической революции». Он правильно отмечает, что «Дан проявляет величайший пессимизм по отношению ко всем слоям русского народа, будь то рабочий или крестьянин. . .» Но если это так, если новая демократическая революция невозможна, по мнению меньшевиков, если ни рабочий, ни крестьянин не поддерживают их, а силы вредителей, как они в этом убедились, совершенно недостаточны для того, чтобы сломить СССР или заставить его свернуть с социалистического пути, — то *что же останется?* Остается путь вмешательства извне, путь интервенции. «*Нынешний спор показал,* — разъясняет Каутский, *что осуждение большевистского режима разделяется всеми, как бы его ни называли*». «*Общая программа действий для всех демократических элементов, по меньшей мере для всех социалистов, так же возможна.* Чтобы понять, о каких «демократах» идет речь, достаточно указать на то, что господин Каутский предлагает повсюду стремиться к объединению одних существующих государственных единиц с другими в большие политические образования — пан-Европа, Лига Наций.

Что собой представляет пан-Европа и Лига наций — это рабочие знают очень хорошо. Для чего они созданы — тоже достаточно ясно теперь. К объединению кого же и с кем призывает господин Каутский? Он призывает к объединению социалистов с пуанкаристами, II Интернационала с интернационалом капиталистов. Он разоблачает Данов и Абрамовичей, уверяя, что «*вся деятельность, которую развивали до сего времени мои друзья Абрамович и Дан, — порука в том, что они будут не последними, но первыми*».

Тринадцать лет назад Ленин писал: «Величайшая беда и опасность Европы в том, что в ней нет революционной партии. Есть партия *вредителей* вроде Шейдемана, Реноделей, Гендерсонов, Уэббов и К°, или лакейские души вроде Каутского; но нет партии революционной. Конечно могучее революционное движение масс может выправить этот недостаток», в этом был уверен Владимир Ильич.

Могучее революционное движение за эти 13 лет выправило недостаток, о котором писал Ленин. Теперь в Европе, во всем ми-

ре выросли коммунистические партии. Нет страны, в которой бы не развивалось коммунистическое движение под знаменем Коминтерна. В самой Германии германская коммунистическая партия стала величайшей политической силой, как и в других странах. Такой силой становится коммунистическая партия в борьбе за массы, в борьбе за большевизацию этих масс. Никакой силе не сломить этого движения, ни террору, ни отдельным изменам и перебежкам, ни колебаниям отдельных, шатающихся групп. Но мы не забудем, что есть еще партия вредителей, есть Каутские, Абрамовичи и Даны. Мы говорим рабочим всех стран: берегитесь их, берегитесь ренегатов Каутских, открыто призывающих к интервенции; но берегитесь еще больше змей подколодных — Абрамовичей и Данов, лицемерно прячущихся и играющих иногда в «левизну», ибо именно они являются наиболее опасными врагами пролетарской революции. Берегитесь их, вырывайте из-под их влияния последних рабочих, всякого трудящегося, который поддается еще сегодня их демагогии. Посмотрите, как папа Каутский цинично призывает к интервенции, разоблачайте смысл клятв и уверений Абрамовичей и Данов. Ломаного гроша не стоят их клятвы и уверения.

Каутский в своей последней статье не мог обойтись без гнусного выпада против Ленина, против его памяти. «Когда умер Ленин, — пишет он, — я счел своим долгом высказать уважение, которое вызывала во мне его бесконечная преданность делу пролетариата, несмотря на многие неприятные черты его личности, несмотря на его жестокость и лживость».

При жизни своей Ленин заклеймил этого ренегата от марксизма и лакея буржуазии со всей силой своей революционной страсти. Для чего нужно Каутскому говорить теперь о своем уважении к Ленину? Да ведь это тоже ловкий маневр вредителя, ибо он знает, что уважение к Ленину, что преданность ленинским идеям за эти годы выросли гигантски, что имя Ленина стало символом освобождения трудящихся во всем мире, что дело Ленина есть дело всего рабочего класса, что оно — бессмертно. А Карл Каутский превратился в отвратительного карлика, который нашел ныне приют на страницах социал-колчаковцев, под крылышком фашистов ген. Гайды издающих журнал «Воля России».

Единый фронт между палачами сибирских рабочих, между интервентами из грузинской партии, между социал-колчаковцами, социал-фашистами и между буржуазией, которая разрабатывает план интервенции, заставляет нас еще более энергично работать над развертыванием социалистического строительства, над сплочением революционных пролетариев всего мира, над подготовкой к тяжелым неизбежным боям за социализм во всех странах.

„Правда" № 65 от 7 марта 1931 г.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Австралия — 117.
Австрия — 91, 100.
Азербайджан — 56, 57.
Азия — 77, 131, 141.
Алтай — 16, 126, 132, 139, 231.
Америка —91, 98, 109, 114, 145.
Англия —7, 10, 18, 54, 55, 58, 68, 70, 77, 91, 117, 181, 214, 233, 245, 246.
Антанта —14, 15, 54, 55, 58, 138, 140, 153, 227.
Асхабад —107
Арзамас —194.
Армения —56, 57.
Архангельск —61, 112.
Архангельское правительство — 141.

Бавария —137.
Байкал —199, 200, 207.
Баку —45, 54.
Болгарский крестьянский союз — 137.
Баланда —137.
Батум —54, 55, 56.
Белоруссия —23.
Берлин —50, 107.
Берн —109.
Богородское —201.
Брест —181.
Брестский мир —14, 15, 181.
Будапешт —107.
Бузулук —107.
Буферная группа —18.

Варшава —118, 119.
Вашингтон —58.
Веймар —107.
Вена —107, 244, 246.
Венев —216.
Венгрия—4, III, 137, 232, 240, 241.
Викжель —13.
Владимир —195.
Владивосток —58, 59, 112, 113, 120, 199.
Владикавказ —44.
Волга —15, 117, 155, 201, 247.
Воронежская губ.—125, 137, 219.
Воткинск —110.
Временное правительство —51, 72, 113, 147, 194, 201.
Временное сибирское правительство —207.
Второй Интернационал —3, 4, 5, 9, 13, 24, 27, 29, 32, 37, 40, 41, 42, 53, 55, 56, 59, 67, 75, 77, 78, 79, 140, 142, 143, 145, 154, 241, 243, 244, 245, 248, 254, 256, 259, 260.

Галле —116.
Гатчина —85.
Германия —4, 5, 7, 50, 51, 62, 64, 68, 91, 116, 117, 181, 190, 194, 215, 226, 232, 252, 256, 257, 258, 261.
Гжатск —216.
Государственное совещание в Уфе —204, 206.
Государственное совещание в Челябинске —215.
Грузия —53, 54, 55, 56, 57, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 248.
Группа демократического централизма —18, 22.

Дальний Восток —57.
Дальне-восточная республика — 114, 120, 121.
Дарданеллы —55.
$2^1/_2$ Интернационал —54, 59,
Джизак — 205, 206.
Джунгария —236.
Диктатура пролетариата — 10, 11, 17, 18, 19, 23, 26, 29, 31, 36, 68, 78, 79, 125, 131, 151, 158, 184, 187, 228, 241, 256.
Директория —114, 117.

Дон —84, 85, 86, 93, 99, 148, 153, 201.
Духовщина —216.

Европа —77, 137, 142, 145, 168, 214, 216, 233, 234, 242, 258, 260.
Египет —60.
Екатеринбург —199, 206.
Екатеринослав —221, 223.

Забайкалье —101, 200.
Завод Бромлея —18.
Закавказье —77.

Индия —78, 117.
Индо-Китай —77.
Иркутск —168, 199, 200.
Иртыш —235.
Италия —52, 71, 91, 204.
Ишим —235.

Кавказ —45, 57, 70, 85.
Казань —104, 145, 148, 153, 155, 201.
Калужская губ. —216.
Кама —201, 247.
Кашира —216.
Киев —45, 57, 182, 214, 221.
Кизел —221.
Кинталь —140.
Кирсанов —135.
Китай —28, 77, 78, 168, 207, 236, 242.
Китайско-восточная ж. д. —32, 207, 235.
Кенигсберг —226.
Климов —195.
Ковров —195.
Колюбаки —195.
Комбеды —14.
Комитет общественной безопасности —8.
Комитет независимости Грузии —69, 70.
Комитет членов Учредительного собрания —105, 108, 201.
Коммунистический Интернационал —24, 27, 28, 29, 35, 53, 111, 113, 116, 170, 183, 190, 192, 225, 241, 243, 244, 246.
Коммунистический манифест — 7, 49, 77, 212.
Константинополь — 55, 71.
Корея — 236.
Красная армия — 71, 108, 113, 118, 155, 180, 181, 189, 201, 202, 214, 217, 219, 221, 222, 235, 236.
Красная гвардия — 45, 47.
Красноводск — 107.
Кремль — 15, 80, 81, 146, 175.
Крестьянский союз — 16, 124, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 133, 134, 136, 137, 141.
Кронштадт — 18, 19, 125, 227, 228, 229, 230, 234.
Кронштадтское восстание — 4, 18, 19.
Крым — 77, 116, 126.
Кубань — 84.
Курск — 219, 221.

Латвия — 226.
Лига наций — 70, 71, 260.
Лондон — 56, 225.

Майкоп — 221.
Минск — 45.
Михайлов — 216.
Могилев — 94, 95, 140.
Монголия — 130, 236.
Москва — 13, 15, 18, 28, 38, 44, 45, 46, 57, 58, 62, 71, 77, 80, 81, 82, 85, 87, 93, 98, 101, 116, 117, 145, 148, 160, 167, 180, 185, 188, 192, 193, 195, 196, 201, 218, 224, 225.
Московская губ. — 226.
Моршанск — 216.
Мадьюга — 233.
Муром — 153, 193, 194, 195.

Навашин — 195.
Народная армия — 111, 113, 133.
Национальный центр — 218.
Николаев — 221.
Новониколаевск — 235.
Нью-Йорк — 56, 59 225.
Нэп — 15, 17, 21, 22, 23, 24, 25, 29, 31, 40, 41.

Обь — 235.
Одесса — 107, 221.
Омск — 102, 196, 208, 235, 237.
Орловская губ. — 219.
Осетия — 56.

Павлов — 195.
Палестина — 246.
Париж — 56, 114, 119, 121, 137, 148, 155, 225.
Парижская коммуна — 229.
Пермь — 247.
Персия — 56.
Петроград — 12, 19, 43, 57, 72, 86, 115, 179, 227, 231.
Поволжье — 110, 155, 200, 219.
Полтава — 221.
Польша — 69, 70, 73, 77, 155.
Порт-Артур — 22.
Поречье — 216.
Право-«левацкий» блок — 39.
Прага — 115, 117, 118.
Предпарламент — 12.
Пресса:
«Арбейтер цейтунг» — 246.
«Борьба» — 185, 187.
«Бюллетень оппозиции» — 29.
«Венская рабочая газета» — 28.
«Вестник Комитета членов Учредительного собрания» — 104.
«Вечерняя заря» — 208, 209.
«В глухую ночь» — 87.
«Власть народа» — 92.
«Воля России» — 115, 116, 117, 125, 261.
«Вперед» — 45, 46, 47, 49, 61, 108.
«Газета печатников» — 63, 67.
«Гезельшафт» 259.
«Голос России» — 140, 141, 190.
«Дальневосточная республика» — 113.
«Дело народа» — 95, 110, 111.
«Дни» — 142.
«Единство» — 210.
«Жизнь» — 150.
«Известия военного ревкома г. Кронштадта» — 227.
«Известия Временного комитета матросов, красногвардейцев и рабочих г. Кронштадта» — 227.
«ИЗВЕСТИЯ ВЦИК» — 183.
«Красная звезда» — 66.
«Листок с.-р.» — 102, 111.
«Народное дело» — 125.
«Непериодическое издание центрального стачечного комитета городских служащих» — 90.
«Новое время» — 141, 142.
«Новая жизнь» — 11, 12, 13.
«Общее дело» — 141.
«Попюлер» — 27.
«Последние известия» — 25, 118.
«ПРАВДА» — 51, 52, 63, 64, 67, 68, 69, 71, 74, 79, 103, 106, 109, 113, 115, 124, 137, 143, 146, 151, 171, 174, 183, 184, 188, 190, 192, 195, 198, 200, 203, 204, 206, 207, 209, 214, 215, 216, 218, 220, 222, 223, 224, 232, 234, 233, 240, 241, 243, 246, 255, 261.
«Приазовский край» — 223.
«Революционный печатник» — 67.
«Рейнише цейтунг» — 28.
«Руль» — 25, 141, 190.
«Русские ведомости» — 86.
«Русское слово» — 66.
«Свобода» — 154.
«Сибирская речь» — 196, 198.
«Слово» — 77.
«Социалистический вестник» — 27, 58, 242, 256.
«Спартак» — 67.
«Таймс» — 28.
«Труд» — 101.
«Уоркерс Уикли» — 244.
«Уральский рабочий» — 221.
«Утро Сибири» — 204.
«Форвертс» — 27, 108, 256.
«Эртоба» — 54.
Приморск — 120.
Промпартия — 31, 32, 33, 40, 78.
Псковская губ. — 216.
Путиловский завод — 38.

Рабочая группа — 21.
Рабочая оппозиция — 16, 17, 18, 20.

Рабочая правда — 22.
Рабоче-крестьянская партия — 20, 21.
Рада — 44, 100, 186, 214.
Раненбург — 216.
Ревель — 107.
Ростов на Дону — 84, 223.
Румыния — 91.
Рур — 143.
Рыбинск — 153.

Самара — 61, 103, 104, 105, 106, 110, 112, 150, 155, 201, 203, 208.
Самарканд — 205.
Самарская губ. — 134.
Сапожок — 216.
Саратовская губ. — 125, 131, 133, 136, 137.
Севастополь — 63.
Семиречье — 101.
Сибирь — 16, 77, 102, 110, 112, 114, 117, 121, 125, 126, 128, 129, 132, 133, 134, 136, 137, 148, 155, 198, 199, 200, 202, 205, 206, 208, 218, 219, 226, 234, 235, 236, 237.
Силивановка — 195.
Симбирск — 104, 111, 145, 199, 201.
Симферополь — 63, 107, 221.
Смоленская губ. — 216.
Союз возрождения России — 196, 198.
«Союзное бюро» — 33, 39, 40, 79.
Союз печатников — 67.
Сызрань — 206.

Таганрог — 84, 85, 86.
Тамбовская губ. — 16, 125, 131, 133, 135, 137, 216, 217.
Ташкент — 206.
Тверская губ. — 216.
Тифлис — 44.
Тобол — 235.
Тобольск — 133.
Тобольская губ. — 131.
Токио — 226.
Томск — 235.
Торгпром — 33.
Троцкистская оппозиция — 24, 26, 34.
Трудовая крестьянская партия — 32, 33, 40.
Туркестан — 205.
Тюменская губ. — 131, 139.

Углич — 159, 168.
Украина — 23, 77, 125, 212, 214, 215.
Урал — 86, 133, 155, 200, 202, 206, 218, 219, 221, 222.
Уфа — 61, 63, 101, 110, 111, 187, 201, 202, 204, 206, 208.
Уфимская губ. — 131.
Учредительное собрание — 44, 47, 48, 49, 50, 60, 61, 62. 94, 95, 96, 97, 100, 102, 103, 104, 107, 108, 109, 110, 112, 113, 117, 120, 121, 132, 133, 138, 140, 147, 148, 150, 154, 179, 186, 194, 217, 253.

Финляндия — 91, 231.
Франция — 4, 5, 7, 55, 69, 70, 91, 117, 147, 181, 210, 214, 215, 233, 242.

Харьков — 182, 185, 221, 223.
Хвалынок — 110, 113.
Херсон — 221.

Царицын — 221.
Циммервальд — 94, 95, 140.
ЦИК I созыва — 43.
Цыкса — 196.

Челябинск — 205, 208, 235.
Чермоз — 221.
Чехо-Словакия — 70, 115, 116.
Чехо-словаки — 105, 153, 199, 209, 218, 234.
Чита — 120, 206.

Швеция — 91.

Якутск — 52, 236, 248.
Якутская область — 159.
Япония — 118, 168, 207, 226, 234, 236, 242.
Японский штаб — 130.
Ярославль — 104, 148, 153.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абрамович — 29, 37, 51, 59, 60, 61, 62, 67, 73, 77, 172, 242, 243, 255, 257, 258, 259, 260, 261.
Авдеев — 44.
Авксентьев — 43, 58, 82, 84, 104, 114, 127, 138, 141, 183, 203.
Адоратский — 4.
Аксельрод — 196, 251.
Александр II — 259.
Александр III — 92.
Алексеев — 52, 93, 98, 148, 193, 194.
Алексинский — 51, 99, 117, 182.
Алферов — 130.
Андреев — 230.
Андреева-Лавченко — 248.
Андронников — 69, 70, 71.
Анненков — 235.
Антонов — 135, 136.

Банч — 236.
Бауман — 66.
Бахметьев — 233.
Бебель — 4.
Белов — 130.
Бенеш — 116.
Бернштейн, Коган — 106.
Бернштейн Эдуард — 255.
Биценко — 83.
Блюм — 259.
Бобошко — 149.
Бович (Генкин) — 209, 218, 219.
Богаевский — 148, 153.
Болдырев — 114.
Борисяк — 160, 167.
Боценгардт — 242.
Брагинский — 248.
Брагинская — 248.
Брамсон — 248.
Брешковская — 109, 183, 254.
Брушвит — 104, 105, 106, 205.
Булак-Балахович — 145, 149, 155.
Бунаков — 254.
Бурцев — 99, 114, 116.
Бурышкин — 88, 90, 92, 93, 98.
Бухарин — 18, 32, 33, 178, 179, 180, 191.
Буянов — 107, 108, 109.

Вандервельде — 53, 140, 244.
Васильков — 185.
Веденяпин — 202.
Веллер — 239.
Венглинский — 180.
Вершинин — 229, 230.
Вильгельм II — 100, 106, 111, 215.
Вилькен — 229.
Вильсон — 61, 109, 114, 173, 215.
Вильямс — 244.
Винниченко — 214, 215.
Виноградов — 114.
Волков — 23, 39.
Володарский — 192, 254.
Вологодский — 114, 197.
Волошкин — 230.
Вольнов — 150.
Вольский — 104, 106, 107, 118.
Воровский (Орловский) — 156, 158, 163, 169.
Врангель — 54, 57, 117, 125, 140, 149, 150, 155, 226.
Высоцкий — 140.
Вяземский — 221.

Гаазэ — 63.
Гаврилов — 178.
Гагарин — 44.
Гайда — 261.
Гаври — 27, 37, 258, 259.
Гартунг, Горст — 239.
Гартунг, Риун — 239.
Гвоздев — 23, 40.
Гегечкори — 54, 57.
Гендерсон — 140, 260.
Герцен — 157, 163.
Гессен — 141.
Гинзбург — 23, 39.
Гинсбург, С. — 248.
Гиппиус — 226.

Глазенап — 149.
Горовой — 68.
Гофман — 56, 173, 214.
Гоц — 43, 140, 192.
Грачевский — 248.
Гржезинский — 77.
Грей — 28.
Гренер — 145.
Григорьев — 117.
Григорьев, Н. — 145, 194.
Грин — 77.
Гринберг (Кон) — 248.
Гришин — 185.
Гришин-Алмазов — 205.
Громан — 22, 32, 38, 40, 41, 79, 159, 161, 162, 163, 168, 169, 170, 259.
Громов-Мамонов — 236.
Гроссман — 244.
Губельман — 248.
Гучков — 225, 226.

Далин — 252,
Дамания — 71.
Дан — 29, 37, 43, 44, 50, 51, 52, 64, 65, 66, 67, 73, 77, 108, 172, 243, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261.
Дауэс — 258.
Дейч — 248.
Деконский — 182.
Деникин — 52, 56, 57, 73, 86, 93, 98, 99, 117, 118, 119, 140, 148, 153, 218, 220, 222, 223, 226, 254.
Деревенский — 112.
Джугели — 57.
Дзержинский — 179.
Дитман — 116.
Донской — 43.
Друцкий — 44.
Дубасов — 152.
Дурново — 44.
Дутов — 86, 103.
Духонин — 44.

Жанне — 203.
Желтовский — 133.
Желябов — 247.
Жордания — 53, 56, 70, 73, 77, 78, 242, 259.
Жукова — 221.
Жуо — 244.

Залкинд — 38, 74, 259.
Запольский — 44.
Зензинов — 113, 114, 115, 116, 119, 140, 143.
Зимин — 137.
Зиновьев — 4, 13, 14, 25, 30.

Ивалов — 230.
Иванов (генерал) — 205, 206,
Иванов (эсер) — 18.
Игнатьев — 129, 130, 132, 140, 141.
Иков — 23, 79, 259.
Инкпин — 244, 245.

Кабцан — 120, 203.
Кавтарадзе — 43.
Казагранди — 130.
Кайгородов — 236.
Каларандашвили — 236.
Каледин — 43, 47, 52, 83, 84, 85, 86, 89, 93, 148, 153.
Каляев — 151.
Каменев — 11, 13, 14, 25, 30.
Камков — 180, 186, 187, 194.
Кангер — 248.
Канторович — 87.
Каплан — 144.
Карась — 137.
Караулов — 43.
Каутский — 29, 37, 56, 57, 73, 75, 77, 78, 161, 249, 255, 256, 257, 258, 260, 261.
Керзон — 142, 143.
Керенский — 43, 44, 52, 72, 82, 84, 85, 94, 99, 115, 116, 117, 118, 119, 127, 129, 138, 153, 157, 183, 201, 250, 254.
Кибрик — 202.
Кильгаст — 229.
Клемансо — 26, 61, 255.
Климушкин — 104, 105, 106.
Коварский — 90, 91, 92, 93.
Ковшиков — 230.
Коллонтай — 17.
Колтун — 230.
Колчак — 16, 63, 65, 110, 114, 117, 128, 130, 148, 155, 221, 222 226, 234, 235, 264.
Кон, Феликс — 248.
Кондратьев — 23, 156, 157, 159, 161, 162, 163, 168, 169, 170.
Коновалов — 45, 99, 121, 157.
Коноплев — 140.

Коноплева, Лидия — 141, 142.
Корнилов — 52, 83, 84, 85, 86, 93, 98, 99, 117, 147, 153.
Краковецкий — 140.
Красильников — 235.
Краснов — 65, 148, 181, 189.
Кропоткин — 201, 202.
Крупп — 225.
Крымов — 85.
Кравченко — 236.
Кудрявцев — 105.
Кун, Бела — 111.
Кускова — 91, 92, 93.

Лазо — 236.
Лацис — 180,
Лебедев — 116.
Леман — 242.
ЛЕНИН — 4, 8, 9, 10, 11, 12, 15, 17, 18, 19, 21, 22, 23, 24, 26, 41, 59, 72, 75, 76, 111, 144, 145, 146, 153, 157, 173, 183, 184, 188, 191, 204, 237, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 260, 261.
Ленский — 202, 203,
Леопольд Баварский — 100, 101, 102.
Леонов — 132.
Либер — 43, 44.
Либерман — 140.
Либкнехт — 50, 51, 63, 64, 67, 77, 107, 140, 182, 239, 240.
Линофен — 239.
Лихач — 202.
Лихобабин — 193.
Ллойд Джордж — 225.
Лойко — 248.
Лубков — 236.
Лутовинов — 16.
Львов — 119, 121, 201, 202, 208, 209.
Люксембург, Роза — 50, 51, 63, 64, 77, 107, 140, 182, 239, 240.

Мазуренко — 214, 215.
Майский — 58, 202.
Макдональд — 7, 75, 78, 244, 245, 246.
Мамонтов (большевик) — 236.
Мамонтов (генерал) — 223, 224.
Маркс — 4, 7, 8, 34, 35, 53, 210, 211, 249, 252, 254.
Мартель — 115.
Мартов — 57, 58, 59, 74, 67, 68, 78, 251, 252.
Массарик — 145.
Маслов — 254.
Медведев — 17, 25.
Мережковский — 226.
Миллер — 226, 259.
Мильне — 54.
Милюков — 4, 45, 55, 119, 121, 141, 157, 225, 226, 258.
Минор — 90, 91, 92, 93, 115, 116, 119.
Мирбах — 194.
Михайлов — 114,
Михельсон — 170.
Молотковский — 140.
Мосли — 7.
Муравьев — 15, 145.
Муссолини — 159.
Мюдлер — 226.
Мясников — 21.

Никитин — 45, 90, 92.
Никифоров — 248.
Николай II (Романов) — 100, 103,
Новиков, К. — 248.
Новомбергский — 53.
Новоселов — 132.
Носке — 77, 239, 240, 244.
Нуланс — 145.

Павлов — 230.
Панюшкин — 20, 21.
Пепеляев — 236.
Перемыкин — 149, 155.
Перхуров — 148, 194.
Пестковский, С. — 248.
Петлюра — 99.
Петров — 44.
Петунин — 39, 40, 41.
Пий (папа) — 258.
Пиковский — 214.
Пилсудский — 145, 149, 153, 159.
Плеве — 152.
Плесков — 108.
Плеханов — 210, 252.
Подбельский — 105.
Полоченко — 230.
Попов (левый эсер) — 173, 174, 180, 189.
Попов (правый эсер) — 137.
Пор — 111.
Похитонов — 44.

Прибылев — 202.
Прокопович — 157.
Прошьян — 15.
Прудон — 7.
Пуанкаре — 153, 258.
Путилин — 229, 230.

Радек — 27.
Рамзин — 78.
Рахманинов — 160, 167.
Рахманов — 116.
Ребенда — 203.
Ренодель — 255, 260.
Родзянко — 93.
Ровенский — 248.
Романов, Михаил — 100, 130.
Ротген — 239.
Рубин— 34, 37.
Руднев — 44, 83, 86, 88, 90, 91, 94, 96 98, 99, 183.
Рунге — 239, 240.
Русанов — 196.
Рутгерс — 237.
Рыков — 13, 30, 32, 33, 157.
Рычков — 148.
Рябушинский — 92, 93, 98, 99.
Рябцев — 81.
Рязанов — 13, 21, 30, 34, 35, 36.

Саблин — 180.
Саботаж — 221.
Савинков — 52, 70, 83, 84, 85, 92, 93, 98, 99, 116, 117, 118, 127, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 183, 194, 225, 226.
Сазонов — 151.
Самуэли — 111.
Сапронов — 18.
Сахаров — 194.
Свердлов — 173, 179.
Свирцов — 230.
Святицкий — 116.
Сгурсе — 52.
Семенов (эсер) — 140, 141, 142.
Семенов (атаман) — 99, 130.
Сисмонди — 7.
Скворцов — 131.
Скобелев — 45, 85.
Скоропадский — 214.
Скрябин — 161, 167, 170.
Смидович — 180.
Смирнов, Вл. — 18.
Смирнов — 99.
Сноуден — 116.

Соколов — 118.
Соловьянов — 229, 230
Спиридонова — 60, 92, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 188, 194, 195.
СТАЛИН — 25, 27, 34.
Столыпин — 3, 176.
Струве — 25, 118, 250.
Сулькевич — 214.
Суханов — 12, 23, 32, 40, 41, 79, 156, 161, 168, 259.
Сыров — 116.
Сытин — 50, 65.

Терешкович — 248.
Тибор — 111.
Тимирязев — 66.
Томский — 16, 17, 32.
Троцкий — 18, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 204, 223, 249.
Трупп — 120, 121.

Унгерн — 130, 236.
Урицкий — 192, 254.
Уэбб — 260.

Фигнер — 246, 247.
Фишман — 140.
Фогель — 239.
Фош — 226.
Фрейфельд, Е. — 248.
Фрейфельд, Л. — 248.
Фроленко — 248.
Фрунзе — 21.

Хайкевич — 22.
Халтурин — 247.
Хаскель — 233.
Хорти — 240, 241.
Хохлов — 134.

Цергибель — 77.
Церетели — 44, 45, 54, 56, 58, 63, 99, 201, 242.

Чайковский — 119, 141.
Чаянов (Кремнев) — 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170.
Череванин — 37.
Черепанов — 191.

Чернов — 45, 58, 59, 78, 94, 95, 99, 106, 112, 115, 118, 122, 138, 140, 141, 142, 143, 154, 183, 202, 229, 254.
Черноголовова — 221, 222.
Чернавский — 248.
Черчиль — 226, 235.
Чичерин — 58.
Чолокашвили — 70.
Чухнин — 152.
Чхеидзе — 57, 58, 63, 201.
Чхенкели — 70.

Шапалов — 214.
Шатилов, М. Б. — 198.
Шаумян — 43, 50, 54.
Шейдеман — 50, 51, 62, 63, 64, 66, 67, 214, 215, 239, 240, 255, 260.
Шелонин, М. — 187.
Шер — 23, 32, 37, 38, 79, 157, 259.
Шетинкин — 236.
Шетлих — 248.
Шкуратов — 154.
Шляпников — 13, 17, 21, 25, 30.
Шубников — 99.
Шульман — 22.
Шуцкевер — 22.
Шухин — 230.

Щегловитов — 182.
Щусь — 137.

Эберт — 239, 240, 244.
Эйснер — 107.
Эйхгорн — 214.
Энгельс — 4, 5, 7, 8, 34, 35, 36.
Эрдели — 93, 98.
Эррио — 70, 71.

Юденич — 57, 118, 119, 125, 226.
Юдин — 130, 131, 132, 140, 141.
Юнг — 258.

Якубович — 12, 259.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

О роли „чистой демократии“ в период пролетарской революции

Вместо предисловия — 3

I. О третьей силе в период пролетарской революции и пролетарской диктатуры — 6

II. Меньшевики за работой

В тревоге за судьбу страны — 43
Клеветникам — 44
У последней черты — 47
Дан—Шейдеман — 50
„Старые порядки“ — 51
Папа, Вандервельде и грузинские меньшевики — 52
Узел — 54
Кавказский клин — 55
Кто для кого работает — 57
Меньшевики за работой — 59

По Сеньке и шапка — 59
Итоги. Горим! Тонем! — 60
Щекотание пято — 60
„Дюжина рабочих у власти“ — 60
Почему крестьяне отказались от Учредительного собрани — 61
Влево — вправо! Вперед — назад! — 61
Против гражданской войны, но за мировую революцию — 61
Зигзаги — 62
Маленькие недостатки механизма — 62
С Либкнехтом или против него? — 62
От чьего имени? — 63

Двурушники — 63
Последняя крепость — 65

12 лет
В чем они нас обвиняют — 65

Стр.

Союз с Шейдеманом 66
Они нам не мешали 66
Макулатура 66
Нельзя быть без лица 67

Меньшевики за развал хозяйства 67
Крах еще одной авантюры 69
Свергнув меньшевиков 72
Большевики и меньшевики 74

III. Подвиги правых эсеров

„Жалеете камни, а не жалеете людей“ 80
Номер третий 82
Соглашение с казаками или борьба? 84
Война с народом 86
„Царь - голод“ 90
Могилевские циммервальдисты 94
Забастовка высших служащих 96
Спасители революции 98
Когда мертвые воскреснут 100
Каинам революции 102
История Самарского переворота 104
Критикам „Совдепии“ 107
Ультиматум 107
Непомнящим родства 110
Старый знакомец 113
Из прекрасного далека 115
Мальбрук в поход собрался 117
Две мерки 119
Наглядный опыт 120
Напрасно запугивают 122
О крестьянском союзе 124
Общее дело контрреволюции 140
Гимн Кервону 142
30 августа 1918 — 30 августа 1924 144
Зеленое разочарование 146
Барские благодетели 152
Манифест кулацкой партии 156
Программа 160
Мечты Чаяновых и советская действительность 162

Стр.

IV. **Куда свернули наши „попутчики“ левые эсеры**

Друзьям Марии Спиридоновой — 172
Трехсвятительская богородица Мария — 174
Вопросы и ответы левым эсерам — 184
Чего хотят левые эсеры? — 188
Ни одного голоса! — 190

V. **За дымовой завесой меньшевиков и правых эсеров (СИЛУЭТЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ)**

Работа буржуазии — 193
Сибирские акулы — 196
Шесть недель сроку — 199
Середины нет — 201
Самарский совет рабочих депутатов — 203
Бриллиант в короне — 205
Не задушите! — 206
Раскованная буржуазия — 208
Год гражданской войны — 210
Винниченко — Шейдеман — 214
Урок — 216
„Долой гражданскую войну“ — 218
Окровавленный Урал — 220
Агитация Деникина — 221
Телеграмма генерала Мамонтова — 223
Торговый дом Савинков — Гучков — Милюков и К° — 224
Кровавый урок — 226
Всем рабочим, всем красноармейцам! — 229
Наш счет — 232
К пятилетию освобождения Сибири — 233

VI. **Слова и дела II Интернационала**

„Слепая ярость“ — 238
Палачам и предателям пролетарской Венгрии — 239
Действуйте откровеннее — 240
Презренная комедия — 243
Подлая выдумка — 245
Заявление членов общества бывших политкаторжан — 246
Судьбы мелкобуржуазных партий в революции — 247
Господин Каутский выдает Абрамовича и Дана — 254

Предметный указатель — 261
Именной указатель — 265